

Валентина Новомирова

ТУМАН

СВІТЛО
НАСХОДІ
Київ
2005

УДК 821.161.1(477)-31
ББК 84.4УКР=РОС6-44

Новомирова В.

Н 74 Туман. — К.: Світло на Сході, 2005. — 176 с.

«Кто-то стучал — тихо, осторожно, но настойчиво. Алена прислушалась. Стук доносился из прихожей, стучали во входную дверь. Алена встала и тихонько направилась в прихожую. В квартире темно — видимо, уже очень поздно и фонари на улице не горят, поэтому так темно. Алена пытается нащупать рукой дверной проем, потому что в прихожую надо пройти через комнату, в которой спит Светик. Но проема она не находит — рука везде встречает прохладную, гладкую поверхность стены. Алена помнит, что с вечера дверь между смежными комнатами была открыта, но сейчас ее нет».

Изд. № 01.435
ISBN 966-96449-3-3

© «Світло на Сході», 2005

ТУМАН

На смену сентябрьской дымке пришли октябрьские туманы. Днем светило солнце, а вечером, ближе к ночи, в Киеве сгушался туман. Он опускался на город, стелился по улицам и растекался по площадям, обволакивал фонари и деревья, смягчал грани и стирал углы, плыл, засыпая на ходу, и вместе с ним плыли в сонную даль убаюканные им окна домов и цепочки размытых уличных огней. Утром туман таял, но не сразу, не вдруг — он продолжал безмятежно спать в уже проснувшемся городе, и ни шум машин, ни нарастающая суета его не тревожили и не пугали. Туман подружился с городом и не боялся его: он дарил его ночам особую, «туманную» тишину, и город радушно отдавал ему свои улицы, площади, скверы и парки. И только когда проглядывало солнце, туман, наконец, просыпался и, смущенный ярким светом, нехотя уползал в киевские яры и урочища, хоронился там, а вечером снова возвращался в город.

Как известно, туманы бывают разные: назойливые и робкие, сухие и влажные, колючие и мягкие, густые и редкие, молочные и кисейные, тяжелые и легкие, холодные и теплые. Туман может накатывать волнами и ложиться пеленой, налетать рваными клочьями и надвигаться стеной... Он может быть непроглядным и непроницаемым, тоскливым и безысходным, а еще он может быть волшебным и чарующим. В октябре в Киеве гостил тихий, спокойный и ласковый туман, дружелюбный и теплый.

Алена Ермилова, штатный корреспондент солидной столичной газеты, поставила последнюю точку и с чувством выполненного долга откинулась на спинку стула. Статья готова. «Ай да Ермилова, ай да молодец! — Она с удовольствием потянулась руками к потолку, распрямляя затекшую спину и плечи. — Сколько же это я просидела не разгибаясь?» Часы на мониторе показывали семь двадцать три — за компьютером она просидела без малого шесть часов. «Нет, Ермилова, так нельзя, — дурачась, побранила себя мысленно, повторяя обычные мамины тирады. — Ох, родная, не доведет тебя работа до добра, загубишь ты себя этой писаниной, сгинешь во цвете лет, и никто потом спасибо не скажет. Да и зачем тебе это самое «спасибо» потом? Сейчас надо, и не «спасибо», а...» А что ей, собственно, надо? Денег? Денег у нее достаточно, работает она, конечно, много, но ведь не за «спасибо». Значит, не денег. «Ермилова, скажи, чего твоя душа желает? От чего бы ты сейчас не отказалась?» — снова обратилась к себе, готовая выполнить любое свое желание — потому как заслужила.

«Так, чего же моя душа желает?» — задумалась Алена. Ее душа желала одного — чтобы преследовавший ее бандюга оставил ее, наконец, в покое. Все началось с безобидного желания бывать на свежем воздухе, благо, стоит золотая осень, и воздух об этой поре, как говорят знающие люди, свеж и приятен. Днем и по вечерам гулять ей было некогда, ночами — пусть гуляют другие, вот и оставалось утро. Алена решила, что будет «гулять на работу» — пешком через парк. Сказано — сделано. Алена, с неукротимой решимостью человека, готового свернуть горы, окажись они под рукой, устремилась навстречу здоровому образу жизни — перевела будильник на час вперед. Это был героический поступок, ибо ранний подъем был для нее вещью такой же нереальной, как и ранний отход ко сну. (Она шутила, что ложится спать очень рано — на рассвете.)

Не зря говорят, что утро вечера мудренее, и решение о переводе звонка на час раньше следует принимать утром, а не вечером, — к такому выводу пришла Алена, упорно сопротивляясь будильнику, трезволившему на письменном столе у противопо-

ложной стены. С вечера она (садистка!) умышленно поставила будильник подальше от дивана, чтобы нельзя было дотянуться рукой и вырубить его (мерзавца!). О как же ей не хотелось просыпаться, расставаться с тепленькой, обогретой собственным телом постелькой, идти через еще не отапливаемую квартиру в ванную, а потом (о ужас!) тащиться пёхом на работу! Все что угодно, только не это! Но обиднее всего было то, что она знала: вставать придется — если не встанет сейчас, то уснет и проснется за полдень, а ей не позднее десяти утра надо сдать статью.

Алена сползла с постели и полусонная, «на автопилоте», поплелась в ванную. Душ взбодрил, но настроения не улучшил — хотелось спать и больше ничего. Алена заварила кофе, покрепче, чтобы ложка стояла, и только после хорошей чашки этого зелья окончательно проснулась. Быстро собралась, завтракать не стала, не хотелось, и потянулась за стоявшей на стуле сумкой.

Почти всякий раз, когда она видела свою рабочую сумку — большой черный кожаный чемодан (иначе не скажешь) на длинной широкой ляжке, она вспоминала наставления бабушки, которая с младых ногтей готовила Алену к взрослой жизни: «Дама не должна выходить из дому без сумочки, это неприлично». — «Но я не дама», — возражала Алена. «И никогда ею не станешь, — парировала бабушка, — если будешь держать руки в карманах. У настоящей дамы в руках должна быть сумочка, а в сумочке — чистый носовой платок (на этом бабушка делала особое ударение), расческа и зеркальце. Остальное — по желанию». В Алениной сумке лежали чистый носовой платок, расческа и зеркальце, было там и «остальное по желанию»: ноутбук и запасная батарея к нему, диктофон, несколько блокнотов, дискеты и компакт-диски, ежедневник, портмоне, ручки, футляр с очками, косметичка, складной зонтик, ключи от квартиры, одна-две книги, пара яблок и всякая мелочевка.

Алена повесила «сумочку» на хрупкое дамское плечо и вышла из квартиры. Если бы она знала, что ждет ее за родными стенами, она бы и шагу за порог не сделала. Позвонила бы в редакцию, предупредила, что не придет, и отправила материл электронной почтой, или, по старинке, могла вызвать курьера и передать статью через него. А сама весь день безвылазно просидела бы дома и даже к окнам не подходила. Но кто мог знать?! Она вышла из

подъезда, готовая к трудовому дню и новым творческим успехам на журналистском поприще, и совершенно не готовая к тому, на что ей предстояло напороться еще до начала этого трудового дня.

2

Когда Алена была еще совсем маленькой, бабушка брала ее с собой в церковь, и Алена запомнила, как батюшка молился «о благорастворении воздухов». В то утро «благорастворение» было преотменным, особенно в парке. Пряный запах опавших листьев, то ли усиленный, то ли смягченный утренним туманом, бодрил душу и дурманил мозги. Алена медленно брела по широкой аллее, ее обгоняли люди, явно не настроенные любоваться разноцветьем осени и, не спеша, полной грудью вдыхать ее чарующие ароматы. Алена дошла до того места, где от главной аллеи ответвлялась узенькая асфальтированная дорожка. Асфальта почти не было видно под пышным ковром опавших за ночь листьев, еще никем не затоптанных и не помятых. Алена, не раздумывая, свернула на эту дорожку, прошла несколько шагов и оказалась в совершенно ином мире. Тишина, туман, легкий шелест листьев под ногами — больше ни звука. И ни души вокруг. А какие краски! Деревья менялись на глазах, по мере того как Алена приближалась к ним и они выступали из тумана — сначала одной-двумя направленными в ее сторону ветвями, потом выплывала вся крона, из молочно-голубой или бледно-сиреневой превращаясь в пронзительно желтую или кричаще красную. От всего этого великолепия у Алены голова пошла кругом. Не помня себя от восторга, она стала декламировать вслух, и казалось, слова зависают в тумане и кружатся вместе с опадающими листьями:

Уньлая пора, очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса¹.

---

¹ А. С. Пушкин.

Поэтические реминисценции были внезапно прерваны громким шорохом за спиной. Не успела Алена смутиться оттого, что кто-то слышал ее декламацию, как почувствовала резкий толчок в спину. И почти одновременно дернулась лямка на плече — кто-то сзади потянул за нее. Алена держала ручку сумки спереди и не отпустила. Сзади дернули сильнее — уже не назад, а назад и в сторону, тем самым демонстрируя намерение сорвать сумку с Алениного плеча. Алена уцепилась сильнее, уже обеими руками. Она закричала, но голос утонул в тумане, и ее вряд ли кто услышал — она успела отдалиться от центральной аллеи, а на этой дорожке кроме нее и того, кто у нее за спиной, никого не было. Алена, в свою очередь, рванула лямку, но попытка закончилась тем, что ее развернуло на сколь-то градусов, и она оказалась лицом к лицу с нападавшим. Это был высокий и крепкий парень. Он держался одной рукой за ручку сумки, другую отвел в сторону (как вскоре выяснилось — для удара) и при этом смотрел не на Алену и не на ее сумку, а куда-то в даль. Казалось, происходящее его нисколько не интересует и не имеет к нему никакого отношения. Алену поразило выражение его лица — отсутствующее и отрешенное, никаких эмоций. Но взгляд при этом не был пустым, скорее задумчивым — таким мог быть взгляд у философа, постигшего бренность мира. Алене стало жутко, она снова закричала, отчаянно и дико, и снова дернула на себя сумку. Парень, все с тем же отсутствующим выражением лица, двинул Алену кулаком. Удар пришелся по ключице, Алена вскрикнула от боли и рухнула на спину. Падая, она не выпустила сумку и потянула грабителя за собой. Он устоял, но наклонился, и Алена, не раздумывая и не соображая, что делает, движимая ужасом и отчаяньем, зажмурилась (чтобы не видеть его лица), вскинула согнутую в колене ногу, а потом с силой распрямила ее в сторону бандита. В тот день на Алене были сапоги на «шпильках». Куда пришелся удар, она не видела, но почувствовала, что не промахнулась. Окончательно ее укрепил в этой мысли вой бандита, последовавший сразу за ее выпадом. Парень не вопил, он выл, как животное, выпустив сумку и прижав руки к низу живота.

Алена не стала дожидаться, пока бандит придет в себя, вскочила на ноги и, не разбирая дороги и не оглядываясь, бросилась

в сторону людной аллеи. Бежать было тяжело — «шпильки» проваливались в рыхлую, влажную землю, болела ушибленная ключица, и сумка стала неподъемной. Алене казалось, она слышит за собой шумное, прерывистое дыхание наступающего ее бандита, и это придавало ей сил бежать вперед, к людям. И только когда выбежала на оживленную аллею и остановилась, поняла, что это она сама так тяжело и надсадно дышит. Алена подошла к скамейке, поставила сумку, оперлась здоровой рукой о спинку скамьи и попыталась отдышаться. Она, как рыба, ловила ртом воздух и при этом испуганно оглядывалась по сторонам — не видно ли бандита. В памяти всплыло его отмороженное лицо, и Алenu поразила внезапная и совершенно очевидная мысль: если бандит выскочит сейчас из кустов, он ее прибьет, и присутствие людей его не остановит. Он будет убивать ее с тем же отсутствующим выражением на физиономии, с каким пытался отобрать сумку. Алена подобрала злополучную сумку и поспешила из парка.

Грabitеля она увидела уже на улице, на троллейбусной остановке. Он стоял у табачного киоска, привалившись к нему спиной и слегка наклонившись вперед, — то ли давала о себе знать полученная травма, то ли не хотел, чтобы Алена издали его заметила. Она его и не заметила, не узнала и прошла почти рядом с ним. Повернула голову, только когда услышала нецензурную брань, прозвучавшую в ее адрес. Он на нее не смотрел, стоял, обратив лицо к, очевидно, им же заплеванному асфальту. От неожиданности Алена остановилась — и услышала, в дополнение к прозвучавшей ранее матерщине: «Ты труп». Опомнившись, Алена бросилась к стоявшему на остановке троллейбусу. Едва она вскочила, как двери закрылись, и троллейбус тронулся. Алена выглянула в окно — бандита на остановке не было. Она беспокойно оглядела пассажиров, но троллейбус был полон, и она не могла видеть всех, кто ехал с ней этим маршрутом. Через три остановки, у самой редакции, она вышла и бросилась к знакомой двери — за этой дверью она была в безопасности.

День прошел как в тумане. Из головы не выходили слова: «Ты труп». Но ближе к вечеру Алена успокоилась: фраза явно почерпнута из американского боевика и не стоит придавать ей особого значения, ведь мы, в конце концов, не в Америке. Да и потом,

что еще мог изречь этот отморозок?! И Алена успокоилась. Но, как оказалось, рано.

3

У себя в редакции Алена никому ничего рассказывать не стала: не хотела быть смешной. Одно дело, если на жизнь журналиста покушаются политические противники, и совсем другое, если покушаются хулиганы и не на жизнь, а на его (или, что еще смешнее, на ее) сумку. А рассказывать было что: история не закончилась инцидентом в парке. С тех пор прошла почти неделя, и не было дня, чтобы бандит не оказался рядом с Аленой, совершенно неожиданно, и не прошептал, но так, чтобы она расслышала: «Ты труп». На второй день после нападения ей в редакцию пришло письмо, адресованное ей лично. Адрес на конверте и текст: «Ты труп», были написаны от руки печатными буквами. С тех пор письма стали приходить регулярно с утренней и вечерней почтой. А вчера она нашла одно такое письмо у себя на рабочем столе: на конверте не было почтового штемпеля, его кто-то принес и положил ей на стол. Алена опросила всех сотрудников, начиная от вахтера и уборщиц и заканчивая теми, с кем делила рабочий кабинет. Никто письма не клал и не видел, чтобы в ее отсутствие кто-либо подходил к ее столу. И хотя в течение дня случались моменты, когда в комнате никого из сотрудников не было, посторонние в кулуары редакции не проникали, и никто похожий на бандита не переступал ее порог, если верить вахтеру.

Алена не выдержала этого прессинга и вчера позвонила друзьям, Светлане и Александру — Светику и Сане. Оба тоже были журналистами, но работали в других изданиях, и Алена не опасалась случайной утечки информации. К тому же, они были ее друзьями еще со студенческих времен. И сегодня в восемь они должны быть у нее. Алена весь день работала дома и никуда не выходила — не хотела напороться на отморозка (так она его про себя называла) или найти очередную гадость в редакции. И еще, где-то в глубине души ей хотелось досадить ему, отплатить: он будет подстерегать ее и сегодня, но напрасно. Сегодня он не сможет прошептать свою угрозу.

Минут через двадцать раздался звонок, звонили в дверь. Пошла открывать. Посмотрела в глазок и увидела Светика и Саню. Открыла дверь, не спрашивая. И сразу услышала Санин голос:

— А почему ты не говоришь «А ихто там»? Бандитов не боишься?

— Боюсь, потому и позвала. Проходите.

Гости освободились от плащей и прямиком ломанулись в кухню — «помочь» хозяйке. Алена хорошо знала их повадки, сама была такой, потому без лишних вопросов занялась кофе. Светик, как свой человек в доме, двинулась к холодильнику, не дожидаясь просьбы хозяйки вывалить на стол его содержимое. Саня ей в этом усердно помогал — также на правах своего человека. За пять минут стол был накрыт — можно приступать к делу.

— Так что у тебя стряслось? — взяла слово Светик.

Алена с нетерпением ждала вечера в надежде на помощь и поддержку, но теперь не торопилась — желаемое она получит, но надо же насладиться моментом:

— Вы бы хоть руки перед едой помыли.

— Зачем? Мы их оближем. Ну, давай, рассказывай, не тяни kota за хвост, — подал реплику Саня. — Говори, зачем людей собрала. Чаем напоить?

— Вы пьете не чай, а кофе. Ну, если коротко, — на меня напали, а теперь преследуют.

— Кто?

— Откуда мне знать? Он не представился.

— Он — один?

— А что, одного, по-твоему, мало? — возмутилась Алена. — Тебе десяток нужен? Мне и одного больше чем достаточно. Достал!

— Прости, не понял, кто тебя достал. Он или я? Ну, ладно, пошутили и будет. Теперь давай все по порядку, ничего не опускай. Рассказывай.

И Алена рассказа — все по порядку и ничего не опускающая. Закончила вопросом:

— Что скажете?

— Да, ситуация. А можно поинтересоваться, что тебя понесло в этот парк на эту дорожку? — спросил Саня.

— Нельзя, женская тайна. И потом, это уже не актуально —

что сделано, то сделано, и я не могу все переиграть и пройти мимо той развилки и не свернуть на злополучную дорожку.

— Ситуация не такая страшная, как может показаться. Ведь он только пугает тебя и не переходит к активным действиям, — осторожно заметил Саня.

— А надо, чтобы перешел? Когда перейдет, поздно будет, — возразила Светик. — К тому же, боюсь, действий не будет, будет действие — одно: пырнет ее ножом — и все.

— Не пугай Алену.

— Я не пугаю Алену, я пытаюсь тебе втолковать: ситуация серьезная.

— Хорошо. Дадим ситуации непредвзятую и объективную оценку. Что мы имеем? Мы имеем двух пострадавших.

— А кто второй? — поинтересовалась Алена.

— Бандит, которого ты покалечила, — невозмутимо ответил Саня. — Даже мне, не специалисту, не составляет труда определить, кто из вас пострадал больше. Ты после его нападения смогла броситься наутек, а он, бедняга, после встречи с тобой остался лежать на дорожке.

— Бедняга?! Лежать на дорожке?! Тогда как он оказался на выходе из парка?

— Дополз.

— Все, — вскипела Алена. — Я больше не могу!

— Ладно, ладно, не горячись. Успокойся. Признай как факт, что ты его отделала. Вот парень и хочет теперь «достать» тебя, потрепать нервы, не более того. Если бы он вознамерился тебя убить, он, я думаю, уже сделал бы это. И без всяких там «тытрупов». Пойми, он не убийца, он грабитель, неожиданно для себя оказавшийся в роли пострадавшего. Это выбило его из привычного жизненного ритма. Он оказался в несвойственной ему роли. Поставь себя на его место...

— Что?!

— Хорошо, не ставь. Не надо. — Саня встал и направился в прихожую.

— Ты куда?

— Хочу кое-что проверить. Я сейчас.

Саня вышел, Алена со Светиком остались вдвоем. Сидели молча. Было похоже, что Светик имеет что сказать, но почему-то

не говорит — то ли обстановка не располагает, то ли еще не определилась, говорить или нет. Саня вернулся на кухню, но не сел к столу, а подпер спиной дверной косяк и задумчиво уставился на Алёну.

— Не смотри на меня так, ты похож на того маньяка. Лучше скажи, что ты ходил проверять?

— Ты не замечала, в твоё отсутствие твою квартиру никто не посещал? — вопросом на вопрос ответил Саня.

Алёне вдруг стало холодно, её начала бить дрожь. Светик бросилась к ней, обняла, попыталась успокоить, а Саня, пристально глядя на Алёну, изрек:

— Вижу по реакции, что не замечала, — ни его самого, ни следов его пребывания. Правильно?

— Правильно. Но причём тут моя квартира? Ему я нужна, а не моя квартира!

Алёна не стала уточнять, что не думала о проникновении бандита в её жилище и потому специально не присматривалась. А так просто она заметила бы следы его пребывания только в том случае, если бы он оставил после себя грязную посуду или переставил мебель.

— Не торопись с выводами. Лучше проверь, не пропало ли что ценное. Так, на всякий случай. Мы тебе поможем, осмотрим квартиру — вдруг обнаружим то, чего в ней быть не должно. Ты тоже не упускай из виду такую возможность. Но, главное, не волнуйся, сейчас его здесь нет и ты не одна, мы с тобой. А теперь за дело.

По предложению Сани они разделили квартиру на секторы, и каждый занялся инспекцией вверенной ему жилой площади. Перевернули вверх дном всю квартиру и ничего подозрительного не обнаружили: все вещи были на месте и новых не прибавилось. Следов не санкционированного вторжения также обнаружить не удалось.

— Нет, в квартире он не был. Тем не менее, лучше перебдеть, чем попасть впросак: завтра я врежу в твою дверь ещё один замок. Позаимствую у тестя — его охранный фирма крупнейшая в стране. Сильные мира сего — местного масштаба — очень уважают его запорно-охранно-сигнализационные системы. Поставим на твою дверь его замок — и ты сразу приобщишься к элите.

Почувствуешь себя другим человеком. Его замок взломать невозможно. Алена, это не только круто, это, уверяю тебя, хороший тон.

— Послушайте, а не кажется ли вам, что самое время обратиться в милицию? На Алену напали, ее преследуют, ей угрожают. Разве этого недостаточно? — продолжала волноваться Света.

— Достаточно, чтобы в милиции ей посоветовали обратиться к врачу, — Саня сохранял присутствие духа и чувство юмора. — Что она скажет? Что нелегкая понесла ее в затянутую туманом пустынную аллею, и там ее пытался ограбить некий неизвестный ей бандит, но не ограбил, а был нокаутирован ею и оставлен лежащим в этой аллее. Однако она вновь встретилась с ним на выходе из парка: он, как ни в чем не бывало, стоял и поджидал ее. Дождавшись, он обругал ее нехорошими словами и пригрозил расправой. С тех пор он регулярно, с завидным постоянством, встречает ее в оживленных местах, повторяет свою угрозу и растворяется в толпе, не причинив ей никакого вреда. Да это же паранойя! Ах да, еще письма, которые неизвестно кто, — может быть, она сама, — посылает по почте и кладет на рабочий стол. Последнее, боюсь, вообще может быть истолковано против тебя, Алена. Ты ведь сказала, что в редакции никто не видел, чтобы к твоему столу приближались посторонние, а никто из сотрудников письмо не клал. Да, Алена, в милиции воспримут все именно так, как я обрисовал, хотя, возможно, и не назовут твоё состояние паранойей, а скажут проще: «Мнительный ты, Сидор, стал, везде тебе красные мерещатся». В лучшем случае от тебя отмахнутся, как батька Бурнаш отмахнулся от Сидора². И милицию можно будет понять...

— Ты, Саня, гляжу, всех можешь понять, кроме меня. Пойми, слышишь, пойми, я хочу, чтобы ты посоветовал, что мне делать, а не констатировал нелепость ситуации, в которой я оказалась. Мне страшно, я боюсь, он доведет меня до психушки, если прежде не убьет. Видел бы ты его физиономию, когда он грабил меня. Никаких эмоций, полная индифферентность и отстраненность как от собственных действий, так и от жертвы. Меня преследует не только он, но и его лицо, каким я его запомнила. Пусть бы

---

² Проводится параллель с фильмом «Неуловимые мстители».

оно пылало злобой, это не было бы так страшно. Это было бы даже естественно. Но его ледяное спокойствие просто ужасно! Это ночной кошмар!

— Впечатлительная ты, однако. Я ведь только хотел сказать, что в милицию, как и в газеты, обращается великое множество психов (вам обеим это известно так же хорошо, как и мне), и поэтому милицию можно будет понять, если тебя выпроводят с миром, пообещают разобраться и тут же забудут. Мы ведь с нашими «клиентами» поступаем именно так.

— Хорошо, хорошо, но ты все еще не объяснил, при чем здесь моя квартира. Мне кажется, самое время сделать это.

— Хорошо. Объясняю. Он напал на тебя и попытался отнять сумку. Вспомни, было ли в твоей сумке что-либо такое, что могло представлять интерес не только для банального, вульгарного и пошлого грабителя.

— А для кого еще?

— Ну мало ли для кого! Я же не знаю, что было в твоей сумке. На каждый товар есть свой покупатель.

— В моей сумке было портмоне — это такая штука, в которой деньги лежат, — язвительно начала Алена, — и эта штука представляет интерес для многих. Далее, для таких интеллигентов, как ты, мог представлять интерес мой ноутбук, при этом особую заинтересованность должна была вызвать информация, хранящаяся на жестком диске этого самого ноутбука. И хотя у тебя, Саня, алиби, — я точно помню, что на меня напал не ты, — скажи нам, где ты был в то время, когда совершалось бандитское нападение?

Алена спросила в шутку и не думала, что ее слова могут быть Сане неприятны. А ему стало не по себе, она это заметила. Его как бы передернуло — по лицу словно тень промелькнула. Промелькнула — и исчезла. Алена поспешила замять вопрос насчет Саниного алиби:

— Итак, мы выяснили, что в моей сумке были предметы, представлявшие интерес для самых широких кругов общественности. Однако никто, ни один человек, не мог знать, что в тот день я выйду из дому на час раньше и пойду в редакцию пешком через парк. Более того, что я сверну на безлюдную аллею.

Саня подхватил тему и дал ей новый импульс:

— Вот-вот, и я говорю: человек не мог. А не человек? Вспомни,

как все было? Ты идешь в густом тумане, тишина и безлюдье, вокруг ни души. Ты начинаешь читать заклинание...

— Я читала не заклинание, а Пушкина.

— Для тебя это — Пушкин, а для него — заклинание.

— Для кого «для него»?

— Для *него*.

— Саня, пожалуйста, прекрати! Мне это не нравится, — вмешалась Света.

— Светик, я не хочу оскорбить твои религиозные чувства, но мы должны рассмотреть и такую возможность, — хотя Саня, вроде бы, не шутил, однако трудно было поверить, что сам он серьезно относится к тому, что говорит. Света махнула рукой:

— Хорошо, рассматривай.

— Итак, вернемся к нашим баранам. Ты начинаешь читать заклинание. А вокруг тебя падают, звеня как золотые монеты, желтые листья. Ты читаешь свое заклинание...

— Не свое, а Пушкина.

— Ты уже во второй раз прерываешь меня на слове «заклинание». Сделаешь это еще раз, и я решу, что ты тоже не без греха.

— Все мы не без греха, — отозвалась Света.

— Светик, помолчи, пожалуйста. Итак, падают листья-монеты, клубится туман, ты читаешь заклинание и доходишь до слов «В багрец и золото...» — и тут, на слове «золото», у тебя за спиной материализуется он. Не смейся, не смейся! Мне эта твоя история сразу показалась несколько странной, я бы даже сказал...

— Инфернальной, — подсказала Алена.

— Вот-вот, именно инфернальной, потусторонней. Загадочный молчаливый грабитель с лицом Мефистофеля...

— У него лицо не Мефистофеля. Я сказала, что у него было такое отсутствующее, может быть, скучающее выражение лица, какое могло бы быть у философа, докопавшегося до сути вещей и осознавшего, что все — суета сует, прах, тлен... Ну, не знаю, что еще. Но ничего общего с Мефистофелем.

— А ты Мефистофеля видела? То-то же. Ладно, оставим Мефистофеля, и без него твой грабитель не похож на грабителя. Не типичный он какой-то: молчаливый, печать мировой скорби на высоком челе, разочарованный, отсутствующий взгляд. Откли-

кается исключительно на высокую поэзию, прямо таки «печальный демон, дух изгнания»³.

— Про мировую скорбь ты хорошо сказал, но еще лучше — про высокую поэзию. Он на остановке такой «высокой» матерщиной откликнулся — куда твоей поэзии! Да еще пригрозил мне — тоже очень поэтично и высоким «штилем»: «Ты труп».

— А ты думала, что если ты декламируешь Пушкина, то и грабитель должен настроиться на лирический лад и предпослать ограблению поэтическое вступление? Незаметно подкрасться сзади, тактично кашлянуть, чтобы привлечь твое внимание, и разразиться возвышенными строками, способными не только передать красоту осеннего пейзажа, но также и намекнуть жертве на грозящее ей ограбление? — И Саня, дурачась, принялся декламировать:

Издадека
Льется тоска
Скрипки осенней.
И, чуть дыша,
Стынет душа
В оцепененье.
Час прозвенит
И леденит
Отзвук угрозы⁴...

— Алена, а ты ощущала «отзвук угрозы»? Нет? Какая же ты бесчувственная! Бандит был прав, что молчал. Начал бы читать стихи — остался бы непонятым тобою, ты сумку б все равно не отдала. Ого! И я стихами заговорил! Правда, я пока еще не отправляюсь в парки и скверы родного города, чтобы там, в густом тумане, поупражняться в декламации, но лиха беда начало! В какой, говоришь, аллее это надо делать? — Саня вошел в раж, и его несло: — Алена, я начинаю тебя понимать! Никакой матерщины — только стихи, стихи, стихи... Какие бы ты хотела услышать?

— Из уст грабителя?

— Почему грабителя? Из моих уст.

---

³ Строка из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

⁴ Поль Верлен «Осенняя песня». Перевод А. Гелескула.

— Ну, если из твоих уст, тогда что-нибудь, что имеет отношение к драматическим событиям не моей, а твоей жизни.

— Пожалуйста. Касается меня:

Мое лицо упало на пол,
я сам рассыпался на части,
потом куда-то долго капал!
Все говорили: — Вот несчастье,
такой красивый был мужчина —
не лысый и не бородатый,
и в чем, помилуйте, причина,
что он укапал весь куда-то?

А я все капал, капал, капал
и испарялся понемножку,
потом росой ложился на пол
и изморозью на окошко...
И ты пришла и пальцем теплым,
так непосредственно и мило,
вдруг вывела на потных стеклах
слова: «А я тебя любила!»⁵

— Похоже, но я тебя вижу другим, — отозвалась Алена. —
Погоди, я сейчас.

Она подошла к стеллажу, сняла томик, полистала и повернулась к Сане:

— Вот, нашла. Слушай:

Когда никто, тогда нигде,
ни в ком — ни в вас, ни в нас,
а если, может быть, везде,
еще бы и как раз.
А перемножь-ка Да и Нет,
и вычти Ну и Ну,
и раздели на восемь лет
Пять Суток и Луну,

---

⁵ Александр Дольский «Мое лицо упало на пол...»

и рассмотри издалека
Пожалуй и Чуть-Чуть,
недавно, может и пока,
с Ума Сойти и Жуть.
...Конечно, это не для всех.
Еще бы — вас из дас!
Оф коз, но может быть успех
тому, кто вас издаст⁶.

— Этот бред обо мне?!

— Это не бред, и это не только о тебе, но и о том, что ты здесь сегодня напел! — Алена победоносно захлопнула томик.

— Согласна! — поддержала Света. — По-моему, Саня, сегодня ты превзошел самого себя. Столько всего наговорить и не сказать ничего дельного — это уметь надо! Большой мастер!

— Скажи, дар пустословия у тебя от природы или ты развил его в себе упражнением? — поинтересовалась Алена.

— Все, друзья, закругляемся — пользы от нашей болтовни все равно никакой. Тебе, Саня, пора к жене, поди, заждалась. Ты бы ей хоть позвонил, что ли, предупредил, что задерживаешься. Ну а я останусь на ночь у Алены, если ты, Алена, не возражаешь: время позднее, а твоя история не располагает к ночным прогулкам.

— Я тебя отвезу, — предложил Саня.

— Нет, Санек, как сегодня выяснилось, человек ты несерьезный, и я с тобой, на ночь глядя, никуда не поеду, — отшутилась Света. — Отправляйся домой, к жене. И как только она тебя такого терпит?! Передай ей привет.

— Хорошо, спасибо, передам. Алена, завтра созвонимся.

— Хорошо, спасибо. До завтра.

— Бывайте!

И за Саней закрылась дверь. Подруги навели порядок на кухне, после чего Света снова заправила и включила кофеварку.

— Не хотела при Сане, он сегодня был какой-то несерьезный, ерничал весь вечер, — говоря это, Света была предельно серьезной. — А нам надо поговорить. Кофе будет кстати — разговор долгий.

---

⁶ Александр Дольский «Вас из дас».

— Я к тебе с ночевкой напросилась не потому, что уже поздно и мне страшно, — сейчас только десять, детское время. Просто, такой разговор лучше вести с глазу на глаз, чтобы никто не мешал всякими там разными шуточками. И откладывать его нельзя — думаю, и так я с ним запоздала маленько. Может быть, если бы мы поговорили раньше, этого нападения и не было бы. Но раз уж оно случилось, я должна сказать. А ты должна меня выслушать. Я тебя ни к чему склонять не буду — решение принимать тебе, но поговорить надо.

— Светик, можешь без предисловий — что за церемонии между своими! К тому же, я догадываюсь, о чем ты хочешь со мной говорить, и, думаю, вряд ли меня сейчас это может заинтересовать.

— Именно сейчас тебя это и должно заинтересовать. Но ты права: лучше без предисловий и околичностей. Алена, ты знаешь, я на многие вещи смотрю иначе, не так как ты. Потому что я человек верующий. Я воспринимаю мир и все происходящее в нем сквозь призму веры. И во всем, что происходит во мне и вокруг меня, я вижу Бога — Его волю, Его присутствие, Его промысел, Его вмешательство или невмешательство. И мне кажется, случившееся с тобой — это не просто нападение. Или, может быть, лучше сказать, не только и столько нападение, как и еще что-то.

Алена глаза закатила, демонстрируя восхищение:

— Умеешь, ты, Светик, мысли излагать. Вот сказала — и все встало на свои места. А я никак не могла понять: было это только нападение или не столько нападение, сколько ненападение, а еще что-то. Ты о чем толкуешь, пифия?

— Я хочу сказать, что Саня правильно подметил: нападение выглядит несколько странно. Ты ведь сама говорила, что грабитель — высокий, крепкий парень. А на себя ты в зеркало смотрела? И грабитель не смог отобрать у тебя сумку?! Пытался — и не смог?! И с тобой ничего не сделал, наоборот, ты его отменила? И уйти от него смогла, он тебя не догнал? Алена, ты считаешь, что все это в порядке вещей? Что именно так в жизни, обычно, и бывает?

— Иными словами, ты мне не веришь и считаешь, что я все это выдумала. И что мне не хватило ни ума, ни фантазии, чтобы моя выдумка выглядела правдоподобно. Так?

— Нет, не так. Я тебе верю. Верю каждому твоему слову. Но я считаю, что сама, собственными силами, ты бы с тем парнем не справилась. Рядом с тобой был еще Кто-то, и Он тебе помог.

— Нас на той аллее было двое — грабитель и я. И больше никого я там не видела!

— Правильно, не видела. Но из этого не следует, что кроме вас там никого больше не было. Есть Тот, Кто присутствует всюду и все видит. И в той ситуации Он защищал тебя. И защитил. С тобой был Бог. Он и сейчас с тобой. Тебя не удивляет, что этот громила ничего не может сделать, кроме как прошептать тебе на ухо свою угрозу? Да и то, он может приблизиться к тебе только в людном месте. И на мгновение. Ведь он не поджидает тебя где-нибудь в укромных уголках, где можно было бы «поговорить» с тобой без свидетелей? А мог бы, если бы ему это позволили. Ты ведь продолжаешь работать, не прячешься в квартире, и тебя никто не охраняет, к тебе можно подобраться в любой момент, когда ты одна и рядом никого нет. Ведь чтобы ударить ножом или что там еще, много времени не надо. А он появляется только на людях. Прошепчет свое — и нет его, как ветром сдувает. Неужели ты не видишь, что Кто-то его сдерживает, не подпускает к тебе? Алена, неужели ты этого не видишь?

— Ну, хорошо, пусть так. Сдерживает, так сдерживает. Но если этот Кто-то так обо мне печется, почему Он позволяет этому бандюге трепать мне нервы? Или твой Бог может только попридержаться бандита, а так чтобы убрать его от меня — этого Он не может?

— Он все может. Вопрос в том, хочет ли.

— Вот тут уж я совсем не понимаю! Может, но не хочет? Выходит, Богу нравится издеваться надо мной?!

— Бог — не мы, Он ни над кем не издевается. Бог есть любовь. Пора бы тебе это знать, все-таки образованный человек. Кстати, могла бы и Новый Завет прочитать, для общего развития. Мне, право, неловко за тебя, ты словно бравируешь своим духовным невежеством. А ведь незнание закона не освобождает от ответственности! Это знаешь?

— Это знаю. Не обижайся, просто, не могу я, понимаешь, не могу серьезно воспринимать то, о чем ты говоришь. Это же мистика какая-то! Я справилась с бандитом по чистой случайности, мне повезло и продолжает везти. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, — и Алена оглянулась в поисках деревянного предмета.

— Не ищи дерева, стучи по голове.

— Спасибо за подсказку, постучала. Светик, повторяю, это простая случайность, слепое везение.

— В этом мире ничего случайного не бывает, как не бывает и слепого везения.

— Тогда почему твой Бог охраняет не всех, а только меня? Да и то как-то половинчато.

— Бог обо всех заботится, так что ты на свой счет особо не обольщайся. Я не могу комментировать действия Божьи — это выше моего понимания, но, полагаю, Он таким образом обращается к тебе. Он хочет, чтобы ты Его услышала. Вот это я и хотела тебе сказать: Он к тебе обращается.

— А иначе никак нельзя обратиться? Обязательно бандита подсылать?

— Бог послал бандита, Он тебя от него и защитил. Если, конечно, Он его посылал. Ведь Бог не толкал тебя в пустынную аллею? Не пошла бы туда, где околавивался грабитель, поджидавший таких, как ты, бестолковых, Богу не пришлось бы тебя от него спасать. Но ты пошла, причем сама, — так что не пеняй на Бога. Последствия могли быть куда более страшными, и виновата была бы ты, а не Бог. Повторяю, Бог тебя туда не гнал, напротив, Он тебя защитил. А если Он воспользовался этой ситуацией, чтобы достучаться до тебя, значит, никак иначе до тебя достучаться нельзя. Не услышишь. Есть люди, которые слышат Божий шепот, а есть такие, для которых и набатный колокол не призыв. Похоже, ты относишься к последним.

Алене порядком надоел этот разговор, и она подумывала, как бы съехать с него. Пустила «пробный шар»:

— Ты заметила, как смутился Саня, когда я спросила его об алиби?

— Смутился? Не знаю, но что твои слова его задели, — это я заметила. Думаю, здесь дело в другом: он не ожидал, что ты,

пусть даже в шутку, сможешь заподозрить его. Это ему было неприятно. Но ты ведь на самом деле его не подозреваешь?

— Конечно, нет. Хотя хочу тебе сказать...

— Алена, перестань, я же серьезно.

— И я серьезно, — Алена готова была говорить о чем угодно, только бы не возвращаться к «божественным разговорам». Однако Света была настроена решительно:

— Послушай, ты вообще знаешь, чего хочешь?

— Знаю, конечно:

Хотелось бы мне, до того как умру,
Побывать в полутемном бору,

И выйти к воде, и глядеть в озерцо,
Хмелея от ветра в лицо.

Если уйдем мы с тобой, чужаки,
От нашей парижской тоски,

Уснем в перелеске, в душистом тепле,
Доверившись доброй земле.

И сон наш последний да будет глубок,
Пока не разбудит нас Бог⁷.

Еще не дочитав стихотворения, Алена поняла, что «влипла», — последняя строка возвращала все «на круги своя». «От судьбы не уйдешь», — обреченно подумала она и решила покориться своей горькой участи, хотя бы на этот вечер.

Света рассмеялась:

— Не расстраивайся, с кем не бывает! На каждого мудреца довольно простоты. В следующий раз будешь с большей взыскательностью подбирать репертуар, а не декламировать первое, что придет в голову. Да ты не смущайся, если хочешь читать стихи — читай, у нас сегодня вечер поэзии. Но когда читаешься вволю, подумай все же о том, где ты проснешься, когда тебя «разбудит Бог».

---

⁷ Поль Верлен «Хотелось бы мне...»

Алена едва не застонала: «Ну все, понеслась душа в рай! Ведь близкая подруга, понимать должна, что сейчас меня волнует другое». Но вслух сказала:

— Я просто хотела немного сбавить обороты. Ты взяла такой резвый темп, что я уже не поспевала за тобой. Продолжим, в конце концов, в споре рождается истина.

— Истина уже родилась.

— ?

— Я о Христе.

— А!

— Алена, не «акай», будь серьезной! Приди к Богу, пока Он ждет.

— Светик, почему ты думаешь, что Он меня ждет?

Разговор не получался, Света это видела, но решила не сдаваться:

— Потому что Он всех ждет. И тебя тоже.

— И что я должна делать в данной конкретной ситуации?

— Ты должна раскаяться в своем неверии, покаяться перед Богом и принять Христа, — Света торопилась сказать все, что нужно было сказать, раз уж Алена предоставила ей такую возможность.

— И все уладится?

— Уладится.

— И этот бандит тут же оставит меня в покое? Сегодня я покаюсь — и завтра бандита я уже не увижу и не услышу? Я правильно тебя поняла?

Это был вопрос! Света верила, что после чистосердечного раскаяния, к которому Алена, увы, не готова, Бог действительно мог убрать этого бандита из Алениной жизни. Но она также отдавала себе отчет в том, что этого могло и не случиться. Она вполне допускала, что после покаяния, пусть даже самого искреннего и чистосердечного, бандит по-прежнему может преследовать Алену и даже перейти к «активным действиям». Но как объяснить Алене, что люди каются не для того, чтобы Бог выполнил их заветное желание! Чтобы избавиться от бандита, Алена, чего доброго, и покается, а потом, не получив желаемого, раскается в своем покаянии. И Света решила на «шоковую терапию»:

— Если ты жаждешь одного — избавиться от бандита, — тогда тебе лучше обратиться не к Богу, а к киллеру. Можно, конечно, и в милицию, но киллер надежнее, хотя обойдется дороже. Но ведь ты за ценой не постоишь? Любую заплатишь?

Алену слова про цену насторожили, она поняла, что здесь какой-то подвох. Поэтому ответила осторожно:

— Не любую, конечно.

— Но главное для тебя — избавиться от бандита?

— На сегодняшний день — да.

— А на завтрашний?

— Доживу — увижу.

— А если не доживешь?

— Добрая ты.

— Отвечай!

— Не доживу — не увижу.

— А где проснешься, когда «разбудит Бог»?

— Стоп. Это мы уже проходили.

— Пройдем еще раз, если надо.

— А надо?

— На риторические вопросы не отвечаю.

— На чем мы остановились?

— Мы не останавливались, мы «еще раз проходили».

— А! Где проснусь, когда «разбудит Бог». Правильно?

— Правильно, но специально для тебя я бы этот вопрос перефразировала так: «Где ты, Алена, вечность проводить собралась»?

— Ну, мне до вечности еще далеко, Светик!

— Как сказать, учитывая твои обстоятельства.

— Ты доконать меня хочешь?

— Я помочь тебе хочу.

— Хороша помощь! Не нужна мне такая помощь, уж лучше я в милицию за помощью обращусь.

— И правильно сделаешь. Я с самого начала говорила, что ты должна обратиться в милицию. А вы с Саней были против.

— Ты сказала, что я должна обратиться к Богу!

— Да, сказала, и готова повторить.

— У тебя головка не болит? Мысли не путаются?

— Нет, не болит и не путаются. Ален, кто должен ловить преступников?

— Милиция.

— Вот пусть и занимается своими обязанностями. Ты вручи себя Господу, себя и все свои проблемы. Но не жди, что Бог сделает за тебя то, что должна сделать ты сама. Заяви в милицию, а Бог позаботится, чтобы все было так, как должно быть. И не жди чудес. Бог может творить чудеса, но Он прибегает к ним только тогда, когда в этом есть необходимость, — к явным чудесам, выходящим за пределы нашего понимания и наших представлений об этом мире и его законах. Но это бывает в исключительных случаях. Обычно же Бог творит чудеса незаметно, не нарушая законов мироздания, Им же установленных, и не привлекая внимания. Ему не нужны наши восторги, Ему нужна наша вера. Он творит чудеса через обычных людей, таких как ты и я. Он может сотворить чудо через милицию, сделает так, что они арестуют твоего бандита. Я не знаю, как и что сделает Он, но я знаю, что должна сделать ты. Приди к Богу, вручи Ему себя и не пытайся руководить ситуацией, предоставь это Ему.

— А самой отойти в сторонку, стоять и наблюдать, что Бог делает?

— Нет, не стоять и наблюдать, а жить — жить полноценной жизнью. Жизнью с Богом.

— Светик, а почему ты не вручила свою «проблему» — меня — Богу и не отошла в сторонку, понаблюдать, как Бог будет вести меня к Себе? Почему ты прешь на меня танком, вместо того чтобы предоставить Богу разобраться со мной? Неужели ты Ему не доверяешь? Думаешь, что сделаешь это лучше Него? Покайся, грешница, это — гордыня! Светик, я не хочу, чтобы кто-либо мною руководил. Я сама хозяйка своей судьбы.

Говоря о своем нежелании, чтобы ею руководили, Алена имела в виду Светика, но Светик истолковала ее слова иначе:

— Алена, «страшно впасть в руки Бога живого» — это Библия. Но я думаю, что еще страшнее выпасть из Его рук. Что бы с нами не случилось — все ничто, если мы в руках Божьих, но горе нам, если мы оказываемся предоставленными самим себе. Ты не отдаешь себе отчет в том, что говоришь.

— Ладно, пойдем спать, — махнула рукой Алена.

— Пойдем, — вздохнула Света.

Она просила Бога об одном: чтобы Он был снисходительным к Алене, ибо та не ведаёт, что творит. И ещё: если Алена не хочет, чтобы Он жил в ней Духом Своим, пусть Он будет рядом с ней и не выпускает ее из Своих рук. С этими мыслями она и заснула.

Алена лежала без сна и думала — обо всем и ни о чем. Потом мысли вернулись к Светику: «Бедная Светик! Неужели ты веришь в то, что говоришь? Ко мне обращается Бог! И делает это через посредничество грабителя! Светик, Светик! Ты битый час доказывала мне, что для Бога обычное дело — открываться Своему творению таким оригинальным образом, а того не понимаешь, что я не верю не только в Его обращение ко мне, но и в Него Самого. Так что, Светик, трудно тебе будет убедить меня покаяться! Ой, трудно!» На этой «оптимистической» ноте Алена отключилась от забот насущных, но в сон погрузиться не успела, помешала фраза: «Я откроюсь тебе в неожиданный миг...» В полудреме Алена не могла понять, прозвучала эта фраза у нее в мозгу или донеслась извне. «Твоя Светик доведет тебя до цугундера, — здравый смысл был начеку: — Это же просто стих! И прозвучал он не с небес, а у тебя в голове, всплыл в памяти — вот и все. Весь вечер об этом говорили — ты и вспомнила некогда услышанное или прочитанное. Так что никакой мистики тут нет. Спи».

Но Алене расхотелось спать. Она напрягла память, сиюсь вспомнить следующую строку, — тщетно. Решила пойти «от противного» и вычислить возможного автора: «По стилю — это не начало и не середина девятнадцатого века, это, скорее, конец девятнадцатого — начало двадцатого. Кто из поэтов того периода мог размышлять о Боге? Да все, кого ни возьми! Но это не Блок, не Ахматова — их я ни с кем не спутаю, не Цветаева, не Гиппиус... Не Гумилев, не Брюсов, не Бунин, не Волошин... Может, Мережковский? Он мог такое написать... И так написать тоже мог. Хотя по одной строке об авторском стиле судить невозможно. Хорошо, остановимся пока на Мережковском, а завтра проверим».

Но до «завтра» было еще далеко. Алена ворочалась, пытаясь заснуть, — не получалось. Встать с постели в прохладной комнате — отопление еще не включили — такое врагу не пожелаешь!

Однако охота — пуше неволи. Алена встала и направилась к компьютеру. Подключение к интернету заняло пару минут, потом — поиск по заданной фразе. Алена правильно определила время написания — конец девятнадцатого века, — и это было приятно, а вот с автором «пролетела». Строка принадлежала Бальмонту. «Бальмонт! Как же я о нем не вспомнила?!» — сокрушилась Алена. Она когда-то читала эту поэму, но давно, еще в университете, и не ставила перед собой цели запомнить ее. Но, как оказалось, поэма сама отложилась в памяти, пусть даже одной строкой. В поэме автор обращался к Богу и упрекал Его за молчание:

О Даятель немых сновидений,
О Создатель всемирного света,
Я не знаю Твоих откровений,
Я не слышу ответа.

Алена подумала, что зря Бальмонт роптал: он хотя бы знал Даятеля (иначе не обращался бы к Нему). Она же не знает ни Его откровений, ни Его Самого. И ничего, живет — не ропщет. Далее в поэме следовали слова Бога:

«Я откроюсь тебе в неожиданный миг —
И никто не узнает об этом,
Но в душе у тебя загорится родник,
Озаренный негаснущим светом.
Я откроюсь тебе в неожиданный миг,
Не печалься, не думай об этом.

Ты воскликнул, что Я бесконечно далек, —
Я в тебе, ты во Мне безраздельно.
Но пока сохрани только этот намек:
Все — в Одном, Все глубоко и цельно.
Я незримым лучом над тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю»⁸.

---

⁸ Константин Бальмонт «Звезда пустыни».

Алена дала компьютеру команду «запомнить», отсоединилась от «сети» и выключила компьютер. Последние четыре строчки запомнились сразу, и Алена, поддавшись обаянию строгого ритма, повторяла их, раз за разом, уже засыпая:

Но пока сохрани только этот намек:
Все — в Одном, Все глубоко и цельно...

5

Встреча с Саней и Светиком ознаменовала собой поворотный момент в Аленыных с бандитом взаимоотношениях. Могло создаться впечатление, естественно, ложное, что он незримо присутствовал при их разговоре и положительно воспринял прозвучавшую в его адрес критику. По крайней мере, ту ее часть, которая касалась активных действий. Правда, к активным действиям в Санином понимании — с неизбежным летальным исходом — он пока не перешел. Очевидно, сказывалась некоторая нерешительность, по всей видимости, свойственная его характеру. Во всяком случае, Саня объяснил это именно так, когда Алена на следующий после их встречи день поведала ему, что бандит связался с ней по телефону — позвонил к ней домой. Ничего нового и интересного бандит не сообщил: был предельно краток и ограничился традиционным «ты труп». После чего повесил трубку.

— Этого следовало ожидать. Телефонные звонки рано или поздно должны были начаться. Это был лишь вопрос времени — он выяснял твой номер. Теперь мы знаем, сколько времени у него на это ушло. Вынужден признать, что работает он медленно и неэффективно. Из чего следует, что он дилетант с ограниченным интеллектом и еще более ограниченными связями. С таким делом можно было управиться за день-два. Ему понадобилась почти неделя.

— Ты не прав, — вступилась за бандита Алена. — Выяснить номер моего домашнего телефона не так-то и просто — его нет в телефонном справочнике, и «горсправка» его тоже не дает. Его знает ограниченный круг людей, в который бандит, по понятным

причинам, не вхож. Так что ему пришлось напрячь мозги, чтобы разузнать его.

— Святая простота! Телефонный справочник, «горсправка»! Знаешь, у тебя с твоим бандитом много общего — вы оба выбираете окольные дорожки! Ха, на одной из них вы и встретились! Пардон, молчу. Друг мой, есть прямой и короткий путь — АТС. Но твой бандит не сразу догадался туда обратиться. И это его определенным образом характеризует. И не защищай его. Я говорю и буду говорить: недогадливый он у тебя и нерешительный. Мямля какая-то, а не бандит! Сначала бегал за тобой, как школьник, на ушко шептал, теперь, опять же как школьник, начал наяривать по телефону. «Профи» так не работают. «Профи» если бы и позвонил, так только для того, чтобы узнать, дома ли ты и можно ли к тебе навестись для окончательного и бесповоротного решения вопроса. А он, честное слово, ведет себя как ребенок. Помяни мое слово, он скоро начнет в твоём подъезде на стенах писать «Ты труп». И тогда все поймут, что он в тебя влюблен, но не решается сказать.

— Помнится, вчера ты был о нем другого мнения, Мефистофелем называл и всякое разное говорил о мировой скорби и тэ дэ, и тэ пэ.

— Ошибся. Признаю: я в нем ошибся. Он меня разочаровал, не оправдал ожиданий. Можно сказать, подвел, негодник этакий.

Так они болтали все то время, пока серьезного вида парень, которого Саня привел с собой, устанавливал на Алениной двери третий замок. Алена скептически относилась и к тому, что Саня говорил, и к тому, что он затеял, но она понимала, что своей болтовней он хочет ее успокоить, а замком — обезопасить ее жилище и придать ей чувство защищенности. Единственное, чего она не понимала, так это его повышенной заботы о том, чтобы бандит не проник в ее квартиру. И это было тем более странно, что бандит не выказывал подобных намерений.

Алена смотрела на Саню и думала: «Кого или что он хочет защитить? Меня? Но не таким же образом! Мою квартиру? А что ему далась моя квартира? Почему он уверен, что в мою квартиру обязательно попытаются проникнуть?» Алена не сомневалась, что Саня уверен в этом и что его уверенность имеет под собой основания. Однако ей он об этом не говорит. Почему? Если

к ней собираются вломиться, разве ее это не касается? Все это вместо спокойствия вселяло тревогу. Но Саня молчал, и Алена не спрашивала. Она вдруг ощутила себя такой одинокой! Два близких человека — Саня и Светик — вдруг оказались чужими, неспособными ни понять, ни помочь! Светик ударила в одну крайность, Саня — в другую. Светик компостировала ей мозги бесполезными для нее высокими материями, а Саня уродует ее дверь никому не нужным замком.

«К кому пойти, с кем поговорить? С мамой? Ни в коем случае! Мама изведется еще до того, как бандит изведет меня. Мама исключается. Разве что бандиту душу излить! А ведь так получается, что кроме него мне и поговорить не с кем. Дожилась!»

Алена хмыкнула, Саня удивленно взглянул на нее:

— Ты чего?

— Да так, ничего. Пойду сварю кофе, — и Алена скрылась на кухне.

«Почему мне так тревожно? Не иначе как Саня вызывает эту тревогу», — Она подошла к окну, стояла, смотрела в никуда и ждала, пока сварится кофе, чтобы сразу позвать Саню — он любил кофе «с пылу, с жару». Вот было бы славно, если бы к тому моменту, когда кофе будет готов, у нее были готовы ответы на все ее вопросы.

— Кофий сварено! Откушать не изволите? — крикнула в комнату.

— С превеликим нашим удовольствием!

Послышались шаги и голос Сани. Саня пел — чего раньше Алена за ним не замечала:

Опять мне снится сон, один и тот же сон,
Он вертится в моем сознание словно колесо.
Ты у окна стоишь, в руке твоей цветок,
Спадают волосы с плеча, как золотистый шелк.
Моя и не моя, теперь уж не моя,
Ну кто он, кто тебя увел, скажи мне хоть теперь.
Мне сняться вишни губ и стебли белых рук,
Прошло все, прошло, остался только этот сон.
Остался у меня на память от тебя
Портрет твой, портрет работы Пабло Пикассо.

Алене Санины лирические напевы не понравились, она хотела его остановить, но помешала мысль о портрете: к какому творческому периоду мог бы относиться этот портрет «работы Пабло Пикассо»? «Если к «розовому периоду» и был выполнен в стиле его «Мадонны», — подумала Алена, — девушка не оставила бы его «на память» тому, с кем у нее «все прошло». Во всяком случае, я бы Сане такой портрет не оставила — самой пригодился бы. Не оставила бы и портрет, написанный Пикассо в период «кубизма», — хранила бы у себя за шкафом, подальше от глаз людских. И Сане он мог бы достаться только после моей смерти — мои наследники отдали бы как хлам, не признав в нем «бабушку». Но вот если бы портрет был написан в более поздней, абстракционистской манере, в стиле «Герники», я бы нашла способ «оставить» его Сане: пришла бы к нему в гости с портретом, а уходя, «забыла» портрет в прихожей. И не вспоминала бы! И пусть смотрит на него! И поет! Ой-ёй, я даже не представляю, что можно петь, глядя на такой портрет! А ведь повесил бы на стену и любовался — потому как Пикассо и потому что очень дорого стоит! Ну почему у меня нет такого портрета! Вот жалость! Хоть бери и рисуй!»

— Саня, вчера ты донимал меня стихами, сегодня перешел на песни, а завтра приведешь сюда бандита и вместе спляшете паде-де? Или ламбаду? Кстати, интересуюсь: мой портрет «работы Пабло Пикассо», который якобы у тебя остался, — я его у тебя забыла или ты унаследовал его после моей смерти?

Саня воззрился на Алену, не понимая, к чему она клонит.

— Ладно, проехали, не напрягайся — не помнишь, так не помнишь. — Алена налила кофе в чашки, взяла свою и пила, не поднимая на Саню глаз, — боялась, как бы он не прочитал в ее глазах то, что ему читать не следовало. Сейчас «резвунчик» Саня был ей так же неприятен, как и ее «отмороженный» преследователь: «Вот бы сложить их и разделить пополам — вышло бы два нормальных человека».

— Алена, а почему бы тебе не пожить какое-то время у нас с Катей? У нас ты будешь в полной безопасности. К тому же, у меня машина, и я буду твоим личным шофером — и отвезу на работу, и заберу. Ты не будешь одна, и этот умственно отсталый хулиган не сможет к тебе приблизиться. И позвонить не сможет.

Помыкается, помыкается, сердешный, и оставит тебя в покое. Не будет же он тебя всю жизнь преследовать! А я тем временем воспользуюсь своими связями «в компетентных органах», и, кто знает, может, нам удастся его уgomонить. О квартире не беспокойся, замок сверхнадежный, можно еще и сигнализацию подключить — люди с фирмы тестя сделают в лучшем виде и за умеренную плату, как привилегированному клиенту. Да и потом, если он вломится, а тебя здесь не будет, — не страшно. Антиквариата у тебя нет, а все остальное, если украдет, наживешь. Главное, чтобы ты сама была жива и здорова.

Предложение Сани явилось для Алены полной неожиданностью. Она растерялась и не знала, ни что ей говорить, ни что делать.

«Ну вот, на один вопрос у меня есть ответ. Саня друг, а я — и слова нормативного не подберу, чтобы охарактеризовать себя! Как я могла сомневаться в нем? Да еще нагрубила ему ни за что! — Алене было стыдно, безумно, безмерно стыдно. А все этот бандюга! Это из-за него она едва не усомнилась в Сане. — Саня, прости! Как же я перед тобой виновата!» Алена терзалась, однако не испытывала ни малейшего желания поделиться своими терзаниями с Саней.

— Ну что молчишь? — Саня наклонился к ней. — Э, да у тебя глаза на мокром месте! Алена, что с тобой? Я тебя обидел?

— Нет, Санек, нет, ты меня не обидел. Просто, я так тебе благодарна! И что бы я без тебя делала!

— Так ты согласна? Вот и ладушки. Собирай вещи, сейчас и поедем.

— Нет, Саня, спасибо тебе, но я не поеду. Не могу я из-за какого-то хулигана бежать из собственного дома. Понимаешь, не могу! И что я скажу маме? А Игорю? Куда он будет звонить? Они ведь не в курсе последних событий, и я не хочу их посвящать. Кроме тебя и Светика никто об этом не знает. Нет, я не могу. Спасибо тебе, Саня.

— Ладно, не торопись, подумай. Надумаешь — звони, приеду за тобой хоть среди ночи. И заберу. Подбросить на работу?

На пороге кухни появился «фирмач», ставивший замок:

— Все готово, пойдемте, я покажу, как ввести код и как пользоваться замком.

Замок был особый — он не требовал ключей и открывался дистанционно, с помощью пульта. На пульте набирался код и вносился в память. Такой же код набирался на замке. Замок открывался только в случае совпадения кодов. Причем, для этого требовалось нажать лишь на одну специальную кнопку на пульте. Наборной панели на двери не было — замок можно было открыть только с пульта, направив его на табличку с номером квартиры. Табличка прилагалась к замку и вместе с ним была установлена на двери — гораздо ниже той, что красовалась на этой двери прежде.

Алена расписалась в ведомости — установка замка производилась официально — и заплатила за работу. Сам замок она получила бесплатно как «привилегированный клиент» — насчет этого Саня вчера не шутил.

— После моего ухода перекодируйте замок и пульт — я объяснил вам, как это сделать, — сказал мастер и откланялся.

— Саня, я таких замков не только не видела, но и не слышала о них, — не смогла скрыть своего невежества Алена. — Таким запорным чудом снабжена только моя квартира или на земном шаре есть и другие стратегические объекты, удостоенные подобной чести?

— Конечно есть. — Саня изображал снисходительного профессора, объясняющего туповатой студентке азы квантовой механики: — Форт-Нокс⁹, например, или та же фирма «Майкрософт». Так что ты в мире не одинока — есть «братья по разуму», или друзья по несчастью. Называй, как хочешь, это неважно, главное — такой замок не смог бы открыть даже Гудини¹⁰. О взломщиках и говорить нечего! У тебя не квартира, а неприступная крепость. Кстати, те два замочка, что висят на твоей двери, можно снять. Это же дурной тон — дополнять бриллиантовое кольцо двумя нитками дешевой бижутерии! Я подвезу тебя?

Алене не хотелось ехать с Саней — ей все еще было стыдно и за свои мысли, и за вспышку раздражительности. Но она не хотела обижать его, это было бы слишком — «привилегированные клиенты», получившие такой замок, подобным образом

---

⁹ Место, где хранится золотой запас США.

¹⁰ Всемирно известный иллюзионист.

себя не ведут! К тому же если Саня подвезет ее к редакции, она избежит встречи с этим типом и его «тытрупом». По крайней мере, до работы. Ну а после работы видно будет.

Ехали молча, и только у самой редакции Саня сказал:

— Когда закончишь, позвони мне на мобильник, я за тобой заеду и отвезу домой. Не надо тебе вечером одной возвращаться. И не возражай.

— Спасибо, до вечера.

6

Алена вошла в редакцию. В коридоре столкнулась с секретаршей главного редактора:

— Алена, вас «главный» спрашивал, просил, чтобы вы сразу же к нему зашли. Что-то очень срочное.

— Хорошо, сейчас, только плащ сниму.

Главный говорил по телефону, увидев Алену, кивнул ей на стул и поспешил закончить разговор.

— Слушай, Алена, дело есть — на сто миллионов! Заказан материал, на полосу. Заказчик — консультант-психоаналитик. Открывает в городе фирму по психоанализу, хочет, чтобы ты об этом написала.

— Почему я? Что я в этом смыслею? Это же не мой профиль!

— Пожелание заказчика. Сказал, они желают, дабы материал написала ты — и никто другой. Я знаю, это не твоя парафия — но... В общем, у тебя завтра встреча с ним — в любое время пополудни. Ты должна сейчас перезвонить и согласовать это с Виктором Сойком — заказчик он. Вот контактный телефон. Действуй!

— Не буду я никому звонить! Я не могу писать о том, в чем не разбираюсь! И вообще, этот психоанализ — чушь на постном масле. Бредятина! И, самое главное, — я на заказ не пишу! Можешь позвонить своему заказчику и сказать ему, что он ошибся адресом, — наша газета не бульварный листок, а ему нужно именно туда.

— Елена Петровна, вы получили задание — приступайте к выполнению. Разговор окончен.

Алена вскочила, взглянула на «главного» так, что любой порядочный человек испепелился бы на месте. Порядочный — да,

но не «главный» — этот даже не задымился. Он тоже встал, и теперь они стояли друг против друга — Алена, кипя от возмущения, «главный» — улыбаясь все шире и шире.

— Алена, не хочешь продаваться — не надо: сделай материал бесплатно. Обещаю, я не стану тебя оскорблять и предлагать гонорар в четырехзначной цифре условных единиц. О'кей? Видишь, обо всем можно договориться, если уважать принципы и убеждения оппонента. А я уважаю — и тебя, и твои принципы. Уважь и ты мои. Я настаиваю, чтобы ты встретилась с этим Сойком. Я ему обещал только это — ты с ним встретишься. А потом будем решать, писать или не писать. Решать, конечно, тебе, поскольку Сойк выдвинул обязательное условие: материал должен быть написан тобой. Так что сама не захочешь, никто тебя не продаст — не сможет. А теперь, прошу тебя, будь умницей, позвони!

— Ладно, позвоню.

— Вот и умница.

— Но не обещаю, что соглашусь на эту авантюру.

— Конечно, конечно, о чем речь?!

— Ну ты и лис!

— И не говори! Самому противно!

Алена возвратилась к себе и набрала номер Виктора Сойка. Голос у Сойка был приятный и располагающий к общению. Алена это отметила и подумала: «Видать, крупный спец по запудриванию мозгов и навешиванию лапши на уши». Договорились на завтра на пять вечера в офисе Сойка.

В дверь заглянула заведующая отделом корреспонденции и связей с общественностью, Алена приятельница, и сразу с порога сообщила:

— Алена, тебе несколько раз звонил какой-то мужчина, я брала трубку.

— Какой мужчина? Он себя назвал?

— Нет, себя не называл, спрашивал тебя, ничего не просил передавать.

— А какой голос?

— Я же говорю, мужской.

— Ну, понятно, если звонил мужчина, значит, голос мужской, но я, Зоя, спрашиваю, какой он: молодой, старый, хриплый, сиплый, звонкий, приглушенный... Какой?

— Не знаю, голос как голос, спрашивал тебя и вешал трубку. У тебя новый кавалер? Кто он?

— Бандит с большой дороги!

— Не хочешь, не говори, просто я под впечатлением от его настойчивости. Поэтому и спросила. Вот меня никто так не добивается!

— Твое счастье!

— Ах, ах, ах! Нам не льстит мужское внимание! Можно подумать!

— Можно, Зоя, можно, поверь мне.

— Что-то не так?

— Все не так.

— Если он снова позвонит, тебя соединять или нет?

— Соединяй.

— Слушай, а почему он звонит на общий телефон, а не на твой личный и не на мобильный?

— Потому что он знает только этот номер — мы печатаем его в газете. А моего личного он не знает, и мобильного тоже.

— Дать ему, если он позвонит, а тебя не будет на месте?

— Ни в коем случае! — Алену аж дрожь проняла. — Ты же знаешь правила! Или уже сообщила?

— Алена, он так просил...

— Ну!

— Тамара, она новенькая, дала ему твой домашний.

— Как она могла?! Она же не знает, кто этот человек и что ему от меня надо! А если он маньяк, серийный убийца! Домашний телефон! Свой домашний номер только я могу давать!

— Алена, успокойся...

— Эта ваша новенькая сейчас на месте?

— Да.

— Пришли ее ко мне.

— Алена, она еще совсем молоденькая, опыта никакого, работает всего пару дней. Прости ты ее, она не умышленно.

— Пришли ее ко мне.

— Хорошо, сейчас придет.

— Жду.

Минут через пять Зоя вернулась с перепуганной девчушкой. Зоя вопросительно посмотрела на Алену.

— Останься, Зоя. Вас Тамарой зовут?

Девчушка кивнула.

— Тамара, в котором часу вы дали постороннему человеку номер моего домашнего телефона?

— Утром, около десяти.

Примерно в это время бандит и позвонил Алене.

— А вы знаете, что нельзя давать мой номер без моего разрешения, и ничей нельзя без разрешения владельца?

— Мне говорили, но я растерялась, он сказал...

— Что он сказал?

— Он сказал, что... — Тамара замялась, но не надолго, а потом выпалила: — Он сказал, что он из госбезопасности.

— Откуда?!

— Из госбезопасности.

— А почему вы не передали трубку своему начальнику? — Алена кивнула на Зою.

— Он спросил мою фамилию и сказал, что если произойдет утечка информации, меня арестуют.

— Какой информации?

— Ну, что вами интересуется госбезопасность.

— Госбезопасность?! Мною?!

— Да.

Алена с Зоей переглянулись.

— А он представился? Назвал себя?

— Да.

— И как он себя отрекомендовал? Случайно, не майором Прониным?

— Так вы его знаете?

Алена с Зоей опять переглянулись.

— Деточка, когда вы были в классе эдак первом, по стране гуляла целая серия анекдотов о тупом майоре Пронине, — и, видя, что Тамара не понимает, Алена пояснила: — Это вымышленная личность, такого человека не существует, и органы госбезопасности мною не интересуются. Вы дали мой домашний телефон неизвестно кому, и меня это очень обеспокоило, поскольку ни вы, ни я, ни ваша начальница не знаем, кто этот тип и какие цели он преследует.

Девочка совсем сникла, и Алене стало жаль ее. Тамара, конечно, сделала глупость, но ведь и она, Алена, оказалась не умнее,

когда пошла гулять по пустынной тропинке. Тамару можно понять: она еще ребенок и ее запугали словом «госбезопасность», а вот мотивы своего поступка Алена понимала чем дальше, тем меньше.

— Меня уволят? — едва сдерживая слезы, спросила Тамара.

— Никто вас не уволит, но впредь будьте осмотрительнее, — строго сказала Алена, а про себя подумала: «Ой, детка, мне ли читать тебе нравоучения!» — и напоследок спросила: — Тамара, но если он предупредил вас, чтобы вы держали разговор с ним в секрете, почему ваша начальница знает о нем?

— Когда он позвонил еще раз, и я взяла трубку, и он спросил вас, я быстро сказала, что вас нет, и положила трубку. Я боялась, что он потребует, чтобы я ему позвонила, когда вы придете в редакцию. А я не хотела, вот я и сказала Зое Васильевне, что мне надо ненадолго выйти по личному делу. Тогда она поставила телефон к себе на стол, ну тот, по которому люди звонят к нам в редакцию, и сказала, что я могу выйти. Я сказала ей, что вас спрашивал какой-то мужчина и я дала ему ваш телефон. Но что он из госбезопасности я не сказала. Мне ведь запретили! Потом, когда я вернулась, я слышала, как Зоя Васильевна несколько раз говорила кому-то по телефону, что вас еще нет, и я поняла, что это он. А телефон так и остался на столе у Зои Васильевны, потому что...

Тамара, похоже, не могла остановиться, и Алена решила ей помочь:

— Тамара, вы можете идти. Нет, одну минуту, — Алена вспомнила, что еще не все выяснила: — Тамара, откуда вам известен мой домашний номер?

— А в моем столе лежали разные бумаги и записная книжка, там адреса и номера телефонов всех сотрудников...

Алена глянула на Зою. Зоя развела руками:

— Наверное, Аня Сидоренко оставила. Но откуда это у Ани — понятия не имею. От меня она таких сведений не получала. Да разве это сложно? Аня проработала несколько лет, а за это время она и не такое успела узнать.

Тамара ушла. Зоя умоляюще смотрел на Алену:

— Алена, не жалуйся на нее главному, ну кто не ошибался! Она ведь новенькая. И еще совсем ребенок.

— Как она у нас оказалась?

— Вместо Ани Сидоренко, та неожиданно уволилась. Тамару взяли с испытательным сроком, она, конечно, Аню заменить не может, но все-таки помощь.

— А почему Аня ушла? Зарплатой была недовольна?

— Нет, по семейным обстоятельствам. Когда она сказала, что уходит, я тут же побежала к главному и выбила ей увеличение оклада. Но она все равно ушла, не передумала, сказала, что возникли непредвиденные обстоятельства. Ей даже заявление в тот же день подписали, без отработки. Не знаю, какие обстоятельства она руководству назвала, но ей пошли навстречу — уволилась в течение дня. Вот мы Тамару и взяли — выхода не было.

— Ладно, пожелаем Ане всех благ и забудем о Тамаре и майоре Пронине.

Но забыть им не позволили: в кабинет вошел Николай — фотограф.

— Алена, привет! Ой, Зойка, и ты здесь, зайка! Слушай, чем это твои работнички приторговывают без отрыва от основной работы? Часом, не наркотиками?

— Ты шутишь?

— Не-а, не шучу. Подхожу я к редакции, смотрю, а в подворотне, что рядом с бутиком, стоят двое: одна из твоих и какой-то парниша. Они на меня внимания не обратили, а я смотрю, она ему какой-то пакетик, малюсенький такой, сует, а он ей — купюру зеленого цвета.

— Когда это было? — одновременно вырвалось у Алены и Зои.

— Сегодня, где-то в половине десятого.

Не сговариваясь, дамы рванули с места и вихрем понеслись в отдел корреспонденции и связей с общественностью. Зоя сидела ближе к двери и потому выбежала в коридор первая, Алена оказалась за ней, но догнала в коридоре. В дверь отдела «писем и звонков» они ворвались вместе, ноздря в ноздрю. Тамара сидела за столом у дальней стены, пространство между ее рабочим местом и дверью было густо заставлено письменными столами. Зоя стала протискиваться через узенькие проходы между ними, Алена же, вскочив на ближайший стол, устремилась к Тамаре кратчайшим путем — по столам.

Тамара завизжала, едва увидела свою начальницу и Алену, и этим полностью подтвердила правдивость показаний Кольки-фотографа.

С воплем: «Я из тебя душу вытрясу!» — Алена схватила Тамару за плечи и принялась трясти с такой силой, будто и в самом деле задалась целью вытрясти из Тамары душу.

— Алена, ты ей шею свернешь, — подоспевшая Зоя пыталась спасти Тамару от линчевания. — Отпусти, слышишь!

Зоя была раза в полтора тяжелее Алены, но ей не удавалось оттащить Алену или хоть сколько-нибудь ослабить ее хватку. Тамара, как могла, отбивалась и колотила Алену по чем попадая, но Алена не обращала внимания на удары и демонстрировала явное намерение довести начатое дело до конца. Дерущихся разнял телефонный звонок, подействовавший на Алену как холодный душ. Она выпустила Тамару, и они обе замерли, устремив взгляд на элегантный, приятного кремового цвета аппарат. Зоя опомнилась первая, бросилась к телефону, сняла трубку и тут же передала ее Алене: «Тебя. Он». Алена поднесла трубку к уху и услышала: «Алена?» Это был голос бандита. Алена ответила автоматически: «Да», и тут же последовало ожидаемое: «Ты труп», потом короткие гудки.

Алена посмотрела на Зою, обвела невидящим взглядом комнату, в которую набился едва ли не весь имевшийся на данный момент в наличии штат газеты. Все смотрели на колоритную группу у дальнего стола — такой потасовки между своими редакция еще не видела, во всяком случае, старожилы не помнили. На лицах людей явственно читался клич: «Хлеба и зрелищ!» Однако, к великому сожалению многих, дальнейшие разборки были перенесены в кабинет главного, куда вслед за ним самим проследовали еще не пришедшая в себя Алена, запыхавшаяся Зоя и конвоируемая фотографом совершенно обалдевшая Тамара.

7

Главный редактор солидной столичной газеты сидел за своим столом в своем служебном кабинете и смотрел на сидевших перед ним сотрудников: ведущего журналиста, заведующую отде-

лом корреспонденции и связей с общественностью, сотрудницу вышеупомянутого отдела и штатного фотографа.

— Ну-с, дамы и господа, по какому поводу мордобой?

Все молчали. Алена пришла в себя и лихорадочно обдумывала ситуацию. О том, чтобы утаить случай в парке, теперь не могло быть и речи: ситуация вышла из-под контроля. «Да ты ее и не контролировала, — призналась себе. — А теперь представь, какой резонанс получит твоя расправа над этой мерзопакостной Тамарой, когда в редакции узнают, как ты отколошматила напавшего на тебя дюжего мужика! О тебе же легенды начнут ходить, еще при жизни! На тебя будут пальцем показывать, детей тобою пугать! Плакала твоя репутация серьезного журналиста и интеллигентной женщины». Да будь проклят тот день, когда она вздумала дышать свежим воздухом! Этот инцидент в парке, похоже, исковеркает ей жизнь: она останется без друзей, без работы и превратится в психопатку! «Да что же это, в самом деле!» — едва не вырвалось у Алены, но она вовремя спохватилась и остудила закипавшие эмоции: «Это — жизнь, — констатировала со спокойствием, достойным самого отъявленного стойка: — Не горюй, то ли еще будет!»

— Елена Петровна, я к вам обращаюсь, — голос «главного» оторвал Алену от горьких мыслей и поставил перед еще более горькой действительностью. — Объясните, пожалуйста, что произошло.

Алена уже раскрыла рот, чтобы скупыми и точными фразами изложить краткую версию событий последней недели — от «дыхания воздухом» до сотрясения Тамары, но тут же сомкнула уста. Внезапная мысль молнией блеснула в голове: она бросилась к Тамаре, потому что связала передачу упомянутого Николаем «пакетика» с продажей бандиту номера ее домашнего телефона. А Зоя? Что заставило Зою вскочить и броситься к Тамаре? Зоя никак не могла заподозрить Тамару в продаже конфиденциальной информации. Тогда что ее так взволновало? Слово «наркотики»! Вот что! У нее дети подростки, и сын едва не пристрастился к пагубному зелью, но Зоя вовремя узнала и пресекла в ребенке зарождавшийся интерес к «дури». Упоминание о наркотиках могло подействовать на нее, как красная тряпка на быка. Зоя поверила, что Тамара «приторговывает» наркотиками.

— Елена Петровна! Я жду, — «главный» начинал терять терпение.

«Ничего, — подумала Алена (она же Елена Петровна), — сейчас я вознагражу твоё ожидание».

И она, возмущенная, но сдержанная и корректная, как и подобает солидному журналисту и интеллигентной женщине, десять минут назад носившейся по столам, приступила к объяснению ситуации:

— Зоя Васильевна принесла мне поступившую на мое имя телефонограмму. Мы разговаривали. К нам подошел Николай, — Алена кивнула в сторону фотографа, — и сообщил, что видел Тамару с наркодилером: она то ли покупала, то ли продавала наркотики. Мы с Зоей Васильевной, дабы исключить возможность ошибки, уточнили время. Как оказалось, именно в это время Тамара, с разрешения своего руководителя, покидала пределы редакции. Мы с Зоей Васильевной бросились к ней. Наркотики в нашей редакции! Я готова была душу из Тамары вытрясти! Прошу меня извинить за несдержанность.

Зоя подтвердила слова Алены. Николай тоже вынужден был это сделать. Между их «показаниями» расхождений не оказалось. Но Тамара! Она сидела, выкатив глаза, и даже не моргала. Ее нижняя челюсть отвисла в прямом смысле слова, наглядно демонстрируя этимологию известного идиоматического выражения, означающего крайнюю степень удивления. Когда к ней вернулся дар речи, она принялась все отрицать, разрыдалась и долго не могла успокоиться. Алена знала, что к наркотикам Тамара отношения не имеет, и повернула дело так, что Тамару признали жертвой чудовищного недоразумения, возникшего по вине Николая с его безответственным заявлением о наркотиках и безосновательными обвинениями в адрес Тамары. Алена также настояла, чтобы Тамаре выделили энную сумму в качестве компенсации за причиненный моральный ущерб. Компенсацию за физический ущерб она взяла на себя.

Из кабинета «главного» Алена с Зоей вышли героинями дня, правофланговыми борьбы с международной наркомафией. Алена увела Тамару к себе, извинилась за свою «горячность», посочувствовала ей, поругала Николая и пригласила «невинную жертву» в кафе — прямо сейчас! — «для восстановления мира

и дружбы между народами». Тамара охотно согласилась, и они, как закадычные подруги, отправились «угощаться» в ближайшую кафешку. Там они просидели около часа, и Тамара сделала официальное заявление для прессы: «Алена, ты такая хорошая, а я такую свинью подложила тебе с телефоном! Но, честное слово, я так испугалась!» На вопрос: «Чего ты испугалась?» — Тамара честно ответила: «Я подумала, что если не скажу твой номер, они за меня возьмутся». — «А ты при чем?» — «Ни при чем, но ведь им это не важно». — «Кому “им”?» — «Госбезопасности». Алена на секунду-другую задумалась, а потом спросила: «Тамара, ты читать любишь?» — «Люблю». — «А что ты сейчас читаешь?» — «“Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына». Больше вопросов не было.

Остаток рабочего дня оказался скучным на события — все шло заведенным порядком: четыре раза звонил бандит и сообщал Алене, что она труп. Магнитофон записал все четыре телефонogramмы, и Зоя передала их Алене по ее просьбе. Они договорились, что отныне и впредь Зоя будет аккуратно поставлять Алене все образчики голоса ее «нового поклонника». Алена разгребала текущие рутинные дела, общалась с коллегами, выслушивала их комментарии по поводу произошедшего в отделе корреспонденции, комментировала сама, звонила, отвечала на телефонные звонки — в общем, занималась всякой чепухой.

Она уже подумывала позвонить Сане, чтобы он за ней заехал, но просигналил мобильник. Это была Светик, которая, с места в карьер, поинтересовалась, была ли Алена в милиции. В милиции Алена не была, в чем чистосердечно созналась. Светик потребовала встречи, и как можно скорее, сказала, что у нее возникли некоторые соображения. Алена не пылала желанием встречаться со Светиком — события сегодняшнего дня менее всего располагали к разговорам о «небесных материях», а со Светиком придется говорить именно об этом, Алена не сомневалась. Видно, Светик придумала новый аргумент, способный убедить Алену в необходимости безотлагательного покаяния с незамедлительным посыпанием головы пеплом. Но, как и утром с Саней, Алене не хотелось обижать Светика отказом, в конце концов, Светик старается для ее блага. И не вина Светика, что ее представления об этом самом благе не совпадают с Аленыными.

— Хорошо. Где и когда?

— Где скажешь: можно у меня, можно у тебя, можно на нейтральной территории, — Светик проявляла полную и безоговорочную толерантность.

— На нейтральной территории.

Алена не стала приглашать Светика к себе, во-первых, из-за неизбежных звонков бандита, а телефон она не могла отключить — может звонить мама, а во-вторых, из-за возможного вторжения Сани. Лучше где-нибудь на стороне. К Светику ехать не хотела — это на другом конце города, потом домой долго добираться, даже на такси.

— Где?

— Предлагай.

— В «Глобусе».

— Идет. Где встретимся?

— Я за тобой заеду. Ты в редакции?

— А где ж еще мне быть? В редакции.

— Жди меня.

— И я вернусь...

— Непременно, — засмеялась Светик и отсоединилась.

Алена позвонила Сане и дала отбой:

— За мной сегодня заедет другой человек, — Алена не хотела наводить Саню на мысль о Светике, чтобы тот тоже не просился.

— Твой бандит? — На данное предположение Сани Алена не сочла нужным ответить.

Подземный комплекс «Глобус» был хорош не только тем, что в нем всегда многолюдно. «Глобус» в глазах Алены, как, вероятно, и Светы, которая его и предложила, имел еще одно преимущество. Если бы бандит решил нанести удар, в «Глобусе» он не стал бы этого делать — из «Глобуса» ему не уйти, слишком много там охраны и очень легко перекрываются все входы и выходы, а также подступы к ним. Одним словом, гиблое место для разбойных нападений, не имеющее ничего общего с утопающей в тишине пустынной аллеей, окутанной густым утренним туманом.

Светик прибыла минут через двадцать после их разговора.

— Привет.

— Привет. Ты на машине?

У Светика, в отличие от Алены, была машина, и она не боялась садиться за руль. Алена тоже обзавелась бы автомобилем, но при условии, что все другие машины будут незамедлительно убраны с городских улиц. Алена не представляла, как бы она смогла одновременно двигаться в нужном ей направлении, избегать столкновений с другими транспортными средствами, соблюдать правила уличного движения и ни на кого при этом не наезжать. Чтобы не морочить себе голову этой явно неразрешимой задачей, она раз и навсегда отдала предпочтение такси.

— Да, я на машине, но не на своей. Нас отвезет один брат из нашей церкви, а потом заедет за нами и заберет из кафе.

Эта новость окончательно испортила Алене настроение. Мало того, что она согласилась встретиться со Светиком исключительно из человеколюбия, так теперь еще и «брат из церкви!» Только его и не хватало — святоши с постной физиономией! «Ну, Светик! Не смогла меня сагитировать и вызвала подкрепление?» — В Алене снова разыграл боевой дух и требовал выхода, как днем. Но Светик — не Тамара, да и обстоятельства не те. Алена взяла себя в руки. Хорошо, она выпьет эту чашу до дна, но от Светика впредь будет держаться подальше. Дружба дружбой, но надо и совесть иметь. Насильно в рай не тащат, это не колхоз!

Алена в очередной раз ощутила полное бессилие перед обстоятельствами. И это раздражало больше всего. С утра до вечера ее донимает бандит, это исчадие ада, а по вечерам за нее принимаются полпреды рая. Она — пешка на шахматной доске, а игроки...

Кто игроки, Алена додумать не успела — они со Светиком дошли до машины. «Брат» приятно удивил — физиономия не была постной, напротив, он улыбался — и когда Светик знакомила их, и потом, когда он открывал перед Аленой дверцу машины. Внешность и манеры брата сделали свое дело — Алена уже не кипела злостью, а с нетерпением ждала, чтобы этот джентльмен приступил к агитации. Ей было интересно, как он будет это делать. Все в нем — и внешность, и манера себя держать, и не броский, но элегантный «прикид», — все шло вразрез с традиционным и устоявшимся образом проповедника. «Поскорее бы начинал представление, — думала Алена. — Вот повеселюсь!»

Но сегодня был явно не ее день: ехали молча, и было похоже, что «представления» не будет. «Сдается мне, Ермилова, что давать представление придется тебе. Похоже, эти двое отвели себе роль публики. — Алена была возмущена, однако ситуацию оценивала объективно. — Ну же, будь смелей, акробат!» — подбодрила себя. Она понимала, что надо что-то сказать: «Молчание становится неприличным — мы со Светиком ведем себя так, будто наняли этого “брата” и, как истинные снобы, не считаем возможным опускаться до общения с “обслуживающим персоналом”. Но что сказать? Хоть бы Светик выручила! Она же знает нас обоих, ей и карты в руки!» Но выручила не Светик, а «брат»:

— Если не возражаете против христианской музыки, я поставлю кассету. — Вопрос был адресован Алене, поскольку Светик против христианской музыки возражать никак не могла, и спрашивать незачем. Алена еще раз оценила тактичность брата, поставила ему высший балл и охотно согласилась на христианскую музыку — она сейчас согласилась бы на любую. Нажатие на клавишу — и по салону поплыла тихая музыка, потом слова:

Благодарю Тебя, Господь из Назарета,
За счастье, что Тобою мне дано,
За то что вот однажды Тебя я в жизни встретил,
И стало на путях моих светло.
Ты шел ко мне навстречу, Господь из Назарета,
Повел путем, где прежде Ты ходил.
Везде встречались люди, которых Ты утешил,
Которых Ты нашел и исцелил.
Я видел слезы счастья в глазах освобожденных,
Я слышал Твои кроткие слова:
«Смотри — и будь таким же, иди — и делай то же,
Люби людей, как любишь ты себя».
Веди меня, Дух Божий, Господь из Назарета,
Я знаю, что найду Твои следы
Лишь там, где...

Приехали. Алене хотелось дослушать песню, но она и виду не подавала — побоялась, что Светик и «брат» сделают неправильные выводы. И тогда от них не отобьешься. Алена и Светик выбра-

лись из машины, «брат» опять улыбнулся, сказал: «Я не прошась. С Богом», помахал рукой и уехал.

— Зачем ты обратилась к этому парню, мы вполне могли бы обойтись без него, — то ли спросила, то ли высказала мысль Алена.

— Могли, но лучше с ним.

— Это почему же?

— Потому что спокойнее.

— Да?! А я думала, ты во всем полагаешься на Бога и помощь «братьев» тебе не нужна! — съязвила Алена.

— Помощь всем нужна. Да, я во всем полагаюсь на Бога, но ведь ты не полагаешься, — Светик сделала ударение на местопимении «ты». — А мне хотелось, чтобы ты была спокойна и не думала, как будешь добираться домой и кто встретит тебя в подъезде.

— Так он здесь ради меня?

— Он здесь из-за тебя.

— Светик, я тебя люблю и уважаю, но понимаю с трудом. Я тебя не просила тащить с собой этого парня. Ты это сделала по собственной инициативе, и встретиться предложила тоже ты. Так в чем дело? Ладно, оставим «братьев». Что ты хотела мне сказать такое важное, что это нельзя было сделать по телефону?

— Во-первых, я хотела тебя увидеть. Во-вторых, я хотела удостовериться, что ты сейчас ходишь с другой сумкой, а в-третьих, я хотела у тебя кое-что спросить и, если ты не помнишь, помочь тебе это припомнить. Это важно.

— Заинтриговала. Первый пункт программы мы выполнили — ты меня увидела. А почему тебе хотелось увидеть мою сумку?

— Я не хотела спрашивать по телефону, потому что, прости, подруга, ты могла и солгать, чтобы не обращаться в милицию.

— Ты говоришь загадками.

— Никаких загадок. Ты не хочешь идти в милицию, потому что нет «зацепок». Правильно? Я подумала о письмах, там могли остаться отпечатки пальцев, хотя это мало вероятно: если он изменяет почерк, он позаботился и о том, чтобы не оставить своих «пальчиков». Но это он сейчас такой осторожный, а вот был ли он таким в парке?

— Что ты имеешь в виду?

— Алена, вспомни, когда он на тебя напал, на нем были перчатки или нет?

— Не было, точно не было: я помню его кулак, которым он меня «припечатал».

— А если так, значит, он оставил отпечатки. И если у него были судимости, найти его легче легкого. Кроме того, если принять во внимание, на чем он их оставил, то можно считать, что он сам себя изобличил.

— Он оставил их...

— ...на широкой, гладкой кожаной ручке твоей сумки, за которую ухватился, когда пытался силой отнять у тебя сумку. Я только боялась, что если ты ходишь с той сумкой, ты могла их стереть. Но если сумка лежит дома — все в порядке, его отпечатки на ней. В целости и сохранности.

— Ну ты прямо мисс Марпл!¹¹ — восхитилась Алена.

— Не надо грубой лести, иди в милицию.

— Я подумаю.

— И думать не о чем! Надо идти. Алена, к Богу прийти тебе не позволяют твои убеждения, а в милицию сходить что не позволяет? Тоже убеждения? А может, нет у тебя никаких убеждений, только упрямство? И еще природная лень. Нет, даже не лень, а нежелание что-либо менять. Ты живешь по инерции. Боишься радикальных решений, боишься ответственности за них. Ты хочешь распоряжаться своей жизнью? Так распорядись ею правильно! Или бандит распорядится.

— А как же Бог? Он позволит бандиту распоряжаться моей жизнью?

— Я боюсь, бандит не будет спрашивать позволения.

Они сидели за столиком на галерее второго яруса — стратегически выгодной позиции, откуда «простреливалось» все окружавшее их открытое пространство. Здесь к ним никто не мог подойти незамеченным, тем более что в этой части галереи располагались дорогие заведения, и народ, в основной своей массе тяготевший к недорогой и сытной пище, толпился внизу под ними. На галерее каждый забредший сюда человек был виден как на ладони. Пока все было спокойно, никого подозрительного.

---

¹¹ Героиня произведений Агаты Кристи.

— Алена, взгляни на вещи с другой стороны. Попустительствуя бандиту, ты провоцируешь его на преступление, ответственность за которое будет лежать не только на нем, но и на тебе. Он нарушит заповедь «Не убей» при твоём непосредственном пособничестве и подстрекательстве. Ответственность разделите пополам.

— Если он меня убьёт, перед кем я буду отвечать за пособничество?!

— Перед Богом. Заодно убедишься в Его существовании. Но для тебя это уже не будет иметь значения: свои решения мы принимаем здесь, при жизни на земле. Не знаю, почему там нельзя, — при слове «там» Света подняла глаза к стеклянному куполу над их головами, — но нельзя. Надо успеть все сделать здесь. Поторопись.

— Светик, ты, вероятно, не замечаешь, что постоянно талдычишь мне о моей скорой и неотвратимой кончине. Причем пророчествуешь наглуго смерть от руки бандита. Уж не ты ли его наняла, чтобы с его помощью наставить меня на путь истинный?

— Алена, ты думаешь, что говоришь?

— Я пошутила. Не сердись, подруга, но надоела мне твоя религиозная пропаганда. Если бы я могла поверить, я бы поверила. Но я не могу. Чего не могу, того не могу. Смирись. И не приставай — ты нарушаешь права человека! Давай о чем-нибудь другом поговорим.

— О чем?

— Я сейчас кое-что расскажу. Тебе это будет интересно, ведь ты у нас великий детектив.

И Алена рассказала о звонке бандита и о том, что сегодня произошло в редакции. Закончила словами.

— Я ей поверила.

— Почему?

— Потому что она сама сообщила Зое, что дала номер моего телефона. Ну посудите: если она передала (или продала) мой номер бандиту и сделала это в подворотне, где ее видел фотограф, зачем ей потом признаваться Зое? Ведь если бы Тамара сама не сказала, никто бы и не догадался, что это ее рук дело. Саня, например, утверждал, что самый прямой и короткий путь — через АТС. Но оказалось, есть путь проще и короче: позвонить ко мне

на работу и попасть на Тамару. И еще, история про майора Пронина из госбезопасности настолько наивна, что нарочно такое не придумает. Для этого надо быть полным идиотом. Тамара, конечно, звезд с неба не хватает, но она не дуручка. Видела бы ты, как она выкручивалась перед нами с Зойкой. Нет, она не врет. К ней действительно звонил некто, назвавшийся майором Прониным. И она, по наивности, дала мой телефон.

— Вполне может быть. А ты не спрашивала ее, с кем она была, прошу прощения, в подворотне?

— Спрашивала. Она отрицала, что вообще там была.

— А фотограф что?

— Что — что? Фотограф сказал, что видел ее там, проходя мимо. Он не стоял и не разглядывал. На улице солнце, в подворотне полумрак — мог ошибиться. Но он не сказал, что ошибся. Он просто не обличал Тамару и не рвал на себе рубаху.

— Съехал?

— Что-то вроде этого. Съезжать он мастер, как, впрочем, и Тамара.

— Ну а того, с кем она якобы встречалась, он описал?

— Нет, он видел их мельком и обратил внимание только на девушку, потому что признал в ней Тамару, и на пакетик, который она передавала. Парня он не рассматривал.

— И ты веришь не ему, а Тамаре?

— Да. Что она могла передавать нашему бандиту, если действительно что-то передала ему в подворотне и получила за это деньги? Они же не разведчики во вражеском тылу. Нет, я верю Тамаре.

— Может, ты и права. Но странно все это.

— И не говори.

Светик посмотрела на часы:

— В нашем распоряжении еще семь минут.

— Какая точность! Ну, если «брат» приедет за нами ровно через семь минут, нам пора двигаться к выходу. Где он будет нас ждать?

— Не он нас, а мы его — здесь. Он зайдет за нами, не надо тебе маячить на улице. Он знает, что мы будем на втором ярусе, искать не придется.

— Да, хотела спросить, он в курсе?

— Нет, я сказала только, что тебя кто-то преследует и угрожает. Но я как раз хотела спросить, не будешь ли ты возражать, если мы посвятим его во все. Знаешь, две головы хорошо, а три лучше. И потом, у него есть одно существенное преимущество перед нами — свежесть восприятия. Мы варимся во всем этом, а он сможет посмотреть на ситуацию как бы со стороны.

— Согласна. Но почему ты сказала, что у нас только две головы? А Санину голову ты сбрасываешь со счетов?

— Не «сбрасываю со счетов», а не принимаю в расчет — от нее только шум, потому что в ней есть рот, который не закрывается. На него бы замочек повесить, а ключик спрятать...

— Кстати о замочках. Саня сегодня утром поставил еще один замок на мою дверь.

— Так он не шутил?! Но зачем? У тебя ведь хорошие замки в двери! Зачем еще один? Что он дает — иллюзию защищенности? Да, а ты говоришь три головы... Да у нас их, голов, полторы на двоих, потому как твоя в последнее время «глючит».

— Так уж и глючит!

— Глючит, глючит, не спорь. Я, конечно, всего лишь пользователь, но вот идет программист. — Алена повернула голову и увидела «брата», он направлялся к ним.

— Ну нет! Знаю я вас, «программистов», мне и твоего «программирования» хватает, никакой агитации я...

— Да я о профессии говорю! Есть такая профессия — программист. Ты что, никогда не слышала?!

— Извини, я не то подумала!

— А говоришь, не глючит! Еще как глючит!

— Хорошо, хорошо, глючит как «виндоус».

— Настроить надо.

— Вот уж нет!

— Нет так нет.

— Ой, Светик, я забыла его имя, — Алена наклонилась к Светику и произнесла эти слова очень тихо, поскольку «брат», неожиданно выбившийся в «программисты», был уже в нескольких шагах от их столика.

— Андрей, — послышался голос «брата».

«Первозванный», — мысленно добавила Алена. Андрей озвучил ее мысль:

— Мы с апостолом Андреем тезки, хотя меня назвали не в его честь.

«Ермилова, — обратилась к себе Алена, — этот “программист” твои мысли сканирует. Будь начеку, как бы он тебе свои не “инсталлировал”».

— Подсаживайся к нам, Андрей, — Светик кивнула на свободный стул. — Располагаешь временем?

— Без ограничений.

— Мы хотим посвятить тебя в Аленину проблему. Давай, Алена, рассказывай.

И Алена скупым газетным слогом осветила всю историю, уложившись менее чем в десять минут.

— Вот такие дела, — резюмировала Светик. — Теперь твои вопросы, Андрей.

— Он попадает в ваше поле зрения, когда произносит свою угрозу?

— Определенно сказать не могу. Он произносит всего два слова: «ты» и «труп» — и делает это очень быстро. Голос всегда раздается как бы сзади, человек у меня за спиной, слева или справа, бывает по-разному. Я оглядываюсь — вокруг люди, у всех нормальные лица, ничего необычного или подозрительного. Того парня, который напал на меня в парке, я больше ни разу не видела.

— Голос один и тот же?

— Похоже, да, но утверждать не стану. Угроза всегда произносится приглушенно, на пониженных тонах, ведь вокруг люди.

— В парке голос грабителя вы не слышали?

— Нет, он грабил молча. Слова «ты труп» я услышала только на остановке. И произнесены они были тоже вполголоса, как и ругательства. Кстати, ругательства — это его единственное «лирическое» отступление. Больше он ни разу не отклонился от утвержденного текста: «ты труп» — и баста, и ни слова больше.

— А по телефону? Тот же голос?

— Это может определить только эксперт. Во всяком случае, очень похож. И та же манера — как бы скороговоркой, второпях. Сказал — и сразу кладет трубку. Ну, с трубкой все понятно — боится, чтобы не засекли, откуда звонит.

— На конвертах почтовые штампы одинаковые — одно почтовое отделение?

— Разные.

— И вы уверены, что все это проделывает один человек и что это именно тот человек, который напал на вас в парке?

— Я не уверена, но у меня нет оснований предполагать что-либо другое. Все началось после нападения — первую угрозу я услышала сразу же по выходе из парка. И пошло-поехало. К тому же, если не он, тогда кто? И за что? Я могу понять грабителя — у него на меня «зуб», но если это не он, тогда какой во всем этом смысл? Ведь от меня никто ничего не требует и ничего мне не объясняет. Что, угроза ради угрозы? Игра такая?!

— Вполне возможно, кто-то и в самом деле решил поразвлечься, — я не знаю, но мне так не кажется.

— Мне это тоже игрой не кажется, во всяком случае, для меня это не игра. Я ни жить, ни дышать не могу, ведь он достает меня не только дома и на улице, но и на работе.

До этого момента Светик сидела молча и внимательно слушала, но при упоминании работы заинтересовалась:

— А как ты в редакции объяснила звонки? Ведь он же звонит не на твой личный телефон, а на общий?

— Зое, она заведующая отделом, я сказала, что это какой-то шалун и что я хочу его вычислить. У нее вопросов не возникло, и она с особой заботой переводит на меня его звонки. Стоп! Звоня в редакцию, он спрашивает Алену Ермилову. Я свои материалы подписываю: Елена Ермилова. Аленой меня называют только друзья. Интересно, откуда он знает, что я Алена, а не Лена?

— Да, интересно. Еще одна нестыковка.

— Да, нестыковок много, и самая большая — поведение бандита. Его поведение не стыкуется с его имиджем уличного налетчика. К чему такие усилия? Ну стукнул бы меня по голове — и дело с концом. Так нет же, он в маньяка играет.

— А если он и в самом деле маньяк? Ты же говорила, что его лицо произвело на тебя неизгладимое впечатление.

Алена глянула на часы:

— Пожалуй, нам пора. Что скажете, Андрей?

— Предлагаю всем нам поискать противоречия в этом деле. Надо спокойно проанализировать ситуацию и сопутствующие ей

обстоятельства. Ситуация типичная — нападение с целью ограбления. Вот и давайте выделим все, что не укладывается в эту схему. А завтра встретимся и поделимся результатами.

Предложение «брата-программиста» было принято единогласно. К выходу двинулись в походном порядке: в авангарде — Светик, за ней — Алена, арьергардом выступил Андрей, поставивший перед собой задачу обеспечивать безопасность колонны с тыла и флангов.

Такой порядок продвижения позволял не только обезопасить Алену от вероломного нападения бандита на улице, за пределами «Глобуса», но и давал возможность Андрею «засечь» его, если он, верный своей тактике, вздумает опять прошептать Алене свою угрозу. Всем троим очень хотелось, чтобы бандит околачивался где-нибудь поблизости и, увидев Алену, поспешил к ней и произнес свое традиционное «ты труп». Договорились, что Алена сразу же подаст знак, как только услышит «пароль». Тогда Андрей если не задержит, то хотя бы увидит бандита, который окажется прямо перед ним. Шли быстро, сосредоточенно и целеустремленно.

«Ну, Ермилова, в детстве ты в войну не играла, так хоть сейчас поиграй! — Алена в душе хохотала. — Взрослые люди! Рассказать — никто не поверит! Ну, пусть бы Светик — она с тобой и в куклы посреди площади играть сядет, только бы ты не плакала! Но Андрей?! Он же верующий человек, программист...»

Размышления были прерваны знакомым «ты труп» — «пароль» прозвучал совершенно неожиданно, и Алена едва не забыла об «отзыве» — вскинуть руку к макушке и поправить волосы. Она тут же это проделала, оглянувшись, но бандита рядом не было. Их походный порядок расстроился: она не заметила, как они подошли к переходу, и теперь стояли не гуськом, а шеренгой вдоль бровки. Алена по-прежнему была в центре, и бандит, произнося свою реплику, должен был оказаться между ней и Светиком. Светик тоже повернула голову, и они с Аленой глянули друг на друга.

— Ты слышала?! — вскричала Алена.

— Слышала!

— Я тоже, — Андрей глядывался в толпу, резво рванувшуюся на «зебру» — пешеходам был дан зеленый свет. — А кто-нибудь его видел?

Ни Алена, ни Света не видели. Андрей, как оказалось, тоже.

Сначала решили отвезти Алену и препроводить ее в квартиру, а затем Андрей должен был доставить домой Светика. По дороге обсуждали провал «операции».

— Он все время шел за нами, знал, что нас трое, и выбрал момент, когда наше численное преимущество было сведено к нулю. Вел нас до перехода, — констатировала Алена.

— Меня другое интересует, — задумчиво проговорил Андрей. — Как он вообще мог узнать, что вы, Алена, будете в «Глобусе», чтобы поджидать вас именно там?

— Возможно, он был возле редакции, когда мы садились в машину, и поехал за нами, — предположила Алена.

— Исключено, за нами от редакции никто не ехал. Я следил за этим.

— И еще один интересный момент: мы трое почти одновременно оглянулись на голос, и не увидели никого, кто мог бы произнести эти слова. Никого, кто бы подходил под твоё описание бандита, Алена, — отметила Светик. — С другой стороны, что мы могли заметить? Загорелся зеленый, толпа на переходе пришла в движение, с противоположной стороны переходить начали раньше, еще на красный... А может, он шел нам навстречу с противоположной стороны улицы? А мы ведь не разглядывали тех, кто двигался нам навстречу. Я, во всяком случае, не разглядывала.

— Я тоже.

— И я, — Алена на секунду-другую задумалась. У нее мелькнула и исчезла мысль, очень важная мысль, и она пыталась поймать ее и заставить вернуться. Ей это удалось.

— Стоп! — приказала она.

Андрей резко затормозил.

— Ой, нет, это я не вам, это я своим мыслям, — извинилась Алена. — Слушайте, если от редакции за нами никто не ехал, значит, он знал, где мы со Светланой находимся, и следил за нами. Мы его не видели, а он все время наблюдал за нами. Неизвестно как узнал, где мы будем, и в «Глобусе» ухитрился остаться незамеченным. (Не знаю, как ему это удалось — видно, изобретательный человек.) И такие усилия только ради того, чтобы про-

шипеть: «Ты труп»? Ради этого не стоит напрягаться. Я бы не стала. И мне сейчас почему-то кажется, что и он не напрягался, ему это ничего не стоило. Именно это я и хотела сказать.

От Алениных слов по салону машины распространился терпкий душок шпионажа.

— Алена, — первым заговорил Андрей, — вы должны завтра же обратиться в милицию по факту разбойного нападения. — Алена хотела возразить, но Андрей не дал ей такой возможности: — Необходимо во что бы то ни стало найти и изолировать грабителя. Если его задержат, а угрозы будут продолжаться, значит, он здесь ни при чем и мы все понимаем неправильно.

— Если он ни при чем, то мне его жаль — ведь он, бедный, свое уже получил, и мне не хочется его сажать.

— Думаю, свое он еще не получил. Кстати, вы уверены, что кроме вас он никого больше не ограбил и не собирается ограбить? Придите в милицию и расскажите все честно, также и о том, что вы его ударили в порядке самообороны и пребывая в состоянии шока. Так оно и было. А мы помолимся, чтобы его поскорее нашли, целым и невредимым.

— Хорошо, я так и сделаю. Завтра.

— Вот и отлично.

Андрей остановил машину у самого подъезда. Вышли втроем: Светик с Андреем провожали Алену до квартиры. Возле двери остановились, Алена достала из сумки ключи и попыталась вставить один из них в щель верхнего замка. Ключ не входил. Алена осмотрела его и снова попыталась затолкать его в замочную скважину. Ничего не получилось. Она выбрала другой ключ, чтобы открыть им нижний замок, — с тем же успехом. Замки не поддались даже Андрею: щели были чем-то забиты, возможно, сломанными ключами, а может, чем-то другим. Сработал только замок, поставленный Саней, — он не имел скважины для ключей, и с ним ничего не сделали, — слышно было, как запор отошел, когда Алена, направив в сторону двери пульт, нажала на кнопку.

Андрей извлек из кармана мобильник и кого-то вызвонил.

— Через десять минут будет слесарь, — сообщил он и предложил дожидаться в машине. Так и сделали. Пока ожидали, обменялись первыми впечатлениями:

— Вовремя Саня замок поставил. И такой, какой надо. Думаю, его замок не то что не смогли открыть, его просто не увидели — он снаружи никак не проявляется. И тогда, «в бессильной злобе», взломщики напакостили — сломали те два замка, до которых добрались, — констатировала Светик.

— Вполне возможно, — осторожно заметил Андей.

Алена хранила молчание, ибо возникшая у нее мысль озвучению не подлежала. Она подумала, что поломка замков может быть не чем иным, как Саниной глупой «шалостью», — это вполне в его стиле.

«Утром Саня убеждал меня снять старые замки за ненадобностью, — дескать, новое чудо техники само справится с охраной моего жилища, — рассуждала она. — Он еще про бриллиантовое кольцо и бижутерию что-то там говорил. Я не послушалась, вот он и решил устроить «показательные выступления» — угробил мои замочки, чтобы вынудить меня снять их. Не мытьем, так катаньем — но своего добился. Но, с другой стороны, не пойман не вор. Нельзя бездоказательно обвинять человека, даже если этот человек — Саня. Но попадись он мне сейчас в руки...»

Слесарь действительно приехал через десять минут после вызова, и одет он был в форму сержанта милиции. Ни Андрея, ни Светика это обстоятельство нисколько не удивило, Алену же едва не повергло в шок.

— Светик, — простонала она, когда они, на сей раз вчетвером, снова направились к ее квартире, — я сплю или брежу? Или, может, для верующих что слесарь, что милиционер — без разницы: и тот, и другой проходит под грифом «грешники»? Он же слесаря вызывал! Сам сказал, что слесарь — слесарь, а не милиционер! — будет через десять минут. А кто приехал?!

— Кого вызвал, тот и приехал! — хихикнула Светик.

— Греха не боишься! Что ты со мной делаешь? У меня и так крышу сносит от всех этих дел, а вы здесь комедию ломаете! Кто твой Андрей?

— Программист.

— А где, в какой фирме, он программист?

— Он, если можно так выразиться...

— Выражайся и поскорее, у меня нервы на пределе!

— ...в каком-то смысле коллега майора Пронина.

— Час от часу не легче!
— Держись, подружка, то ли еще будет!
— Так, значит, вы и до них добрались! Одурачили!
— Добрались не мы, а Бог. А Ему что дворник, что премьер-министр, что «они» — индифферентно. Он всех к Себе зовет. Бог ни чинов, ни званий не различает — во Христе все равны и все Его!

— Похоже, я последняя, кого вы еще не заграбастали!

— Если бы! — притворно вздохнула Светик. — Увы, это не так. Неохваченными остаются: ты — это раз; твой бандит — это два...

— Не напоминай мне про бандита! Светик, ты шантажистка!

— Нет, шантажисту что-то надо, а мне от тебя — ничего.

Они стояли в стороне от мужчин, возившихся с дверью, и только поглядывали в их сторону. Не прошло и пяти минут, как Андрей позвал:

— Открыли. Можно заходить.

«Слесарь» вывинтил из двери оба сломанных замка и положил их в пластиковые пакеты. Алена уже ничему не удивлялась. Через пару минут, получив от Андрея краткий инструктаж, «слесарь» отбыл. Алена, придав лицу выражение детской наивности, спросила:

— Андрей, а вот если «слесарь» — это сержант, тогда «программист» — это кто?

— Это я, — с такой же детской непосредственностью ответил Андрей и глазом не моргнул. — Уехавший сержант разбирается в слесарном деле, а я — в информатике, он — по замкам, я — по компьютерам.

— Андрей, пожалуйста, не играйте словами!

— Простите, но пас я от вас получил!

— С меня какой спрос, а вы человек верующий! Как вам не стыдно меня дурачить!

— Алена, я вас не дурачу. Я действительно разбираюсь в компьютерах и, замечу без ложной скромности, могу дать квалифицированную консультацию любому хакеру.

— Квалифицированную консультацию по уголовному праву?

— И по уголовному праву тоже.

«Ермилова, — воззвала к себе Алена, — что ты делаешь?! Не бро-

сайся сломя голову в атаку — тебе не протаранить его защиту. Переводи мяч на свою половину поля и играй от обороны».

— Андрей, извините, я веду себя самым nepозволительным образом. Пожалуйста, забудьте мои бестактные вопросы. Я искренне благодарна вам за помощь — и в «Глобусе», и потом. Если бы не вы, ночевать мне под дверь. Позвольте я вас хотя бы чаем угощу.

— Спасибо, не откажусь.

Не успела Алена и шагу сделать в сторону кухни, как зазвонил телефон. Она вздрогнула и глянула на Андрея: «Это он. Что делать?» Андрея и Светика звонок тоже застал врасплох — они уже настроились на чай и на спокойное завершение этого вечера.

— Есть параллельный аппарат? — Андрей быстро обрел форму.

— На кухне.

Он бросился на кухню, на ходу инструктируя Алену:

— Подождите, снимем трубки одновременно, на счет «три». —

Он был уже в кухне: — Один, два, три.

Алена, уже готовая к продолжению кошмара, схватила трубку:

— Слушаю.

— Ален, это ты? — в ухо влетел взволнованный голос Сани. —

Где ты была? Что случилось? Я весь вечер звоню, а ты не подходишь к телефону..

— Саня, я же тебе сказала, что задержусь.

Алена видела, как Андрей вышел из кухни и, демонстрируя свое нежелание мешать ее разговору, медленно, разглядывая корешки книг на стеллажах, двинулся в дальний от телефона угол, где на стене висела копия с «Поцелуя» Густава Климта. Светик подошла к Алене и, приложив палец к губам, покачала головой, дескать, не рассказывай ему ничего и не приглашай. Алена и не собиралась что-либо говорить Сане, и уж тем более приглашать его. Потом Светик ткнула себя в грудь и кивнула в сторону кухни, что должно было означать: «Я пойду на кухню и займусь чаем». Алена кивнула, проклиная в душе и Санину заботу, и свою горемычную долю. Санин звонок был некстати, но еще более неуместным — в контексте сегодняшнего вечера — выглядело его беспокойство. Он что, возомнил себя ее опекуном? Спросить об этом Саню она не решалась — зачем обижать человека, уберегшего ее дом от вражеского вторжения? (Если только

сам все не устроил!) Но человек явно переходил всякие границы. Его звонок Алена квалифицировала как бесцеремонное вторжение в ее личную жизнь, поскольку Саня не только продолжал проявлять излишнюю обеспокоенность, но и открытым текстом требовал от Алены отчет за сегодняшний вечер. Алена стойчески выдерживала потоки Саниной дружбы, лившиеся из телефонной трубки, пока эти потоки не переросли в водопад: «Я сейчас буду у тебя, хочу убедиться, что с тобой все в порядке!»

— Со мной все в порядке! Будь это не так, я бы сейчас с тобой не разговаривала. Саня, спасибо, но нет причин для беспокойства. Мы сегодня уже виделись — утром, а у меня, Санек, нет желания, «чтобы день начинался и кончался тобой!» Ты женатый человек, вспомни о жене, возможно, ей ты сейчас нужен больше, чем мне. За замок я тебе очень признательна. Не нарадуюсь им! А теперь — спокойной ночи, я устала и хочу спать.

Алена поняла, что брякнула глупость — уже не первую за вечер. Ну кто, зная ее, поверит, что ей хочется спать об этой поре?! И Саня не поверил:

— Ты хочешь спать?! Ты здорова?

— Саня, извини, я устала и кладу трубку. Спокойной ночи, — и Алена положила трубку. Она не стала сообщать Сане о попытке взлома — просто не хотелось.

Светик копошилась на кухне, а Андрей все так же стоял перед Климтом и усердно изучал этот образец живописи эпохи модерна. Алена подошла и остановилась в нескольких шагах от Андрея, у него за спиной. Они стояли и рассматривали картину, на которой художник изобразил застывших в объятиях влюбленных — себя и свою возлюбленную, Эмилию Флоге. И Климт, и Эмилия давно умерли, но на этой картине они уже около ста лет продолжали обнимать друг друга, и казалось, уже ничто не разомкнет этих объятий. Живопись — не музыка, она не имеет протяженности во времени. Картина — это всего лишь крошечный кадр из огромной киноленты, но не кинолента. И, тем не менее, глядя сейчас на «Поцелуй», Алена подумала, что эта картина не выглядит застывшим эпизодом прошлого. Перенесенные на полотно, двое влюбленных не выпали из потока жизни, а, слившись в едином порыве, преодолели время и продолжают любить в своем немного грустном и пронзительно лирическом

мире, созданном австрийским художником Густавом Климтом в самом начале двадцатого столетия. А еще Алена подумала, что эта картина звучит, как музыка, как поэзия, и ее можно услышать... Надо только прислушаться. И почему она никогда раньше к ней не приглядывалась и не прислушивалась? Она не знала, о чем думал Андрей, она о нем почти забыла, но он, не оборачиваясь и по-прежнему глядя на картину, неожиданно заговорил:

Пугливая птица фламинго,
ты от стаи отбилась и машешь
розоватыми крыльями длинно —
рукавами нарядной рубашки!
И летишь ты от края до края
по маршрутам, в которые веришь.
Может, выбьют не сердце, а перья
из тебя по пути, дорогая,
фламинго...

Алена от неожиданности обомлела: она не могла понять, кому «брат» адресует эти стихи — ей или картине. Андрей же смотрел на прильнувших друг к другу влюбленных и говорил об одной, одинокой птице фламинго, которой на картине не было:

Как тобой любовались фламандцы,
целясь в тело изящное кистью,
и застыли прекрасные танцы,
как в полете осенние листья.
Бесконечную «Красную книгу»,
как поэму Вселенной листая,
вижу строфами стройные стаи —
перелетной свободы вериги,
фламинго...

Ах, какая печальная доля —
быть добычей людей и стихии!
Воспою тебя с радостной болью —
эти вздохи и клики глухие.

Но какая прекрасная доля —
миллионы смертей пролетая,
выпасть вдруг из расстроенной стаи¹²...

Андрей умолк. По его интонации и по тому, что не прозвучал рефрен «фламинго», Алена сообразила, что он не закончил последнюю строфу, оборвал себя на полуслове. Ей были знакомы эти стихи, но сейчас она никак не могла вспомнить, что там такое в конце, что Андрей не стал это произносить. «Ничего, гости уйдут, и я посмотрю, что там дальше, если забуду, — успокоила себя Алена. — Похоже, однако, он обращался не к картине, а ко мне. Чего он добивается? Чтобы я расчувствовалась, а потом... А потом появится Светик со своим неизменным “покайся”, и они возьмут меня “тепленькую”, неспособную оказать сопротивление. Нет, не похоже. Ладно, не будем голову ломать, ответим на стихи стихами. Этот “брат” еще не знает, что я живу поэзией: могу думать стихами — своими и чужими, без разницы, могу говорить стихами, могу стихами молчать. Стихи — моя стихия. Я не ищу их, они сами меня находят. И сейчас он это узнает». Алена подошла к картине, сняла ее со стены и повернула обратной стороной. К серому холсту был приклеен небольшой исписанный клочок бумаги. Алена, прислонив картину к стене, стала читать, без всяких предисловий, так, как сделал Андрей:

Застыли двое на картине —
Она и он.
По тонких линий паутине
Блуждает сон.
Играют ритмов переливы
В полутонах.
Застыли двое на картине —
Он и она.
Струятся золотом одежды,
Текут в туман.

---

¹² Александр Дольский «Фламинго».

Цветет из пропасти надежда...
Или обман?
В его объятиях проснулась
Ее мечта.
К ней в поцелуе прикоснулись
Его уста.
Слились пути их воедино
Среди дорог.
Мазки наносит на картину
Художник Бог.

Алена получила картину в подарок вместе с этими стихами — возможно, они были написаны тогда же, когда была сделана эта копия, а возможно, и нет. Но стихи посвящены картине, это очевидно. Фамилии автора под ними не было, как не было нигде и фамилии художника, написавшего эту копию с картины Климта. Хорошую копию. Алена подняла картину, чтобы водрузить ее на место, но Андрей, как настоящий мужчина, не позволил ей надрывать — взял произведение искусства из ее рук и повесил сам.

У Алены возникло неожиданное сравнение: «Дядя вешает картину», по ассоциации с серией Битструпа, хотя к данному случаю Битструп не подходил — Андрей обошелся без помощи ассистентов, справился сам и вполне успешно. Картина снова висела на стене, и Андрей снова стоял перед ней и рассматривал: то ли оценивал свою работу, то ли копииста, то ли Климта — Алена терялась в догадках, Андрей же хранил сосредоточенное молчание. Стоял перед картиной, смотрел изучающе и молчал. Опять возникла пауза и грозила затянуться, и Алена опять забеспокоилась: «Хоть бы стихи похвалил, что ли! Или, наоборот, раскритиковал — мне все равно. Почему он молчит и почему я снова должна думать, о чем с ним говорить?! В конце концов, это уже превращается в обычай, в скверный обычай. Надо срочно что-нибудь сказать. Что-то очень умное и интеллигентное. Но что?»

Не имея времени придумать что-нибудь «очень умное и интеллигентное», Алена сказала первое, что пришло в голову, а пришла, как водится, банальность — именно то, чего говорить не следовало:

— Вам нравится Климт? — выпалила она и тут же подумала: «Такое спросить может только безмозглая кокетка, и только если хочет услышать в ответ: “Нет, мне нравитесь вы”». Ох, Ермилова, стыдоба-то какая! Слушай, сейчас же ступай в парк, отыщи там какого-нибудь бандита, и пусть он тебя прибьет — мертвые сраму не имут».

Но Андрей то ли не заметил затасканности Алениного вопроса, то ли проявил снисходительность к женщине, уже изрядно отметеленной жизнью за этот вечер.

— Нравится. Меня поражает его чувство линии — линии и ритма. Может быть, это потому, что до большего я не дотягиваю, — Андрей говорил неуверенно, с какой-то трогательной робостью, словно тоже боялся сказать глупость. — Когда я смотрю на этих двоих, я вижу, что они — одно целое, но в то же время подсознательно чувствую, что не все так просто. Яркое, декоративное полотно вызывает чувство грусти, и чем больше я смотрю на него, тем отчетливее и пронзительнее это чувство. И возникает желание понять, откуда оно, что его порождает. Не колорит — колорит создает напряженность, экспрессию, но не грусть, а в картине грусть доходит до трагизма. Это стихотворение подсказало, в чем дело. В движении линий. Как только мои глаза уловили это движение и проследили его, я понял...

Андрей умолк, не закончив фразы — уже во второй раз, — словно еще не сформулировал для себя, что именно он понял. И снова возникла пауза. Алена не знала, как себя вести: молчать, давая возможность собеседнику закончить мысль, или, наоборот, вставить реплику и избавить его от необходимости это делать. Она выбрала последнее.

— Можно, я попытаюсь угадать, что вы поняли? — спросила она, движимая желанием достать его, вывести из равновесия — чтобы впредь неповадно было зазнаваться, создавать паузы и читать ей стихи про фламинго.

— Попробуйте.

«Не надо, — возопил в Алене голос разума, — не делай этого, не пытайся! Довольно одной глупости, которую ты уже смогла, две к ряду — это диагноз. Остановись, он не так поймет и подумает, что ты его оболыщаешь». Но Алена, закусив удила, проигнорировала предостережение и «попробовала»:

Я влюблен в тебя так, как в ночной небосвод...
Мой рассудок тебя никогда не поймет,
О печали сосуд! О загадка немая!
Я люблю тем сильнее, что, как дым ускользя
И дразня меня страшной своей немотой,
Разверзаешь ты пропасть меж небом и мной...¹³

Из кухни выглянула Светик — как нельзя кстати, потому что Алена с ужасом осознала, в каком нелепом положении окажется, когда дочитает стихотворение.

— Чай давно готов, — объявила Светик. — Хозяйка, приглашай к столу, а то гости без приглашения сядут!

— Милости прошу, гости дорогие, — Алена с облегчением вздохнула и сходу перестроилась на предложенный Светиком шуточный тон.

Подошли к столу. Алена, с чувством глубокого удовлетворения, опустилась на табурет — в туфлях на высоких каблуках сидеть удобнее, чем стоять, но Андрей и Светик не сели. Алена поймала вопросительный взгляд Светика, обращенный к Андрею, и услышала:

— Мы со Светой помолимся.

Оставаясь на ногах, они начали молиться. Молился, собственно, Андрей, а Светик, сжав руки перед собой, склонила голову в полном согласии с тем, что он говорил. В конце молитвы Андрей поблагодарил Бога и произнес заключительное «аминь».

— Аминь, — эхом отозвалась Светик.

— Аминь, — присоединилась к ним Алена. Она еще в самом начале молитвы встала, поскольку воспитание не позволяло сидеть, когда люди в ее присутствии обращаются к Богу. Пусть она в Него не верила, но в данном случае это не имело значения — важно было, что они верили, а они — ее гости. Сидеть было бы невежливо и по отношению к ним, и по отношению к Богу, которому они молились. Слова молитвы не вызвали у нее протеста — Андрей просил благословения и защиты для нее, а против этого она не возражала. Правда, один щепетиль-

---

¹³ Шарль Бодлер «Я влюблен в тебя так...»

ный момент все же возник — когда Андрей попросил, чтобы Бог осветил ее светом истины и указал путь. Алена заподозрила, что здесь подразумевался путь к Богу, а не вообще верный путь как правильное следование по жизни. Но не перебивать же Андрея для уточнения данного обстоятельства! И потом, если они будут только молиться о ней, она им препон чинить не станет — главное, чтобы на нее не давили, как это обычно делает Светик. Поэтому Алена с чистой совестью произнесла «аминь», как свидетельство своего полного согласия с прозвучавшей молитвой.

Все сели, и тут Алену посетила запоздавшая мысль: а могла ли она молиться с ними, имела ли на это право? Может, она оскорбила этим их чувства? От этой мысли ей стало дурно: «Ну что за день сегодня?! Что ни скажу, что ни сделаю — все не в лад и невпопад!»

— Алена, это ничего, что мы в чужой монастырь со своим уставом пришли? — сам того не ведая, пришел на выручку Андрей. — Вы уж нас извините, но мы всегда так делаем.

Что они всегда так делают — приходят в чужой монастырь со своим уставом или молятся за столом, — Алена выяснять не стала.

— Спасибо за молитву. В этом доме она звучала впервые, — решив быть вежливой и гостеприимной хозяйкой, Алена «держала марку».

— Вслух — впервые, а мысленно я в твоём доме столько молитв прочтала! — со смехом воскликнула расхрабившаяся Светик, взбодренная то ли присутствием Андрея, то ли Алениным «аминь». — Знала бы ты — на порог меня не пустила!

— Так уж и не пустила бы! Тебя через порог не пропустишь — ты в окно влезешь! Ходи уж через дверь, как принято у людей.

Сразу после слов «как принято у людей» прозвучал телефонный звонок. Все трое разом вскочили из-за стола. Алена с Андреем действовали в прежнем порядке: Алена бросилась к телефону в комнате, Андрей занял выжидательную позицию у кухонного аппарата и начал отсчет:

— По команде: один, два, три!

На этот раз действовали еще слаженнее — сказывалась тренировка.

— Слушаю, — снова произнесла Алена и снова услышала голос Сани: «Ален, это ты?»

Дальше диалог развивался так:

— Нет, не я.

— А я думал, ты.

— Ошибся.

— Алена!

— Что?

— У тебя действительно все в порядке? Я беспокоюсь...

— Ну если иначе заснуть не можешь — беспокойся. Я не против — лишь бы тебе хорошо было.

— Алена, я приеду, у меня на душе неспокойно.

— Завтра приезжай.

— Я до завтра изведусь. Алена, ты что-то скрываешь, я это чувствую.

У Алены, от возмущения, в зобу дыханье сперло:

— Саня, я имею право скрывать от тебя обстоятельства своей личной жизни — ты мне не муж, никогда им не был и не будешь. Будь добр, не забывай об этом и соблюдай дистанцию. А за замок я тебе по-прежнему признательна. Спокойной ночи.

Алена швырнула трубку и, не стесняясь Андрея, в сердцах выпалила Светику:

— Это опять был Саня!

— Тот самый Саня, который уже звонил один раз? — проявил неожиданный интерес Андрей.

— Тот самый, — ответила Светик. — Это его второй звонок и, думаю, не последний. Алена, он еще будет звонить, чует мое сердце.

— Мое тоже, — обреченно вздохнула Алена.

— И мое, — неожиданно поддержал Андрей. Две пары удивленных глаз, взметнувшихся на него, были реакцией на его заявление, и эти глаза требовали разъяснений.

— Ничего определенного сказать не могу, но мне кажется, он еще позвонит. И скоро.

— Подождем? — предложила Светик.

— Подождите, — попросила Алена.

— Подождем, — согласился Андрей.

Долго ждать не пришлось: очередной звонок раздался через семь минут сорок три секунды — Светик засекала время. Алена потянулась к трубке, но задержала руку и обернулась к Андрею:

— А вдруг это грабитель?

— Я на кухню, на счет «три». — Для взаимопонимания слов требовалось все меньше.

Из кухни послышалось «три», и Алена сняла трубку.

«Алена, это снова я. Прости, знаю, что надоел, поэтому и звоню — хочу попросить прощения. Не сердись на меня. Не знаю, что ты подумала, но я все тот же Саня, который любит тебя как друга и уважает как личность. Я больше не буду тебе надоедать, сегодня». В таком духе Саня разглагольствовал еще минут пять, после чего задал «коронный» вопрос: «Так с тобой все в порядке? Правда?» На что Алена ответила, горестно при этом вздохнув: «Нет, Саня, нет. Со мной не все в порядке: я лежу, убитая, на темной парковой аллее, можешь пойти и удостовериться. Только поторопись, а то ночи сейчас холодные, и долго я там лежать не намерена — еще с полчаса, и пойду домой, греться». После чего положила трубку.

— Может, отказаться от телефона? Все равно по нему никто кроме Сани и грабителя не звонит, — как бы размышляя вслух, спросила Алена.

И, словно испугавшись угрозы, телефон снова зазвонил.

— Если это опять Саня — в парковой аллее будет лежать труп, но не мой! — Алена себя не помнила от негодования. — Как я жалею, что позволила ему поставить этот замок!

На этот раз звонил не Саня, а мама. Говорили недолго. Чтобы не томить Светика с Андреем, Алена только слушала, ничему не перечила, со всем соглашалась, в нужных местах просила прощения и обещала, что «я больше так не буду», — одним словом, лишила маму всякого удовольствия от общения с дочерью, и мама, пожелав спокойной ночи, положила трубку. Алена, на своем конце провода, сделала то же, после чего погладила телефон рукой и похвалила его:

— Умница, можешь быть хорошим, если захочешь! Ладно, не отключу тебя. Скажи «спасибо» моей маме.

— А давайте еще чайку, по малю-ю-юсенькой чашечке, — для разговора, — предложила Светик. Предложение нашло едино-

душный отклик в утомленных Саниными звонками душах, и все снова подались на кухню.

— Какой прекрасной могла быть жизнь, если бы у Сани не было телефона! — размечталась Алена.

— А как же грабитель? Он уже не портит тебе жизнь? — поинтересовалась Светик.

— По части доставания грабителю до Сани далеко. Как это верно подмечено, что все познается в сравнении! А грабителя с Саней и сравнивать нельзя: у него телефонный разговор укладывается в два слова — «ты труп». Иное дело наш Саня!

На слове «Саня» опять зазвонил телефон.

— Пусть это будет грабитель, пусть шайка разбойников, но только не он! — взмолилась Алена, но, увы, молиться об этом нужно было раньше, а сейчас телефон уже звонил, и это снова был Саня. Алена сняла трубку, нажала кнопку ретрансляции, и Санин голос заполнил собой ее просторную кухню:

— Алена, это снова я!

— Вот удивил!

— Алена, я забыл спросить, почему твой мобильный не отвечает. Я звонил тебе на него весь вечер, но ответа не было.

— Возможно, аккумулятор сел.

— Алена, не клади трубку! Я беспокоюсь, что...

— Не беспокойся!

— Алена...

— Позвонишь еще раз — я позвоню в милицию. Обещаю.

Алена положила трубку едва не плача.

— И кто придумал, что неприлично сдавать друзей в милицию?! А как было бы славно, если б Саню посадили под замок хотя бы до утра! И разрешили только один телефонный звонок. Как думаете, куда бы он позвонил — сюда или своему адвокату?

Все улыбнулись, но без особого энтузиазма.

— Слушайте, давайте еще раз, в свете новых событий, определимся, что делать, и набросаем план на завтра, — предложила Светик.

— Все остается в силе. Алена, вы завтра идете в милицию. Это главное. Далее, мы все осмысливаем ситуацию и выявляем все странное, необычное и нетипичное — все, что не укладывается в наше представление об обычном, «стандартном» ограбле-

нии. Встречаемся вечером и сопоставляем результаты. К тому времени я уже буду знать, что с замками. Хотя это нам пока мало что дает. Алена, вам лучше не оставаться здесь на ночь — дверь теперь запирается только на один замок...

Андрей не договорил, но Алена и Светик поняли его мысль одинаково: те, кто пытался проникнуть в Аленину квартиру днем или вечером, могут повторить свою попытку ночью. «И не обязательно через дверь — есть еще окна и балкон, через которые тоже можно попасть в квартиру. Этаж значения не имеет», — Алена развила мысль Андрея.

— Хочешь, я останусь у тебя на ночь, — предложила Светик. — Знаешь, а ведь если так пойдет и дальше, свою квартиру я смогу сдавать в аренду!

— Вырученные деньги — пополам, — не растерялась Алена.

Андрей дал Алене номер своего мобильного телефона и откланялся, посоветовав «зимовщикам» подпереть дверь стулом, — если стул не удержит грабителя, то хоть шуму наделает.

— Это сугубо психологическая мера, чтобы вам было спокойнее, — пояснил уже в дверях.

Они подошли к окну, и Андрей помахал им с улицы рукой.

— Не знаю, заметила ли ты, но уже второй вечер кряду мужчины читают тебе стихи, и разные, — поделилась своими наблюдениями Светик.

— Не поняла, что «разные» — стихи или мужчины?

— И то, и другое.

9

Аленина жизнь всегда была богата событиями — особенностями профессии. Но этот день по обилию впечатлений не имел аналогов, потому как впечатления касались не службы, а лично Алены. Такой накал страстей она пережила на первом курсе университета, когда целых два семестра страдала от безумной, но безответной любви. Предметом чувств был не кто иной, как Саня, который не только не отвечал Алене взаимностью, но в упор ее не замечал. Алена честно и с полной отдачей отстрадала два семестра. Потом, в один прекрасный день, проснулась и поняла, что больше не страдает. Любовная лихорадка прошла,

и после нее у Алены выработался стойкий иммунитет к данному «заболеванию»: она больше не влюблялась — никогда и ни в кого. Просто не влюблялась — и все тут. В мужчинах она видела лишь соседей по общей планете и относилась к ним соответственно.

После Алениного «выздоровления» неожиданно выяснилось, что ее «хворь» относится к разряду инфекционных заболеваний — «заболел» Саня. Пока Алена его любила, он ее игнорировал, но стоило ей его разлюбить, как он тут же в нее влюбился и принялся страдать точно так же, как прежде страдала она. Но, увы, у Алены к тому времени уже был «иммунитет», и она ничем не могла ему помочь. За время учебы Саня успел сделать ей два предложения, получить два категорических отказа и пережить это. Когда он женился (не на Алене, естественно), Алена облегченно вздохнула: Саня, наконец, понял, что не стоит надоедать ей предложениями руки и сердца, поскольку ни то, ни другое ей не надо. Саня познакомил Алenu со своей женой, Катей, в надежде, что в дальнейшем они будут «дружить домами», но дружбы у Алены с Катей не получилось — как с Саней не получилось любви. Зато с Саней дружба получилась, спокойная и прочная.

Страдания привили Алене любовь к поэзии, и она как-то незаметно перешла от чтения чужих стихов к написанию собственных. Первая проба пера пришлась на период высшего накала Алениных чувств к Сане. Тогда Алена выдала свой первый «шедевр», отличавшийся, как все великое, предельным лаконизмом:

Я жить без тебя не могу, как Джульетта.

Шедевр состоял из одной строки — дальше мысль не пошла, поскольку данная фраза не только максимально полно выражала и описывала Аленино душевное состояние, но также содержала в себе его причину (любовь к Сане) и следствие — Аленину трагическую и преждевременную смерть, которая должна была наступить по причине и в результате неразделенной любви. К «стиху» ничего нельзя было добавить, и ничего нельзя было отнять — Алена пыталась, но у нее не получилось. Начи-

ная с этого, своего первого «произведения», Алена взяла за правило описывать события своей жизни, а также изменчивые переживания своей тонко чувствующей души исключительно посредством рифмующихся строк. А поскольку она обладала не только способностью глубоко чувствовать, но и рационально мыслить (к сожалению, далеко не всегда), эту особенность своей натуры она также не обошла вниманием и отразила в своем творчестве:

Я часто говорю с собой —
Знакомый собеседник и привычный,
А главное, всегда со мной,
Как необычное — в обычном.

С собой не надо тему выбирать,
Мучительно оттачивая фразу,
Не надо суть игрою слов скрывать
И ложь отбросить можно сразу.

На этом Алена остановилась и не стала развивать тему из опасения, что люди (если ее поэтическое наследие будет опубликовано — через много лет, посмертно) могут неправильно ее понять и подумать, что она слышала голоса, как Жанна Д'Арк, или страдала раздвоением личности.

10

— Алэн, ты спишь? — Светику не спалось.

— Нет, не сплю, — Алене не спалось тоже.

— Я вот тут лежу и думаю...

— И я занимаюсь тем же.

— ...о Сане. Странно он себя ведет: вчера не придавал никакого значения нападению, а сегодня места себе не находит от страха за тебя. Тебе не кажется, что это, по меньшей мере, непоследовательно.

— Кажется, Светик. Я тоже об этом думала, еще утром, когда Саня, после твоего ухода, примчался замок ставить.

— А может, в нем проснулись прежние чувства?

— С чего бы это?!

— Я помню, как он пытался тебе покровительствовать, но ты ему этого никогда не позволяла и на корню пресекала любые поползновения. А позавчера ты ему позвонила и попросила о помощи. Вот он и решил, что настал его звездный час, и взялся за старое. Как думаешь, возможно такое?

— Теоретически возможно, но практически... Сколько времени прошло!

Любви, что хочет родиться,
быть может, недолго ждать.
Но может ли возвратиться
все то, что ушло, — и когда?
Вчера нам даже не снится.
Вчера — это никогда!¹⁴

— Нет, Светик, нет. Юношеские увлечения в прошлом. У него семья — жена, ребенок. И, по-моему, брак у них с Катей счастливый.

— Это тебе так кажется. А вот что думает о своем браке Саня, да и Катя...

— Ты, Светик, как себе знаешь, но я у них об этом спрашивать не буду!

— Я, пожалуй, тоже, но по другой причине: я знаю, что брак у них далеко не счастливый. Не буду судить, кто прав, кто виноват, но для Сани жена — не единственный свет в окошке. У него есть другая, но кто она — не знаю, и, каюсь, возникла у меня мысль, что этой «другой» можешь оказаться ты. Хотя я теперь знаю, что это не ты, вопрос о Саниных чувствах к тебе остается, а вместе с ним и необходимость искать на него ответ. И этот ответ может оказаться не очень...

— Но если Саня изменяет Кате с другой женщиной — в таком случае, это и есть ответ на твой вопрос! Он не может «питать чувства» ко мне, поскольку его чувства направлены на другой «объект». Он же, в конце концов, не Дон-Жуан!

— Кто знает?! Последние два дня — я это вижу собственными глазами — он ведет себя не так, как обычно.

---

¹⁴ Антонио Мачадо «Советы». Перевод О. Савича.

— Да, пожалуй. Он стал таким же навязчивым, каким был на втором курсе, когда пылал ко мне любовью. И, как тогда, он не знает, что сделать, чтобы только обратить на себя мое внимание. Вот, пожалуйста, замок поставил! Все повторяется — но теперь выглядит смешно. В общем, любовь ударила Сане в голову или что другое — не знаю, но, рано или поздно, узнаем!

— Лучше рано.

— Конечно, лучше, кто бы спорил!

— Ты отвечаешь так, будто одновременно думаешь о чем-то другом. О чем?

— О чем? Вот о чем:

Подозрение, подозрение —
Зашипела змея, ползет.
Подозрение — не прозрение,
А, скорее, наоборот.

Подозрение подлым зрением
Искажает и нагло лжет.
И змеиное настроение
Жалит душу и сердце жжет.

Подозрение — наваждение,
Семя пало и дало всход.
Подозрение — преступление,
Семя выросло в горький плод.

Стихи повернули ход Алениных мыслей в другую сторону — к Светику. Как бы она, Алена, ни досадовала на Светика за ее «религиозную пропаганду», Светик была и остается единственным человеком в ее окружении, к которому слово «подозрение» неприменимо. Она единственный надежный человек, на которого всегда и во всем можно положиться и с которым Алена может быть самой собой — говорить, что вздумается и как вздумается, не подбирать слова и не бояться чем-либо задеть или обидеть. Они со Светиком никогда друг на друга не обижались — не может одна сторона медали обидеться на другую. Они были очень разными — как абрис и реверс, — но они были

одной медалью, и всегда это чувствовали, знали и видели, потому что,

Как в зеркало, в дружбу
Глядят наши души...¹⁵

И если Светик «нависает», то лишь потому, что абсолютно и безоговорочно убеждена в истинности того, во что верит, и не понимает, почему она, Алена, не видит этого. И хочет ей доказать, убедить, объяснить... И не может... И старается еще больше, и досадует на себя и на Алenu, потому что не понимает, что мешает ей объяснить, а Алене понять, совершенно очевидные вещи. «Светик бьется, как бабочка о стекло: видит голубое небо, а вылететь в это небо не может — мешает преграда, которой она не видит, — подумала Алена. — А преграда — мой рационализм, даже скептицизм, на который Светик никогда раньше не обращала внимания и даже не замечала его. Она и сейчас этого не замечает — принимает меня такой, какая я есть, не “анатомирует” меня, не анализирует, не раскладывает на составляющие (в отличие от меня!) и бьется со мной, и машет крылышками... Бедная моя Светик, ты не разобьешь стекло! Но ты этого не знаешь и стараешься. Мне жаль твоих стараний, родная моя, мне так тебя жаль!»

Растроганной этими мыслями Алене захотелось сделать что-нибудь приятное Светику, а заодно и себе. И она спросила:

— Светик, помнишь, в машине звучала песня...

— Да, помню.

— Но мы вышли, не дослушав до конца. Песня оборвалась на полуфразе, которая, если не ошибаюсь, звучала так: «Я знаю, что найду Твои следы лишь там, где...» А как дальше? Где найти следы?

— Ален, я этой песни не знаю. Я ее тоже впервые сегодня услышала. Но можно спросить у Андрея. Он, я думаю, даст тебе кассету — послушаешь. Не хочешь сама, я спрошу.

— Хорошо, спроси, а то у меня эти слова в голове застряли, и я все думала, где Его следы. Даже сама пыталась определить — подбирала рифмующиеся слова!

— И подобрала?

---

¹⁵ Хуан Рамон Хименес «К Антонио Мачадо». Перевод С. Гончаренко.

— Да, но их оказалось слишком много!

— А может, так и должно быть — много! Он ведь не может быть в одном каком-то месте. Он везде, Он в каждом, кто поверил в Него и принял Его. Он умер, воскрес, вознесся на небо, но продолжает жить здесь, на земле, Духом Своим. И Дух Его — в каждом верующем в Него. Так что «мест» много!

— А ты можешь что-нибудь прочитать? Какое-нибудь ваше христианское стихотворение. Мне сейчас хочется чего-нибудь светлого и чистого, чтобы душу согреть, а то ей последнее время очень зябко! Мы уже второй вечер, как сговорились, читаем стихи, но все как-то с подтекстом — произносим одно, а подразумеваем другое. Я от этой эквилибристики словами смертельно устала. Устала от необходимости искать параллели и, что еще хуже, находить их.

— Ну, если душа чего-то чистого просит, тогда слушай. И никакого подтекста, никакой эквилибристики:

Последний путь, последняя дорога...
Кровавый пот с усталого чела.
Тропую от родимого порога
Дорога на Голгофу пролегла.

Холм впереди... Сгибает ноша плечи.
Все решено, осталось совершить...
Дойти бы только, сразу станет легче:
«Дай, Отче, силы до Креста дожить!»

Колени дрогнули, и ноги подкосились,
Упал бессильно, с пылью кровь смешал...
О если б только люди согласились
Взять даром то, за что Он так страдал!

Но надо встать — еще не все испито.
Идти с крестом — Ему ли привыкать?
Не сломлен Дух — пусть тело в кровь избито,
Но Он дойдет и даст Себя распять...¹⁶

---

¹⁶ Валентина Новомирова «Дорога».

— Но Он дойдет и даст Себя распять, — повторила Алена.

— Но Он дошел и дал Себя распять, — поправила Светик.

— Дал Себя распять — у меня это в голове не укладывается.

— У меня тоже, — сообщила Светик, едва ли не радуясь тому, что они с Аленой хоть в этом сходятся. — Но что из того? От нас ведь никто не требует, чтобы мы взвалили на свои плечи грехи всего мира и вместе с собой пригвоздили их к кресту. От нас ждут меньшего: «Возьми крест свой и следуй за Мной». А наш крест — это не Его Крест.

— Мне страшно подумать даже о том, чтобы взять самый малюсенький крестик! Я на это не способна.

— Алена, свой крест ты несешь от самого своего рождения! Не можешь его не нести. Послушай, ты делай ударение не на «возьми крест свой», а на «следуй за Мной» — и все сразу встанет на свои места. Главный смысл в том, куда ты с этим крестом идешь. Понимаешь? Куда ты его несешь. Кто прокладывает тебе путь. И куда ты придешь с ним. А не нести его ты не можешь, никто не может освободиться от своего креста. Наш крест — это часть нас самих. Так что думай не о кресте, а о том, за кем ты с этим крестом следуешь. Обидно будет принести его — и не туда, куда следовало. Хочешь еще одно стихотворение?

— Читай.

— В Откровении Иоанна есть такие слова, они принадлежат Иисусу: «Се, стою у двери и стучу». Он стучит к нам, в нашу душу, в наше сердце, а мы можем либо впустить, либо не впустить Его. Так и происходит — ты же знаешь. Итак, стихотворение, эпиграфом к которому служат слова Христа: «Се, стою у двери и стучу»:

Тихий, тающий звук, ненавязчивый стук,

Кто-то ждет у закрытых дверей.

Осторожно стучит, и, как эхо, звучит:

«Я устал, отвори поскорей.

Ты не медли, открой, Я жду встречи с тобой.

Достучаться к тебе нелегко.

Я прошу, не молчи — прошепчи, закричи!

Я устал, крест нести нелегко...

Алена вдруг почувствовала, как вместе с усталостью прожитого дня на нее накатываются волны теплого и ласкового тумана, и мысли ее тонут в этом тумане, уходят, уходят... Она слышит тихий, тающий звук, ненавязчивый стук — тук-тук, тук-тук — и пытается определить, откуда он. Прислушивается. Звук раздается у нее в груди, но она не может понять — это стучит ее сердце или кто-то, Кто стоит у закрытых дверей, стучит в ее сердце, и звук эхом отдается в груди: тук-тук, тук-тук... Алена хочет встать и отворить дверь... А туман такой чистый, он колыхнется волнами, мягко подхватывает Алену, и она плывет на легких волнах, спокойная, счастливая, невесомая...

— Пусть хранит тебя Господь, Алена, — доносится до нее откуда-то издали голос Светика.

«И тебя, Светик, — отвечает Алена, уплывая на млечных волнах, — и тебя, и тебя, и тебя...»

11

Кто-то стучал — тихо, осторожно, настойчиво. Алена прислушалась. Стук доносился из прихожей, стучали во входную дверь. Алена встала и тихонько направилась в прихожую. В квартире темно — видимо, уже очень поздно и фонари на улице не горят, поэтому так темно. Но тут Алена вспоминает, что ее новая квартира слишком высоко, чтобы в нее проникал свет уличных фонарей, это раньше она жила на втором этаже, и ночами в комнате было светло как днем. Значит, темно не потому, что за окнами глухая ночь, — просто свет с улицы не достигает окон. Алена пытается нащупать рукой дверной проем, потому что в прихожую надо пройти через комнату, в которой спит Светик. Но проема она не находит — рука везде встречает прохладную, гладкую поверхность стены. Алена помнит, что с вечера дверь между смежными комнатами была открыта, но сейчас ее нет. Алену охватывает паника. Она знает, что через какое-то время глаза привыкают к темноте и начинают различать очертания предметов. Но с ней этого не происходит — тьма остается непроходимой, и сколько Алена ни всматривается, она ничего в ней не видит. Она хочет позвать Светика, но Светик спит в соседней

комнате, надо кричать, а кричать нельзя, потому что за дверью кто-то есть и тихо стучит. Алена не понимает, почему стучат в дверь, Светик говорила, что Он стучит в сердце. Она снова водит рукой по стене и на этот раз нащупывает проход и входит в него. Там, где она оказалась, гораздо светлее, но свет какой-то странный, он не имеет источника, как будто светится сам воздух. Алена догадывается, что это туман, и он светится голубовато-зеленым, призрачным светом. Она сначала не понимает, как в комнату проник туман, но потом догадывается: наверное, они со Светиком не закрыли балконную дверь, и туман вошел в комнату через нее, потому что входная дверь заперта, они даже подперли ее стулом. Стул не опрокидывался, значит, через дверь никто войти не мог. Алена делает шаг и наступает на что-то. Она наклоняется — пол усеян какими-то осколками, что-то разбилось. Алена начинает поднимать осколки, один за другим, и видит, что разбился портрет красивого мужчины и засыпал осколками весь пол. Она принимается складывать эти осколки, чтобы собрать портрет и увидеть, кто этот мужчина. Она собирает, складывает, но портрет начинает растекаться и испаряться голубовато-зеленым туманом. Алена догадывается, что кто-то уже собирал его, поэтому в комнате и повис туман, который вовсе не туман, а испаряющийся портрет. Алена понимает, что у нее ничего не получится, портрет она не соберет. И тут она вспоминает, что в университете им говорили: рассыпавшийся на осколки портрет не надо собирать, надо дожидаться зимы — тогда портрет сам проступит изморозью на стекле. Алена оставляет осколки и идет дальше, но комната оказывается очень длинной. По мере того как она продвигается вглубь, туман становится все светлее, и уже не фосфоресцирует голубовато-зеленым светом, а светится ровным серебристым сиянием. И Алена догадывается, что это уже настоящий туман, который вечером впустила в дом Светик. Туман сияет все ярче, и она видит картины на стенах. Она узнает одну из них — «Поцелуй» Густава Климта. И тут она слышит голос за спиной: кто-то, кто лежит на полу, говорит ей, очень выразительно, то ли жалуясь, то ли объясняя:

Я боюсь поцелуя:

Он — пчелиный укус.

Днем и ночью влачу я
Страха тягостный груз.
Я боюсь поцелуя!

На последних словах голос едва ли не хнычет. Алене неприятен этот голос, он ей кого-то напоминает. Ах, да, это голос Сани, и он звонит по телефону. Но ведь телефона здесь нет! Ну почему он не оставит ее в покое?! Алена надеется, что голос все сказал, и она сможет подойти к картине Климта и рассмотреть ее. Это очень важно! Но голос продолжает рассказывать, все в той же противной манере, будто упрекая ее, Алену:

Но глаза хрупкой Кэт —
Словно пара агатов,
И лица ее цвет обольстительно матов.
Ах, мне нравится Кэт!

Алене до этого нет дела, но голос не подпускает ее к картине, удерживает стихами, словно веревками:

Завтра день Валентина,
И предстать должен я
Перед нею с повинной...
Где ж решимость моя в страшный день Валентина?

Голос на мгновение умолкает. Алена пытается понять, перед кем голос собирается предстать с повинной, но не успевает додумать мысль — голос раздается снова, только теперь стихи звучат в другой тональности, с нотками доверительности:

Мы помолвлены с ней —
Это было бы счастье,
Если б в лучший из дней,
Тайной мучимый страстью,
Я не млеЛ перед НЕЙ!¹⁷

---

¹⁷ Поль Верлен «A poor young shepherd» («Бедный пастушок»).

Алена догадывается, что голос млеет не перед Кэт, а перед другой женщиной. Алена говорит себе, что она тут не при чем. Но тут же возражает себе: при чем, потому что Саня когда-то млеет перед ней, а этот голос — Санин.

Голос умолкает, Алена делает шаг к картине, но голос вновь звучит у нее за спиной, на этот раз он кричит:

Я боюсь «Поцелуя»!

Алена, наконец, догадывается, что голос все время говорил о картине, о «Поцелуе», а не о поцелуе. Она бежит к картине, а голос продолжает кричать у нее за спиной:

Я боюсь «Поцелуя»!

Алена не понимает, почему Санин голос так боится «Поцелуя», ведь это всего лишь копия картины, и ее подарил ей Саня. И вот Алена у картины. Она смотрит на нее и в ярком, сияющем свете тумана обнаруживает, что это не подаренная Саней копия, а оригинал. Так вот почему голос боялся! Он знал, что копия отличается от подлинника, потому что копию кто-то умышленно искажил. Алена начинает лихорадочно искать эти различия. Она знает, ей нужно спешить, потому что издалека льется тоска скрипки осенней, и в ней Алена слышит отзвук угрозы.

Поначалу ей кажется, что никаких различий нет — на полотно все та же влюбленная пара. Но она знает, что не все так просто, и начинает всматриваться в картину. Она хочет уловить ее ритм, а потом, найдя глазами линию, двигаться по ней взглядом. Она помнит: главное — найти линию и двигаться по ней, и тогда она что-то поймет. Что именно она поймет — Алена не знает, но узнает, если найдет линию и пройдет по ней до конца. Линию Алена находит — линия на картине всего одна — и начинает двигаться по ней. Линия очень извилистая, она все время норовит потеряться в сложном ритме орнамента на одеждах слившейся в одно целое пары, но Алена цепко удерживает ее взглядом. Алена догадывается, что эта линия — не просто линия, а линия жизни. Линия приводит ее к склоненной головке девушки. Алена ожидает увидеть хорошо знакомое ей, по висящей

у нее на стене копии, лицо Эмилии Флоге, но с удивлением замечает, что на подлиннике у девушки другое лицо. Это не Эмилия, это настоящая влюбленная, догадывается Алена, ведь Эмилия — на копии, а копия — это неправда, это обман. Правда только на подлинном полотне, на картине, написанной самим художником, а не на копии с нее. Алена вглядывается в лицо девушки, и оно кажется ей очень знакомым. Она знает, что видела его, но не может вспомнить где. Алена напрягает память и вспоминает: это лицо она видела в зеркале. На самом деле художник изобразил на своем полотне не Эмилию, а ее, Алену. Но кто-то специально сделал копию с картины и заменил на ней лицо. Сделано это с определенной целью, но с какой — Алена не знает. Она знает лишь, что цель нехорошая. Алена вспоминает, что картину подарил ей Саня, на день рождения, и понимает, что подлог совершил он. Алене горько, что она так ошибалась в нем, но тут она вспоминает, что это еще не конец, ничто не потеряно, если линия приведет ее к лицу мужчины, обнимающего ее. Она хочет снова двигаться по этой линии, но не решается — а вдруг этим мужчиной окажется Саня. Вдруг его лицо она увидит на подлиннике! А такое возможно, потому что на копии его лица не видно, значит, на подлиннике может быть лицо любого человека. Алену снова охватывает паника, она не знает, что делать! У нее нет ни одной зацепки! Но тут она слышит голос Светика. Светик говорит, что зацепка есть и с ней надо идти в милицию. Алена готова пойти в милицию, но сначала она хочет узнать, что это за зацепка. Тогда Светик говорит: «Известно, что мужчину Климт писал с себя, хотя и не изобразил своего лица. Он вообще не оставил ни одного автопортрета. Ты знаешь, что на копии — Климт, а копия должна отличаться от подлинника, потому что она подделка, — Светик говорит очень взвешенно и логично, словно доказывает теорему и очень хочет, чтобы Алена поняла ход ее рассуждений. — Так вот, исходя из этого, мужчина на оригинале тоже будет другой, не Климт, — ведь Густав Климт, как и Эмилия Флоге, давно умер, а на подлиннике никогда не бывает мертвых, там только живые, мертвые — на подделке». Алене очень хочется увидеть лицо мужчины, который не Климт, но она все еще не решается. Она опять слышит голос Светика, теперь он доносится издалека, заглушая тоску

скрипки и отзвук угрозы, и звучит по-другому: «Тебя хранит Бог, Алена, не бойся, Сани там не будет — ведь это подлинник, тут все настоящее, а Саня не настоящий, и брак у него тоже не настоящий — он не любит Кэт». И Алена решает продолжить. Линия подводит ее к лицу мужчины, но, увы, рассмотреть это лицо нельзя — оно наклонено вниз, к опустившейся на колени возлюбленной, и его нельзя увидеть. «Надо стать на колени, как девушка на картине, — догадывается Алена, — ведь девушка (то есть она, Алена) для того и опустилась на колени, чтобы увидеть его лицо». Алена тоже опускается на колени и пытается снизу заглянуть в лицо на полотне, но голос Светика требует, чтобы она встала: «Вставай, красавица...» Алена медлит, она хочет заглянуть в лицо своего любимого, потому что Искусство — вечность, Время — миг¹⁸, но Светик неумолима: «Вставай, красавица, проснись...»

— Вставай, красавица, проснись, раскрой сомкнуты негой взоры, — Света трясла Алenu за плечo, Алена что-то бормотала во сне и прилагала титанические усилия, чтобы не поддаться на уговоры Светика и не проснуться, но Света не отступала: — Алена, проснись, пора вставать. Ты велела разбудить тебя в восемь. Уже восемь часов — время!

— Я только загляну в его лицо, я должна его увидеть, потому что Искусство — вечность, Время — миг...

— Вставай! Слышишь?

Алена соображает плохо — мысли не слушаются, — однако понимает, что вставать с колен нельзя: если встанет, никогда не увидит лица мужчины и не узнает, кто вместе с ней изображен на картине. А ей необходимо это узнать, потому что она очень любит этого человека и должна знать, кто он.

— Светик, подожди, я не могу сейчас, — Алена изо всех сил пытается разъяснить Светику ситуацию и, в то же время, не утратить связь с линией на картине, потому что еще не увидела лица. Но как это тяжело! А Светик неумолима:

— Алена, ты слышишь? — Алена все слышала, и ей это очень мешало. Она с трудом, не отрываясь от картины, пробормотала,

---

¹⁸ Строка из стихотворения Шарля Бодлера «Неудача»: «Искусство — вечность, Время — миг».

стараясь быть максимально убедительной, чтобы Светик поняла и не «наезжала» на нее:

— Мне надо стать на колени...

— Так что же ты лежишь, если надо стать на колени?!

Слова Светика проникли в заторможенное Аленино сознание: «Так вот почему мне не удастся увидеть лицо! Я лежу, а надо не лежать, а встать на колени...» — Алене с блеском удавалось соединять сон и явь, и она не отличала одно от другого, досматривая сон и общаясь со Светиком.

— Я тебе помогу. Так, садись, хорошо, опустишься на колени, так, хорошо, молодец, не падай, — Светику удалось поставить Алёну на колени, и теперь она нуждалась в дальнейших инструкциях: — Алёна, ты на коленях. Что дальше?

«А что дальше? Я не знаю, что будет дальше. Мне надо заглянуть ему в лицо, а Светик мешает», — Алёна задачу помнила и не отступала от нее.

— Алёна, люди становятся на колени, чтобы молиться. Может, ты помолиться хочешь? — Светик не знала, что еще можно делать на коленях утром после сна. — Помолимся, чтобы Господь открыл тебе все, что ты хочешь увидеть?

— Помолимся, — обрадовалась в своем сне Алёна и удивилась, как такое очевидное решение сразу не пришло ей в голову, ведь известно: чтобы увидеть, надо помолиться!

— Хорошо, тогда повторяй за мной, — командовала Светик, не зная, что и думать — Господи, проясни то, что показал мне во сне, сделай образы сна понятными, открой мне волю Твою, дай мудрость понять ее и силы — исполнить.

Алёна, поглощенная своей проблемой, безропотно подчинялась Светику: добросовестно, слово в слово, повторила слова молитвы, при этом изо всех сил стараясь удержаться на коленях и не свалиться на пол. А поскольку разум продолжал спать сном младенца и не налагал табу на ее порывы, она вложила в молитву всю неистовую и не контролируемую силу своего желания, подкрепив ее непоколебимой уверенностью в получении просимого.

— Ну а теперь иди под холодный душ. Надо, Алёна, не сопротивляйся, я сильнее тебя, не пойдешь добровольно — силой затолкаю, но к постели не подпущу! Да что с тобой сегодня!

ня?! Под холодный душ — или оболью холодной водой прямо здесь!

Упоминание о холодной воде возымело действие — сон отступил, и Алена осознала окружавшую ее суровую действительность:

— Ты, случайно, не в инквизиции работаешь?

— Что за дикий вопрос?

— Закономерный вопрос — узнаю почерк.

Алена неотвратимо приходила в себя. Под душем, но не холодным — этого «инквизитор» не дожидается, — она окончательно и бесповоротно проснулась. Отстояв, сколько положено, под упругими теплыми струями, она, с тюрбаном на голове и в махровом халате, вошла на кухню. Светик уже приготовила завтрак и сварила кофе:

— С пробуждением тебя! Присаживайся, не стесняйся, чувствуй себя как дома!

Алена взглянула на Светика и произнесла очень выразительно:

— Ты тоже чувствуй себя как дома.

— Я одна или... вместе?

— Давай вместе. Это только в первый раз трудно решиться, а потом...

Они встали около стола, друг напротив друга, и Светик помолилась. Алена произнесла «аминь», как накануне вечером, когда молился Андрей, и опустилась на табурет:

— Алэн, ты ради меня молилась или самой захотелось?

— Ешь с закрытым ртом и не разговаривай. Эх, тебя бы моей бабушке, хотя бы на месяц, она бы сделала из тебя человека!

— А из тебя почему не сделала? Жуешь и болтаешь!

— Не сделала, потому что не получилось, но бабушка старалась. Да будет тебе, Светик, известно, что в каждой работе предусмотрен допустимый процент брака. Вот я и есть тот самый процент. А ты другое дело. Ты податливый материал, из тебя шедевр вылепить можно, ежели, конечно, руки умелые.

— Послушай, а что тебе такое снилось, что ты проснуться не могла?

— Ой, и не спрашивай, подруга. На моем сне Фрейд мог бы докторскую защитить! И еще для Юнга кое-что осталось бы.

— А со мной не поделишься? Может, и я кандидатскую накропаю? А то часть сна ты мне поведала, пока я тебя будила, но я начала не знаю, и потому не все поняла. Недостает материала для кандидатской-то!

— Поведаю, отчего ж не поведать! Слушай, только внимательно, а то не поймешь. Так вот, сплю я, значит, и вижу дивный сон, волнующий и странный,

...В котором я люблю и знаю, что любим,
Но облик женщины порой неуловим —
И тот же и не тот, он тает за туманом.

И сердце смутное и чуткое к обманам
Во сне становится прозрачным и простым —
Но для нее одной! — и стелется, как дым,
Прохлада слез ее над тягостным дурманом¹⁹.

— А теперь, Светик, замени «облик женщины» на «облик мужчины» — и будешь иметь полную картину. Я даже скажу какою: «Поцелуй» Густава Климта, копия с которого висит на стене в комнате. И в таком духе всю ночь напролет! Как тебе?

— А чей «облик» ты хотела увидеть?

— Того, кто на картине. И увидела, если б не ты!

— Я не виновата, ты мне вечером сказала, чтобы я разбудила тебя в восемь. Я в восемь и разбудила!

— Светик, ты уже не ребенок и должна понимать: если твоя подруга Алена Ермилова вечером просит тебя разбудить ее в восемь утра, это значит, что начинать будить надо не раньше десяти. Позже можно. Если бы ты читала «Общую теорию относительности» Эйнштейна, ты бы знала, что время — понятие относительное. Согласно Эйнштейну, Светик, «восемь», сказанное вечером, к утру превращается в «десять», если не в «одиннадцать». Между вечером и утром — целая ночь, вот время и набегаает. Это незыблемый закон мироздания, Светик, и его нельзя нарушать! Я всего один раз нарушила, встала раньше положенного, — и какие теперь имею неприятности! Смотри,

---

¹⁹ Поль Верлен «Мой давний сон».

Светик, впредь и сама так не делай, и другим скажи, чтоб остерегались.

— Так, значит, ты лицо на картине рассматривала? — сон интересовал Светика больше, чем теория относительности.

— Да, на картине.

Светик налила себе кофе, встала и с чашкой в руке направилась в комнату, к картине Климта. Алена последовала за ней. Она подошла к Светику, отпила глоток кофе, потом еще один и только после этого насмешливо заметила:

— Пытаешься лицо рассмотреть? Зря стараешься — так не видно, надо смотреть снизу. Видишь, какой ракурс? И потом, Светик, если бы ты выслушала меня до конца, ты бы узнала, что рассматривать надо не копию, тем более эту, а подлинник, оригинал. На «оригинале» из моего сна лица были другие: у женщины — мое, а у мужчины — не знаю, чье, ты не дала рассмотреть. Знаю, только, что не Климта. И это ты мне сказала.

— Я?!

— Да, ты. Может быть, ты располагаешь информацией и о том, кто меня обнимал и целовал?

— Случайно, не Саня? — смеясь, наугад сказала Светик.

— Нет, не Саня. Я сначала тоже боялась, что это может оказаться Саня. Но это не он. Точно не он. Он боится этой картины — его голос сказал.

— Когда? Во сне или...

— Во сне, конечно, наяву я голосов не слышу. Пока, во всяком случае! Да и Саня наяву картины не боится, сам же и подарил. Помнишь?

— Помню. А почему он ее боялся?

— Он боялся не подаренной им же копии, во сне он боялся подлинника, потому что на нем — правда. Санин голос боялся этой правды. И правда, которой он боялся, — это, как я думаю, тот человек, чье лицо я не успела рассмотреть. А может, и еще что-то. Жаль, что я не увидела лица. Теперь всю жизнь мучиться буду! — дурачилась Алена. — Ну что ты прикипела к ней взглядом? Я же сказала, рассматривать надо подлинник, и не тот, что хранится в галерее, а тот, который «хранится» в моем сне.

— А ты их сравнивала? — Светик откровенно подшучивала над Алениным сном.

— Конечно, с этого и начала. Сначала я никаких расхождений не видела — композиция на «оригинале» и на копии одна и та же, а вот лица у этой пары на оригинале другие, — Алена осеклась.

— Не смущайся, я ведь уже знаю — твое лицо и неизвестно чье, — подзадоривала Алену Светик.

Алена никак не отреагировала на ее реплику, что было ей совершенно не свойственно, и Светик обернулась, чтобы выяснить, в чем дело. Алена, бледная как полотно, стояла перед картиной и пожирала ее глазами. Казалось, она не видит никого и ничего, только эту картину. И то, что она на ней видит, приводит ее в ужас. Светик пришла в замешательство: встряхнуть Алену или не мешать ей? Решила пока не мешать — один раз уже помешала, разбудила. Хватит! Ничего страшного. Это всего лишь картина.

Алена была в шоке. И не могла из него выйти, точнее, она вся была в картине и выйти не могла из нее. Наконец, она заговорила. Голос звучал ровно и спокойно, слишком ровно и спокойно, чтобы Светик, знавшая Алену, как самое себя, не поверила ее спокойствию:

— В своем сне я двигалась по линии, которую нашла на картине. Это была не просто линия, а линия моей жизни. На самом деле ее нет, но во сне она была. Эта линия привела меня сначала к лицу женщины — моему лицу, — потом к лицу мужчины. Мужское лицо скрыто из-за наклона головы — так было и на моем «оригинале». Я пыталась его рассмотреть и не могла. Тогда я догадалась стать так, как стоит женщина на картине. Я опустилась на колени и попыталась заглянуть в лицо снизу. Я знала, что это важно — увидеть его лицо, потому что во сне мне было известно, что я люблю этого мужчину и должна знать, кто он. Звучит глупо, но во сне это глупым не казалось. И тут ты меня разбудила.

— Алена, сон — это всего лишь сон, это...

Алена ее не слышала:

— Я так сосредоточилась на лице, что совсем выпустила из виду, что линия, которая в моем сне была линией моей жизни и привела меня к лицу мужчины, на нем не заканчивалась. Она шла дальше. Во сне я не видела, куда она ведет, но четко помню,

что она продолжалась за лицом мужчины. Когда я сейчас взглянула на картину, я, естественно, этой линии не увидела. На картине много линий. Видишь? Но в моем сне все они складывались в одну и образовывали линию жизни. Понимаешь смысл? Все эти линии — во сне они сливались в единое целое. Они и сейчас одно целое, но не так, как во сне. Во сне для меня прояснилось то, что наяву не видно, потому что наяву этого на картине нет: мое лицо у женщины, стоящей на краю обрыва. И вот сейчас, наяву, я взяла и проследила самую яркую и четкую линию на этой картине — контур этих двух фигур. Линия огибает эту пару, спускается вниз, скользит по ногам женщины... Видишь, она, женщина (или я?), стоит на коленях, а мужчина склонился над ней и то ли обнимает ее, то ли не дает ей соскользнуть с обрыва. Они стоят на самом краешке цветущего луга — или Земли, — над обрывом, или над бездной, и ступни ее ног уже за кромкой луга — они свесились в бездну. Проследи за линией, идущей по контуру этой «скульптурной группы». Она огибает фигуры и по ногам женщины уходит в пропасть. А чтобы никто не усомнился в том, что она — линия — ведет в пропасть, художник повесил на ноги женщины вот эти длинные ветви и опустил их вертикально вниз — в бездну. То есть совершенно четко и определенно указал направление. Смотри, мы не видим, где эти ветви-нити заканчиваются — они уходят вниз, за кромку картины.

— Алена, картина — это всего лишь картина!

— Да, всего лишь картина, но в моем сне на этой картине была я и моя судьба.

— Алена, наши судьбы в руках Божьих...

— Не стану спорить, но, возможно, Бог счел нужным показать мне мою. Как тебе такое?

— Но ведь этот мужчина удерживает женщину на картине, не дает ей соскользнуть в пропасть!

— Картина — это одно застывшее мгновение. А что последует за ним? Выпустит он ее, то есть меня, или удержит? А может, подтолкнет? Знаешь, легким движением руки... Все зависит от того, кто этот мужчина. И к нему меня привела линия моей жизни. Прав был Андрей! Он вчера, когда смотрел на Климта, сказал, что грусть в этой картине доходит до трагизма. И он не

понимал почему, пока не проследил взглядом линию. Тогда он понял... А что понял, он не сказал. Может, то же, что и я?

— Алена, — в очередной раз воззвала Светик, — ты слишком большое значение придаешь этому сну и этой картине... Я тебя просто не узнаю и не понимаю, что с тобой происходит! Ты же никогда не интересовалась снами и их толкованием. И слава Богу! Но, поверь, если бы я могла предположить, что ты смотришь во сне триллер и желаешь досмотреть его до конца, я бы не стала...

— Светик, ты же верующий человек, а не понимаешь таких элементарных вещей: если бы Богу — или не знаю кому — было угодно, чтобы я увидела лицо этого мужчины, я бы его увидела, не сомневайся. Но я его не видела, и, думаю, не увидела, даже если бы проспала до обеда. Я не должна была его увидеть. Так что не кори себя, ты просто избавила меня от ненужных усилий и головной боли из-за «пересыпа», — Алена, пока растолковала Светику сложные перипетии своего сна, заметно успокоилась. — Меня потрясла не моя «трагическая судьба», предсказанная мне картиной, — хотя картина, заметь, ничего не предсказывает, она и во сне, и наяву допускает различные варианты развития сюжета. Меня потрясло другое. Ситуация, в которой я оказалась из-за бандита, была показана мне во сне с помощью картины, которая не только не имеет ко мне никакого отношения, но и с моей ситуацией никак не связана. А вот влепи на картину мое лицо — и она сразу же обретает совершенно иной смысл. Это первое. А теперь второе. Я смогла наяву досмотреть то, что не досмотрела во сне. Вот это, я скажу тебе, круто! И — я особо обращаю на это твое внимание, Светик, — я увидела много такого, чего не увидела во сне, потому что проснулась. Много — но не лицо мужчины. Ну что тут скажешь, а?! Хоть к гадалке иди и спрашивай, где живет О. Бендер, попавший под лошадь!

— Не вздумай, это грех!

— Не вздумая, не бойся.

— Алена, в том, что тебе приснился такой «высокохудожественный» сон, нет ничего удивительного: ты ведь у нас живешь, дыша стихами и туманами...²⁰ Вот и увидела сон, полный и сти-

---

²⁰ Александр Блок «Незнакомка»: «...Дыша духами и туманами».

хов, и тумана. У тебя, Алена, из-за последних событий нервы расшатались. Надо больше отдыхать...

— Ага, и гулять на свежем воздухе, желательно в парке: есть там одна премиленькая аллея — специально для восстановления пошатнувшейся нервной системы, — произнесла Алена в духе «говорите, говорите» и тут же перешла на высокий пафос лозунгов в стиле «руки прочь»: — А стихи не тронь! Они мне жить и любить помогают!²¹

Однако нервы у Алены, очевидно, и в самом деле были уже не те, что прежде, потому что она не выдержала, прыснула, и они обе расхохотались.

— Знаешь, Светик, я сегодня ночью впервые увидела сон — я ведь сплю без сновидений. Да, знаю, сны видят все люди и даже собаки, но я свои сны не запоминаю, а это все равно что не вижу. И вот сегодня мне приснился сон — впервые за много лет. Я ведь уже успела забыть, что это такое. Я сны видела только в детстве, но это было давно и неправда. И сегодня ко мне вернулись сновидения — появились во сне и продолжились наяву! А я, видать, морально не была к этому готова. Я даже проснуться не могла — для меня сон был реальностью, и ты присутствовала в этой реальности, даже когда будила меня. Нет, если все сны такие, — уж лучше без них! А то, знаешь, как бывает:

Коня картонного мальчик
ночью во сне увидал.
Утром проснулся мальчик,
а конь уже ускакал.
И снова коня лихого
увидел во сне малыш.
Схватил он его за гриву:
«Теперь ты не убежишь!»
С возгласом этим мальчик
проснулся утром чуть свет.
Глядит — кулаки его сжаты,
а гривы в руках его нет.

---

²¹ Исаак Дунаевский, песня из кинофильма «Цирк»: «Нам песня строить и жить помогает...»

Крепко задумался мальчик
и понял, как ни был он мал,
конь ему только снился,
и больше он снов не видал.
С годами стал юношей мальчик —
и девушку полюбил.
«Ты вправду, или ты снишься?» —
любимую он спросил.
Состарившись, он подумал:
все сны, чего ни затронь,
снился конек картонный,
снится и подлинный конь.
И смерть пришла к человеку.
«Быть может, и это сон?» —
сердце свое спросил он.
Кто знает, проснулся ли он?²²

— Пойдем на кухню, Светик, «ударим» еще по чашечке кофе!
Ну их, эти сны, пусть их смотрят другие. А мы восстановим кофей-
ком пошатнувшуюся нервную систему и будем собираться на рабо-
ту. Слышишь призыв? Это профессиональный долг зовет! У меня
встреча с психоаналитиком. Заметь, как кстати пришлось!

— Но встреча у тебя в пять, насколько я помню. А мне вооб-
ще сегодня торопиться некуда — я в «свободном поиске» — ищу
сюжет. Куда же это тебя гонит твой «профессиональный долг»
в такое время?

— Никуда, но пока соберемся...

— Это верно: пока соберемся, пока ходим в милицию...

— Ах да, в милицию...

— В милицию, в милицию.

— Хорошо, вари кофе — без кофе в милицию не пойду: там
кофе не дадут, а посадить могут. Так что лучше выпить впрок.

Сели пить кофе.

— Светик, ты мне не скажешь, мы сегодня утром молились
только на кухне или еще где-нибудь? — как бы невзначай поин-
тересовалась Алена.

---

²² Антонио Мачадо «Притча». Перевод В. Столбова.

— Ты что, не помнишь? Мы молились в спальне...

— И просили, чтобы Бог сделал понятным мой сон?

— Да.

— Я помнила, что мы молились, и помнила, о чем, я только не знала, наяву это было или во сне. Значит, говоришь, наяву?

— Наяву.

— Тогда, возможно, ответ на молитву уже получен. Это было не продолжение сна, ну, когда мы стояли перед картиной, а его разъяснение. Или дополнение — не знаю. Ты как думаешь? — Алена говорила небрежно, и Светик не могла понять, шутит она или говорит серьезно.

— Я тоже, Алена, не знаю, но очень может быть. Во всяком случае, такое объяснение твоего «озарения» перед картиной я принимаю. Оно закономерно вытекает из нашей просьбы. И ведь как все просто: если бы мы не вышли из кухни и не подошли к картине, ты бы не увидела «продолжение» сна, вернее, его логическое завершение. То есть тебе надо было всего лишь подойти к картине. Я же тебе говорила, что Бог творит чудеса, не нарушая естественных процессов. Правда, случаются исключения. И все же, на сны, скажу я тебе, полагаться нельзя: они бывают от Бога, от дьявола и от суеты мирской. От кого твой сон? Вот то-то же.

— Твоя правда, подруга, будем считать, что все это — суета сует, дурь, чушь и блажь:

...Прочь гони этот сон,
Он слезлив и не нужен.
Солнцем день озарен,
И трезвоном разбужен
Заревой небосклон²³.

Они допили кофе, собрались и уже намеревались выйти из квартиры, как вдруг Алена вспомнила — сумку забыли. Алена пошла за сумкой, а Светик направилась к двери. Когда Алена вернулась, Светик все еще возилась с замком.

— Не можешь открыть?

---

²³ Поль Верлен «Ты в тоске? Ты несчастна...» Перевод А. Ревича.

— Не могу. Замок срабатывает, но дверь не открывается.

— Позволь я попробую. — Алена, в свою очередь, попыталась открыть дверь, но ей это тоже не удалось. Повторялась вчерашняя история, с той только разницей, что вчера они не могли войти в квартиру, а сегодня не могут из нее выйти. И сегодня с ними не было Андрея. А это обстоятельство существенно осложняло ситуацию, что и отметила Алена:

— Эх, нам бы вчерашнего «слесаря»!..

— Пойду позвоню Андрею, — поддержала идею Светик.

Они пошли в комнату, Светик сняла трубку, поднесла к уху — и обратила к Алене недоумевающее лицо:

— Телефон не работает... Зуммера нет.

Алена выхватила у нее трубку — телефон не работал.

— То-то я думаю, почему грабитель не звонит. А он бы и рад, да не может, телефон не работает.

— И Саня тоже, очевидно, дозвониться не может, — высказала свое предположение Светик. — Когда он нужен, его нет.

— Кому это Саня здесь нужен?! Да он же и поломал мой телефон — вчера весь вечер трезвонил, вот аппарат и не выдержал перегрева. Ладно, шутки в сторону: что делать будем? В моем мобильном сел аккумулятор, и я забыла его подзарядить. Я, конечно, куплю по дороге новый, но сейчас... А ты при оружии?

Света была «при оружии». По ее мобильному телефону дозвонились до Андрея. Тот пообещал через полчаса, самое большее — сорок минут, быть у них вместе со «слесарем». Сели ждать.

— Я же тебе говорила, что если сейчас начнем собираться, то к пяти, глядишь, и выйдем из дому, — заметила Алена. — А ты мне не верила.

— Интересно, кто это сделал?

— А что, здесь возможны варианты? По-моему, ясно кто.

— Бандит, больше некому. Не Андрей же нас снаружи запер — для большей безопасности! — Светику все было абсолютно ясно и понятно, но не Алене. Слова: «По-моему, ясно кто», вырвались у нее случайно и не потому, что ей и в самом деле было что-либо ясно. Алена как раз глубоко и усиленно билась над «гамлетовским» вопросом²⁴: «Саня или не Саня?» И когда

---

²⁴ Имеется в виду вопрос: «Быть или не быть?»

Светик озвучила вопрос, Алена «на автомате» выдала ответ: «Помоему, ясно кто. Саня». Вот только слово «Саня» она успела поймать и не позволила ему вылететь: не хотела обвинять «друга» голословно. Да и уверенности особой у нее не было. Просто, для бандита это было глупо, а для Сани — в самый раз. Светик же, ничего и никого, кроме бандита, не подозревавшая, продолжала: — И мы ничего не слышали...

— Я, кажется, слышала. Это было в начале моего сна. Я слышала тихий стук в дверь. Я даже пошла во сне открывать. С этого мой сон и начался — со стука во входную дверь. Светик, а что если мой сон и был спровоцирован этим стуком? Обычно, когда я сплю, в мою дверь не стучат и не создают шумовых эффектов. Значит, это было под утро. Или нет? Знать бы, мой сон — это целостный сюжет, или разные эпизоды, виденные мною в течение ночи? Как думаешь?

— Я в психологии не сильна.

— Я тоже. Ничего, поинтересуюсь у психоаналитика. Надо же мне с ним о чем-то говорить. Вот и будет тема!

— А почему ты взялась за этот материал?

— О психоанализе?

— О нем самом.

— Меня главный обязал. Эта «психическая фирма» заказала нам материал о психоанализе вообще и о них самих в частности. Платят хорошие деньги газете, но при условии, что брать интервью приду я и материал напишу тоже я, — за что тоже обещаны солидные «чаевые».

— Но ведь ты такими вещами не занимаешься — заказные материалы не пишешь.

— Не занимаюсь. Я и не обещала написать, но я обязательно должна прийти к ним в «контору» и встретиться там с неким Виктором Сойком — он у них главарь.

— Ну желаю успеха.

— Спасибо. Но только, как подсказывает мне мой внутренний голос, вряд ли дело дойдет до статьи. Я не верю в их фрейдистские заморочки, а чтобы этот самый Сойк не навешал мне лапши на уши, я должна хоть в какой-то мере владеть предметом. Я же не владею. Следовательно, вряд ли стану писать. Пусть ищут кого-то другого. Но пойти я должна. Я главному обещала.

— Странно все это.

— У меня теперь, Светик, вся жизнь заключена в словах «странно все это». Ну разве не странно, что мы с тобой сидим у меня в квартире и не можем выйти? Да, кстати о странностях, я так и не поняла, зачем тебе понадобился вчера мой будильник, если ты могла проснуться вместе со мной? Зачем ты его у меня попросила и завела не на восемь, а на семь, если ты никуда не собиралась и до сих пор торчишь здесь?

— Я «торчу» здесь, потому что выйти не могу. А будильник я взяла и завела на семь, потому что в семь я должна была позвонить одному человеку.

— Кому?

— Неважно.

— Будильник мой брала? Теперь говори зачем!

— Ну хорошо, скажу. Я звонила Андрею, он вчера просил меня утром ему позвонить, чтобы он знал, что с нами все в порядке. Сюда он звонить не хотел, чтобы тебя не будить, дать тебе выспаться, а может, опасался, что по телефону ты и с ним будешь разговаривать так же, как вчера с Саней. В общем, я ему в семь позвонила.

— И телефон работал?

— Не знаю, я звонила по мобильному.

— А почему по мобильному?

— Боялась тебя разбудить — я же тогда еще не знала, что тебя такими пустяками, как телефонные звонки и пароходные сирены, не разбудишь. Поэтому взяла свой мобильный и вышла с ним в прихожую, оттуда и позвонила.

Посидели, помолчали, потом Алена, без всякого предисловия, выпалила:

— Знаешь что, Светик, если Бог покажет мне «оригинал» картины, но так, чтобы я лицо мужчины увидела как наяву, я в Него поверю. Клянусь!

12

Андрей, как и обещал, приехал через сорок минут. Оказалось, что с замком все в порядке, а дверь не открывалась потому, что заколоченные двери не открываются простым поворотом ключа

в замке или сигналом с пульта. Дверь приколотили к раме с помощью полутора десятка небольших металлических уголков. Гвозди использовали маленькие, так что особого шума не было. В нескольких местах вместо гвоздей ввинтили шурупы-саморезы — они, собственно, и удерживали дверь. Почему не обошлись одними шурупами — неизвестно, гвозди явно были излишеством, но именно звук заколачиваемых гвоздей и услышала Алена среди ночи. С какой целью была предпринята эта акция, тоже оставалось загадкой: ведь для того чтобы добраться до Алены и привести в исполнение угрозу, дверь заколачивать не обязательно, скорее, даже наоборот. Но что было сделано минувшей ночью, то было сделано, а зачем — точно знал только исполнитель и гипотетически — Алена. Ее, когда она увидела гвоздики и «винтики», посетила мысль: а не из Саниной ли головушки последние. Мысль была случайной, мимолетной и ненавязчивой — сказывалось присутствие Андрея — и посетила Алену пролетом, не задерживаясь, — пронеслась и исчезла. Тем не менее, Алена успела отметить, что после того как она поделилась с Саней своей проблемой, проблем в ее жизни стало больше. И абсурда тоже.

«И зачем только я обратилась к нему за помощью?! Ну почему Светик не пригласила Андрея днем раньше, до того как я позвонила Сане?! Что ей мешало?!» — Алена душа предпринимала отчаянные попытки удариться в истерику, но была решительно остановлена голосом разума: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Сане звонила ты, а не Светик. Вот и расхлебывай».

Меж тем, следствие шло своим чередом. Как выяснилось, телефонный кабель был аккуратно перекушен кусачками. И это обстоятельство не столько огорчало, сколько радовало, ибо его, в отличие от всего прочего, можно было отнести к разряду осмысленных действий, хотя и с некоторой натяжкой: поскольку у Алены имелся мобильный телефон, и ее преследователь не мог не знать об этом, нужды в отключении стационарного телефона не было. В общем, все выглядело глупо и несерьезно и, в силу этого, возвращало Алену к мысли о Сане: «Такие шутки — в его стиле».

Дактилоскопист самым тщательным образом работал с отпечатками, оставленными на двери и на раме. Алена высказала

предположение, что следов там будет очень много, особенно после вчерашней истории с замками, но к ее мнению не прислушались, признав его некомпетентным. Алена на своем не настаивала: люди открыли дверь и освободили их со Светиком, и эти достойные люди заслужили право немного развлечься. Да что там «немного»! Пусть «оттягиваются» со вкусом! «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», — Алена умела быть снисходительной к слабостям ближних.

«Интересно, а как квалифицировать данное преступное деяние? — возник у нее совершенно неожиданный, но вполне уместный вопрос. — Если грабитель дверь открывает — это взлом. А если он ее, как в данном случае, не только не открывал, но еще и заколотил, чтоб и другие открыть не могли, — это как называется? Заколот? Забивон? Буду в милиции, поинтересуюсь. Знания лишними не бывают, а в жизни всегда могут пригодиться. Особенно в моей! Ха, вот озадачу милиционеров!»

В милицию отправились на машине Андрея — он выразил желание поприсутствовать. Дорогой Андрей провел оперативный инструктаж в виду недавних событий, на котором посоветовал не отклоняться от основной сюжетной линии и говорить только о нападении в парке и об угрозах. Все остальное лучше «вынести за скобки», поскольку культпоход в милицию преследует цель изъять из оборота грабителя. Андрей, естественно, изложил все это в других выражениях, но Алена, для ясности, мысленно прокомментировала их таким образом.

В машине Алена толкнула Светика в бок и прошептала: «Попроси кассету».

— Какую кассету? — не поняла Светик.

— Тише, — со стоном прошипела Алена. — Вчерашнюю.

— Андрей, у тебя нет, случайно, кассеты, которую ты нам вчера ставил? Алена хотела бы ее послушать: песня оборвалась на словах... Алена, на каких словах?

Светик играла не по правилам. «Убить Светика — этого мало: прежде надо помучить хорошенько, чтобы научилась не выставлять подруг дурочками!» — вскипела Алена и вежливо ответила:

— Если не ошибаюсь, на словах:

Я знаю, что найду Твои следы
Лишь там, где...

— Эта кассета, к сожалению, осталась в плеере — я слушал ее вчера вечером, но я обязательно передам ее вам, Алена, при следующей встрече.

Слова «при следующей встрече» Алене понравились — непонятно почему, — и она почти простила Светика — решила только прибить ее, но не мучить, но тут Светик снова выдала «на гора»:

— Андрей, а ты не помнишь эту песню? Алена хочет знать, что говорится о следах. Где искать следы?

«Поторопилась я, придется все-таки Светика помучить, — сокрушалась Алена. — Делись после этого с подругами сокровенным. Хорошо хоть я ей не сказала, что мне Андрей нравится». Алена обомлела: себе она, похоже, этого тоже еще не говорила, и ее признание оказалось для нее полной неожиданностью. Как всегда в критических случаях, вмешался здравый смысл: «Ермилова, ну ты даешь! За тобой шайки бандитов гоняются, а тебе нравится Андрей! Опомнись, чай, не гимназистка!»

— Песни я не помню, но мы можем попытаться найти Его следы и без этой песни, — откликнулся Андрей, не отрывая глаз от дороги. — Если позволите, я попробую высказать некоторые предположения:

Не там Христос, где льется кровь,
Где попирается свобода, —
Он там, где царствует любовь
И мирный труд среди народа.
Не тот и ученик Христа,
Кто только в букву слепо верит,
Чьи дышат злобою уста,
Кто лишь ханжит и лицемерит, —
Но тот Господень ученик,
Кто не умом, а сердцем чистым
В Его учение проник —
И, сам идя путем тернистым,
Спешит, как друг, ко всем больным,

Как брат скорбящий — к маловерам,
Везде является живым
Любви евангельской примером.

— Ваши стихи? — спросила Алена первое, что пришло в голову.

— Нет, не мои, поэта Круглова. Свои я не решился бы читать.

— Почему?

— Потому что Богу надо посвящать все лучшее, а мои стихи весьма далеки от совершенства, — с улыбкой ответил Андрей.

— Алена, — вмешалась неутомонная Светик, которая явно стремилась попасть сегодня «под раздачу», — ты довольна ответом на свой вопрос?

— Да, благодарю, однако мне хотелось бы, но только если это не причинит вам, Андрей, неудобств, дослушать ту песню на кассете.

— Относительно этого можете не беспокоиться. Кассета в ближайшее время будет у вас, и на ней много прекрасных песен, — успокоил ее Андрей.

Алена опять готова была простить Светика — за слова «в ближайшее время».

«Ермилова, — возвала к Алене совесть, — чего ты больше хочешь: дослушать песню или увидеться с Андреем? Только не лги — меня, то есть себя, не обманешь». Алена задумалась: «А в самом деле, чего?» И не смогла себе ответить, потому что не смогла отделить Андрея от песни, а песню от Андрея — для нее это было единое и неделимое целое.

Приехали. В районное отделение вошли втроем, выстроившись, не сговариваясь, в том же порядке, что и вчера в «Глобусе»: Светик, Алена, Андрей. Необходимости в этом не было, поскольку вряд ли можно было опасаться, что на Алену набросятся милиционеры, да еще прямо в райотделе. «Вот что с людьми муштра делает, — философски отметила Алена. — Не ходи, Алена, в армию служить. Уж больно ты восприимчива к строевой подготовке — раз отмаршировала и уже только строем, только в строю и только втроем». Последнее замечание показалось Алене достойным внимания, но времени на его рассмотрение не было — подошли к нужному кабинету.

— Предлагаю вам со Светой пойти вдвоем — подать заявление, рассказать и оформить нужные бумаги. А я тем временем загляну к начальнику отделения, поздороваюсь. И сразу к вам. Сумка пусть пока побудет у меня — для сохранности отпечатков. Ну, с Богом, — и Андрей распахнул перед ними дверь в кабинет.

— С Богом, — прошептала Светик.

«С Богом», — мысленно присоединилась к ним Алена, для которой, благодаря тесному общению со Светиком и Андреем, имя Божье постепенно становилось неотъемлемой частью бытия.

В райотделе им был оказан самый радушный прием, разве что кофе не предложили. Алена рассказала то, что Андрей велел рассказать, и утаила то, чего он рассказывать не велел. Все было тщательно запротоколировано и подписано. Андрей, который отсутствовал совсем недолго и пришел в сопровождении майора — начальника райотдела, внимательно слушал и не вмешивался. Майор задавал вопросы, но делал это деликатно и с полным доверием к Асениным показаниям.

«Саня, ты был неправ, — отправила Алена мысленный “посыл” Сане. — Сумасшедшей меня здесь не сочли и в дурдоме запереть, похоже, не собираются. А ведь я им и половины не рассказала! Стоп! А может, меня скорбной разумом не сочли только потому, что я не все поведала? Если так, то спасибо Андрею, это его заслуга».

Алена не рассказала о вчерашней истории с замками и сегодняшней — с дверью, она также не поделилась информацией о письме, которое оказалось на ее рабочем столе в редакции в обход почтовых служб. Андрей, когда вошел в комнату, занял стратегически важную позицию — лицом к Алене, чтобы она могла его видеть. И сделал это так естественно и непринужденно, будто всю жизнь ничем иным не занимался. Алена смотрела на Андрея (понятное дело, не привлекая внимания окружающих) рассеянным взглядом, как на стену, и читала по его лицу, как по партитуре, что говорить и чего не говорить. (Впоследствии Андрей признал, что читала она бегло и абсолютно правильно.) В общем, все было исполнено как по нотам. И это касалось не только Асениных показаний. Андрей тоже играл свою партию, причем соло: он не передал фигурировавшую в деле сумку

милиции, а вышел из отделения, держа ее в руках, и объяснил данное обстоятельство не своей забывчивостью, а согласием милиции на проведение экспертизы его «фирмой». Когда было получено согласие, Алена не знала, — при ней его никто не спрашивал и не давал. Очевидно, Андрей получил его, когда пошел «поздороваться». Как бы то ни было, машина была запущена, и маховик начал набирать обороты. Теперь все будет зависеть от того, привлекался Аленин грабитель или не привлекался к уголовной ответственности.

После милиции решили перекусить — время близилось к обеду. Алене очень хотелось пригласить изголодавшихся соратников к себе, но, во-первых, есть у нее было нечего — только «подножный корм» из супермаркета. Можно было, конечно, купить по дороге полуфабрикаты и довести их до кондиции в микроволновке, но она подумала, что до микроволновки дело может не дойти — мало ли что бандит сделал с ее дверью за время их отсутствия! А ей очень не хотелось оставлять Андрея и Светика без обеда. И еще она не хотела, чтобы у Андрея вырабатывался стойкий ассоциативный ряд: Алена — дверь — сержант. Поэтому она с готовностью поддержала предложение Андрея пообедать в кафе, куда они и направились.

Алена предложила заведение, где еще можно было устроиться не в помещении, а под открытым небом. Официанты на улице уже не обслуживали, и Андрей хотел было взять на себя их обязанности, но Светик его остановила:

— Я сама нас обслужу, нельзя оставлять Алёну одну, — сказала она и, поставив свою сумку на стул, направилась внутрь кафе.

Алена и Андрей остались вдвоем — под голубым осенним небом и желтыми октябрьскими деревьями. Светило солнце, где-то жгли листья, и легкий запах дыма витал в еще не опавшей листве и нашептывал ей об ушедшем лете. Из кафе доносилась музыка — как отголосок другого мира, где ветви не роняют золотистых листьев и по ясно-голубому небу не плывет одинокое белое облачко.

Сидели молча. Алена, слегка откинувшись на стуле, смотрела на сиротливое облачко, отбившееся, как птица фламинго, от стаи, и ее мысли уплывали вслед за ним — таким белым и таким пронзительно одиноким в бескрайней небесной лазури... Ей хо-

телось плакать от сострадания и жалости к этому несчастному облачку, которому она ничем не могла помочь. Она не понимала, что с ней происходит и почему ей так горько, и потому отпустила мысли в свободный поиск — может, найдут объяснение. И объяснение нашлось, само напрадилось, всплыло стихами Ахматовой:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятъя
Прикосновенья этих рук.

Так глядят кошек или птиц,
Так смотрят на наездниц стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым»²⁵.

Увы! Анна Ахматова не помогла — только усугубила ситуацию: Алена почувствовала, что к слезам готова, и слезы тоже это чувствовали и тоже были готовы. «Так вот для чего даме нужен чистый носовой платок, о котором твердила бабушка. Бабушка, я не дама! И я не хочу плакать!» — «Не хочешь — не плачь, — здравый смысл никогда не опускался до уровня чувств и рассматривал их исключительно сквозь призму ленивого презрения. — И вообще, что за чушь лезет тебе в голову?! Какие устрицы, какие наездницы, какой любимый?! Вы познакомились вчера ве-

---

²⁵ Анна Ахматова «Вечером».

чером — и уже “любимый”? Опомнись! Возьми себя в руки. Ты даже не знаешь, женат он или нет. И вообще, что ты о нем знаешь? Что он верующий? Так это же пропасть, пропасть, а вы — по разные стороны, и тебе не стоит и пытаться перепрыгнуть — не получится! А он прыгать не станет. Он верный друг — но твоего он не коснется платья. А если на стихи потянуло, так вот тебе “стих дня”:

Быть может, и любит, да только не скажет..
Да только не скажет и чувств не покажет.
А раз не покажет — так что в этом толку?
Да, что в этом толку — любить втихомолку?
Надеждой терзает, надеждой тревожит..
А, может быть, вовсе не любит? Быть может!²⁶

Вот так, и не строй иллюзий», — здравый смысл судил, как всегда, здраво и звучал убедительно, клин вышибал клином: от-вечал стихами на стихи и попадал точно в цель.

— Пойду помогу Свете, — Алена встала и решительно, чтобы Андрей не остановил ее, рванула в кафе, а там, не подходя к Светику, бросилась напрямиком в «дамскую комнату». Она чувствовала себя обделенной и глубоко несчастной:

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольн²⁷.

Поборов острый приступ жалости к себе, спровоцированный неожиданно накатившейся поэтической волной, она вышла и направилась к стойке, от которой отошла Светик с подносом и где еще оставался один поднос.

«Хоть бы бандит этот окаянный появился, что ли! Когда он не нужен, он тут как тут, а когда в нем нужда — его днем с огнем не сыщешь, — думала она, подходя к стойке. — Ну появись, про-

---

²⁶ Игорь Северянин «Быть может, и любит..»

²⁷ Валерий Брюсов «Безглагольность».

гнусавь свое “ты труп” и возврати меня на грешную землю. Если бы ты знал, как ты мне сейчас нужен!»

Но бандит этого не знал и на ее зов не откликнулся. Пришлось обходиться без него. Алена несла поднос и монотонно повторяла про себя: «Ты труп! Ты труп! Ты труп!» — выполняя тем самым за бандита его работу.

Расселись. Андрей, не вставая, прочитал короткую молитву, поблагодарил Господа, и все трое сказали «аминь». Приступили к трапезе, и Алена вдруг обнаружила, что ей кусок в горло не идет. У нее не просто не было аппетита, она вообще не могла представить, как это — жевать и глотать. Отработанные многолетними упражнениями жевательные и глотательные рефлексy отсутствовали, словно Алена никогда ничего не жевала и не глотала. Кусочек, который она, не подумав, отправила в рот, так и лежал на языке, и она не знала, что с ним делать. Здравый смысл, сегодня абсолютно не затребованный, с присущим ему цинизмом посоветовал: «Или проглоти, или выплюни — но не сиди с куском за щекой, ты не обезьяна». Алена послушалась: потянулась за стаканом с минералкой, чтобы попытаться проглотить кусок, как таблетку, — не жуя и с водой. «Так не получится, — подсказал все тот же здравый смысл, — кусок слишком большой. Тебе его не заглотнуть. Лучше выплюни». Этого Алена делать не стала, попыталась прожевать — медленно, осторожно, словно жевала первый раз в жизни. С горем пополам ей удалось сделать конвульсивное движение, которое с натяжкой можно было назвать глотательным, и она с облегчением вздохнула: «Ну все, с едой на сегодня покончено». Она взяла стакан и отпила немного минералки. Воду Алена проглотила легко и отпила еще. Вода ей понравилась, и она принялась за нее, отпивая маленькими глоточками, чтобы на дольше растянуть процесс — пока Андрей со Светиком не доедят первое, второе и десерт.

Отсутствие у Алены аппетита не осталось незамеченным:

— Ты почему не ешь? — спросила Светик, демонстрировавшая отменный аппетит.

— Не хочется.

— Тебе нехорошо?

— Нет, мне хорошо.

Алена говорила правду. На нее вдруг снизошла светлая грусть со щемящим привкусом утраты, возможно, потому, что, взглянув на небо, она не увидела на нем облачка — небо сквозь редкую желтую листву синело ясно и непреклонно и не оставляло надежды. «Вот и славно», — сказал здравый смысл, но Алена не была в этом уверена.

13

Мобильник Андрея просигналил, когда собрались приступить к кофе. Андрей не вышел из-за стола — отвечал, не смущаясь присутствием Светика и Алены. Алена не прислушивалась, она решала важный для себя вопрос: к чему, при сложившихся обстоятельствах, следует отнести кофе — к напиткам или к «наедкам». Здравый смысл, по-видимому, довольный тем, что Алена начинает к нему прислушиваться, подсказывал, что консистенция в данном случае не может служить критерием «проглатываемости».

— Отпечатков грабителя нет в базе данных, — поделился свежими новостями Андрей. — Ниточка оборвалась.

— Не оборвалась, — ответила Алена, не отрывая задумчивого взгляда от кофейной чашки на столе. — А знаю, где его следует искать.

— Знаешь и молчишь?!

— Я только сейчас догадалась, — пустота, которую Алена ощутила в себе, самым положительным образом повлияла на ее мыслительные способности — мозгам стало просторнее. — Искать его надо в больнице.

— В больнице? — Андрей.

— В больнице? — Светик.

— Андрей, вы не видели сапог, которые были на мне в то утро. Я полагаю, что их каблуки, если отделить их от подошвы, можно классифицировать как холодное оружие. И я нанесла этим «оружием» удар — в низ живота, ногой, изо всех сил. Он в больнице, если не на кладбище, — на последних словах Алена ощутила, как ее, внутри, овеяло морозным ветерком.

Андрей снова достал мобильный и связался с кем-то. Передал данные грабителя, дату и то ли вежливо поручил, то ли ка-

тегорически попросил обзвонить больницы, начиная с больниц скорой помощи. О результатах сразу же доложить ему, звонить на мобильный.

«Интересная у программистов работа», — отметила Алена без всякого интереса.

О результатах доложили прежде, чем они успели допить кофе. Алена оказалась права: в тот день, когда случился инцидент в парке, в больницу скорой помощи был доставлен пострадавший с проникающим ранением в брюшную полость. Его подобрали на улице, возле парка. Время тоже соответствовало — его доставили в больницу примерно через час после нападения. «Скорую» вызвал он сам — по имевшемуся при нем мобильному телефону.

— Он жив? — спросила Алена.

— Жив и идет на поправку, — ответил Андрей.

— Надо ехать в больницу, — решила Алена. — Я должна его увидеть — а вдруг это не он.

— Это он, но в больницу ехать надо. Вы должны его опознать.

— Когда поедем?

— Лучше бы прямо сейчас.

— Поедьте. Светик, ты с нами?

— С вами.

Оказалось, что в больницы, даже в неположенное время, «программистов» и сопровождающих их лиц пропускают беспрепятственно. Они прошли в палату. Алена узнала его сразу — по выражению мировой скорби на лице. Он ее тоже узнал, но встрече, почему-то, не обрадовался. Он лежал и смотрел на них, они стояли и смотрели на него, все молчали. «Ну и кто же заговорит первый?» — Алена уже готова была принимать ставки, но передумала:

— Здравствуйте, — спокойно сказала она. — Вы меня узнаете? Мы виделись с вами на прошлой неделе.

— Нет, я вас не знаю.

— Знаете. Это из-за меня вы здесь. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, лучше. Но здесь я из-за бандита, который напал на меня в парке.

— Какое совпадение! На меня тоже напали в парке: в тот же день, в том же месте и в то же время, что и на вас. Я видела, кто на меня напал. А вы?

— Я тоже. И описал его милиции.

— Его?!

— Ну да, не женщина же ударила меня чем-то острым в живот.

— А кто?

— Громила.

— Да, мне повезло больше, чем вам, — на меня напали вы, а не громила.

— Я на вас не нападал, я вас впервые вижу.

Алена была обескуражена наглостью грабителя, но мысленно ему аплодировала: «А ты, парень, не дурак. Жаль, что оставил отпечатки на сумке, мог бы выкрутиться. Но всего не предусмотреть!» Алена бросила взгляд на Андрея: «Говорить об отпечатках?» — «Говорить», — одними глазами ответил тот.

— Мы с грабителем обменялись «верительными грамотами»: он оставил на моей сумке отпечатки своих пальцев, а я оставила на нем след своих сапог. Не болит? Отпечатки дактилоскопировали, каблук подвергли экспертизе на ДНК, — с ДНК Алена импровизировала, но такая экспертиза теоретически была возможна. А поскольку ранение проникающее, из этого автоматически вытекало, что на каблуке должна была остаться кровь грабителя. Алена была довольна ходом своих логических построений, пока не осознала смысл, заложенный в последнем суждении. Но когда осознала, пол покачнулся и стал уходить у нее из-под ног, а кровать с грабителем начала кружить каруселью. Если бы Андрей не подхватил ее, она бы грохнулась на пол. Андрей держал Алену, Светик оглядывалась в поисках стула, а грабитель изумленно таращил глаза с кровати.

— Нашатырь нужен, — констатировал Андрей.

— Не нужен, — слабо отозвалась очнувшаяся Алена. — Все в порядке, голова закружилась.

— И давно припадками страдаете? — сочувственно осведомился грабитель. Не было похоже, чтобы Аленин монолог произвел на него впечатление.

— Мои припадки — не ваша забота. Как бы вам не пришлось долечиваться в другом месте. Об этом подумайте.

— Меня и здесь хорошо лечат. Зачем в другом? — удивился грабитель.

Алена начинала терять терпение. Жалость к убогому, глубоко коренящуюся в душе славянки, вытеснил профессиональный прагматизм деловой женщины.

— Послушай, ты, я вижу, не понял. Поэтому объясняю еще раз — как для особо одаренных. Суду твое признание не требуется — ты так «наследил», что уже не отпереться. Так что будет лучше, если ты скажешь правду.

— Сама скажи правду.

— Я говорю правду, и ты это знаешь.

— Да, правду я знаю. Ты видела меня на троллейбусной остановке, куда я долго, очень долго полз — потому что был ранен. И там я оказался раньше тебя. Понимаешь? Меня ранили, я долго полз, терял сознание, но из парка выбрался гораздо раньше тебя. Ты видела, как я стоял, привалившись к ларьку, и просил помощи. Ты прошла совсем рядом, глянула на меня, притормозила, я протянул к тебе руку, потерял равновесие, ухватился за твою сумку, чтобы удержаться на ногах... Вот как было дело.

— А твоя кровь на моем сапоге? — спросила Алена, хотя догадывалась, что скажет грабитель. И не ошиблась.

— Ты в нее вступила — и на листьях, и на земле было много моей крови. Спроси у врачей, сколько я ее потерял.

Если бы Аленины сапоги действительно взяли на экспертизу, результаты подтвердили бы слова грабителя. «Он видел, как я бросилась от него напролом, через газон, и знает, что на моем сапоге не только его кровь (если она там еще осталась), но и земля, по которой я бежала, проваливаясь в нее каблучками. Все просчитал, подонок, — устало подумала Алена. — Саня, как оказалось, с самого начала был прав, что отговаривал меня от милиции. А я не послушала его и пошла. Теперь этот бандюга как дважды два докажет, что я психопатка и припадочная истеричка, способная не только пройти мимо пострадавшего и не оказать ему помощи, но еще и ложно его обвинить. А если вспомнить про письма с угрозами, о которых я тоже рассказала... Психушка мне обеспечена, и это в лучшем случае». Алена не стала додумывать, что ей обеспечено в худшем случае...

— Пойдемте, — позвала она Андрея и Светика.

И они вышли из палаты. Алена совершенно оправилась от минутной слабости и неслась по коридору на всех парусах. Она рвалась поскорее выйти из этих стен, рвалась куда-то — сама не знала куда. Ей хотелось остаться одной и потосковать, потому что тоска на нее навалилась смертная и требовала к себе внимания. Андрей со Светиком едва за ней поспевали — главным образом Светик, стучавшая за Алениной спиной высокими каблуками. Подошли к машине.

— Я, пожалуй, поеду на такси, — сказала Алена.

— Я подвезу вас. Вам куда?

— В редакцию.

— Света, а тебе куда?

— Я домой. Но я уж точно могу добраться самостоятельно.

— На таких каблуках — и самостоятельно? — впервые за сегодняшний день пошутил Андрей. — Не будь к себе такой жестокой. Прошу, экипаж подан.

Сели в машину и поехали.

— Алена, вы не забыли, что мы собирались сегодня сопоставить наши наблюдения и выявить все неувязки?

— Помню, — в голосе Алены энтузиазма не было.

— Алена, я вижу, вы чем-то расстроены. Могу я как-то помочь?

— Нет, не можете.

— Прошу меня простить, если мои слова покажутся вам бестактными, но знаете, в чем проблема?

— В чем?

— У вас нет веры. Вы идете, как в тумане, от одного ориентира к другому. Вы не видите перспективы, и пути своего не видите. Вы бледуете вслепую, натываетесь на что-то и не можете распознать, что это.

— Как сегодня в больнице? Вы это имеете в виду? Там я хорошо натолкнулась...

— А что в больнице?

— Как что? Вы же и видели, и слышали. Он все перевернул с ног на голову...

— Ничего он не перевернул. Это он так думает, и мы ему позволим так думать, какое-то время, потому что он нас на данный момент интересуется постольку поскольку...

— Не поняла...

— Мы, с Божьей помощью, выполнили поставленную задачу, и сделали это очень оперативно, за пару часов. И это наш первый крупный успех. А вы, вместо того чтобы радоваться и благодарить Господа, огорчаетесь.

— А чему радоваться? Тому, что он оклеветал меня и...

— Да забудьте вы об этом, всему свое время. Мы выяснили главное: грабитель с самого начала, сразу после нападения, оказался в больнице и не покидал ее, поскольку физически не мог ее покинуть. Его только позавчера перевели из реанимации. А из этого следует, что преследователь не он. У него алиби, несокрушимое. Но это не все. Пока можно было подозревать грабителя, вы полагали, что вас преследует один человек — грабитель. Теперь у вас нет оснований так думать, и у нас тоже. И это в корне меняет все дело. Поэтому я и прошу: давайте рассмотрим события в новом ракурсе — вас преследует не грабитель.

Они уже подъезжали к редакции.

— Алена, вы согласны сегодня все обсудить?

— Согласна. Но в пять у меня встреча. Когда освобожусь — не знаю. Но к восьми буду дома. Светик, ты как?

— Как скажете.

— Я предлагаю встретиться не у вас, Алена, а у Светы или у меня. Лучше у меня. Не надо, чтобы нам мешали.

— Хорошо. Когда?

— Куда за вами заехать и в котором часу?

Договорились, что Алену редакционный водитель отвезет после встречи с «аналитиком» к Светику, а Андрей заедет туда за ними обеими, и они все вместе поедут к нему. Алена не понимала, к чему такие сложные перемещения по городу, но спрашивать не стала.

В редакции жизнь текла своим чередом. Алена проследовала к себе, села за свой письменный стол, посмотрела на часы: начало пятого. До встречи меньше часа. Надо поторапливаться. Набрала номер Сойка и уточнила, все ли остается в силе. Все в силе. Достала из сумки диктофон, включила перемотку, перемотала и нажала на прослушивание.

Это была запись ее сегодняшнего разговора с грабителем. Алена незаметно включила диктофон еще в коридоре перед

палатой, тайком. Запись проводилась незаконно, и Алена не стала посвящать в свои криминальные деяния Андрея и Светика. Они люди верующие, зачем отягчать их совесть? Со своей собственной совестью у нее давно существовала устная договоренность: на некоторые вещи совесть закрывала глаза, а некоторых вещей Алена поклялась себе никогда не делать. Условия договоренности строго соблюдались «обеими» высокими сторонами. Так что все было в рамках существующих договоренностей.

Запись получилась качественная. «Вот что значит сноровка плюс высокий профессионализм, помноженные на журналистскую наглость и твою личную беспринципность, — с чувством глубокого удовлетворения отметила Алена и с притворным сокрушением добавила: — Катишься ты, Ермилова, по наклонной плоскости!»

Когда Алена включала диктофон на запись, она не знала, зачем это делает. Делала по привычке, доведенной до автоматизма. Разговор в милиции она записала точно таким же образом — на всякий случай: такие случайные записи порой превращаются в громкие газетные публикации. Поэтому ничем не надо брезговать, особенно если дело касается бандитского нападения, объектом которого являешься ты, собственной персоной.

У Алены не было ни времени, ни желания готовиться к интервью с Сойком — писать о его «анализах» она не собиралась. Решила ограничиться стандартными вопросами, приправленными импровизацией. Но в машине, когда ехали в редакцию, у нее родилась блестящая идея: она прокрутит Сойку запись разговора с бандитом и попросит его проанализировать. И пусть Сойк видит, как работают уважающие себя журналисты, не опускающиеся до стандартных вопросов! Кроме того, может статься, Сойк скажет что-нибудь дельное.

Алена вспомнила, что нужно заменить аккумулятор в мобильнике, и выдвинула ящик стола, где хранила «предметы первой необходимости» — запасной заряженный аккумулятор, ручки, чистые дискеты и компакт-диски, кассеты для диктофона и тому подобное. В ящике все было перевернуто вверх дном и ни дискет, ни кассет, ни компакт-дисков в нем

не было. Алена бросилась выдвигать другие ящики — из них исчезли дискеты и компакт-диски, на которых она хранила всякую всячину и резервные копии своих материалов. Пропали также исписанные блокноты, записные книжки и все бумаги, на которых были хотя бы какие-то записи, включая телефонную книжку.

«Еще одно звено в цепи абсурда», — констатировала Алена. Она не хранила в столе ничего ценного и важного — так, рабочий хлам, представляющий интерес только для нее. Кому он мог понадобиться и зачем?!

— Кто очистил стол? — спросила тихо и даже равнодушно.

Ответом было гробовое молчание. Как и в случае с письмом, никто ничего не знал, не брал и не видел. Алена пошла к «главному», прихватив с собой сумку с диктофоном — боялась оставлять без присмотра. В кабинет вошла без стука ввиду экстраординарности происшествия.

— У нас ЧП — очистили мой стол, — сообщила с порога.

— Кто?

— Хотела бы знать. Унесли все. Никто ничего не видел и не знает. Мне нужна машина — я к Союку.

— Свободной машины нет, — обрубил Аленины притязания главный.

— Значит, встреча с Союком отменяется.

— Бери мою машину.

— Хорошо. Кто поведет?

— А ты не во...

Она не дала ему договорить — вопрос был, риторический, он знал, что она не водит машину, а времени на словоблудие у Алены не было:

— Я не во... И ты это знаешь.

— Тогда вызывай такси.

— На такси не поеду.

— Хорошо, через десять минут будет тебе машина с водителем.

— Машина нужна мне до восьми вечера. Пусть дожидается меня возле «конторы» Союка.

— Но зачем? После встречи возьмешь такси за счет редакции...

— Нет.

— Хорошо, машина в твоём распоряжении до двадцати одного часа. Надеюсь, уложишься.

— Я тоже надеюсь.

Вышла от главного и заглянула к Зое. Ни писем, ни звонков от «майора Пронина» не было. Включила компьютер и проверила, не было ли попыток взлома паролей, — эксклюзивная система защиты предусматривала возможность такой проверки. Попытка не санкционированного проникновения была зафиксирована сегодня утром, в девять двадцать семь. «Мой преследователь — кто-то из своих! Это невероятно — но это факт! На взлом моего компьютера в рабочее время мог решиться только сотрудник редакции. Причем штатный», — констатировала Алена. Это был абсурд, но, в то же время, это был неоспоримый факт.

Времени на раздумья не было — надо ехать к Сойку. Уже в машине она набросала некоторые соображения. На чистом листе в блокноте под заголовком: «Однозначно», записала те пункты «дела», которые исключали двойное истолкование:

1. Грабитель и преследователь — разные люди.

2. В компьютер пытался проникнуть штатный сотрудник редакции.

3. Ищут не ценные вещи, а информацию или документы.

4. Преследователь имеет неизвестные источники информации, позволяющие ему абсолютно точно знать о моих передвижениях.

На другом листе она вывела: «Возможны варианты», и ниже:

1. Попытка ограбления не связана с преследованием.

2. В «игре» задействовано более одного человека.

3. Кто-то наблюдает за ней в редакции (источник информации).

4. «Игру» затеял и ведет кто-то из коллег.

5. Попытка ограбления связана с преследованием, грабитель и преследователь играют в одной команде.

На третьем листе написала: «Не поддается объяснению»:

1. Поломка замков.

2. Заколоченные двери.

3. Устные и письменные угрозы.

4. Предмет поиска.

Последний пункт дважды подчеркнула. Все, «домашнее задание» выполнено. Теперь не стыдно заявиться на вечернюю сходку. Было бы очень неловко, если бы Светик и Андрей подготовились и «нарыли» ворох несоответствий в деяниях бандита (или бандитов — какая разница?!), а главное заинтересованное лицо никакой заинтересованности не проявило. Правда, с заинтересованностью у Алены наметилась явная напряженка — никаких признаков заинтересованности в скорейшем раскрытии дела она в себе не обнаружила. За последние сутки эти признаки не просто исчезли — в результате сложных мутаций они превратились в опасение, что дело раскроют, и тогда Андрей исчезнет из ее жизни так же внезапно, как и появился. А это было не совсем то, к чему она стремилась. В Алене неожиданно и быстро произошла радикальная «переоценка ценностей»: бандиты, грабители и преследователи превратились в потенциальных союзников, и неважно, что они делают — ломают замки, заколачивают двери или роются в ее столе, — это ее не касается, пусть делают, что хотят, только проявляют себя, и чем активнее, тем лучше. Они, бандиты, — залог присутствия Андрея. А ради этого Алена готова была даже помогать им! По этой причине она и не стала искать всякие там несоответствия и странности в их действиях — не видела необходимости и ограничилась списком совершенных ими «добрых дел». Нечего критиковать людей — они стараются, делают, что могут. И пусть делают. Алена дошла до того, что готова была согласиться со Светиком: грабителя в парке послал Сам Бог, и сделал это исключительно с одной целью — чтобы предоставить Светику возможность познакомить ее с Андреем. Так что на бандитов ей обижаться не приходится.

Алена горько страдала в присутствии Андрея, когда он был так близко, что пропасть между ними разверзалась прямо у нее на глазах и становилась непреодолимой, но жизни без него она уже не представляла. Нет, уж лучше страдать от встреч, чем от сознания, что им никогда больше не встретиться. Все что угодно, только не это! Пусть ее всю жизнь донимают бандиты, только бы Андрей был рядом. «Ребята! — обратилась она мысленно к своим преследователям. — Не подкачайте. На вас — вся моя надежда. Только, прошу, не уби-

вайте — если вы меня убьете и разлучите с Андреем, я этого не переживу».

14

Алена осталась довольна беседой с Виктором Сойком и решила сделать заказанный им материал. Сойк его заработал. И не потому, что произвел на нее благоприятное впечатление и внешним видом, и манерами. Он, и это было главное, прослушав несколько раз запись, сумел дать психологический портрет грабителя и определить, когда тот говорит правду, а когда лжет. Это и расположило к нему Алену. К сожалению, он слишком явно, как на Аленин взгляд, пытался ей понравиться, но это она ему простила. В конце концов, он преследовал определенную цель — склонить Алену к сотрудничеству. И это ему удалось, но не «ужимками и прыжками», а проявленным профессионализмом. Алена уважала профессионалов.

Утром она хотела предложить Сойку проанализировать ее сон, но по здравом размышлении пришла к выводу, что этого делать нельзя: из человека, от расположения которого Сойк в данный момент зависит, она превратилась бы в его пациентку — человека, зависящего от Сойка. Такая метаморфоза ей претила: Сойк должен знать свое место и не обольщаться. Сказать же, что сон не ее, а «дяди Вани», тоже нельзя: Сойк сразу это поймет, и отнюдь не потому, что нюхом учует ложь, — она сама себя выдаст, изложив сон в мельчайших подробностях. Чужой сон невозможно пересказать в деталях, а в Аленном сне, она это чувствовала, важны именно детали, и ими нельзя было пренебречь. Так что от толкования снов и «гаданий на кофейной гуще» пришлось отказаться.

В начале восьмого она приехала к Светику. И не успели подруги обменяться мнениями «о международном положении и видах на урожай озимых», как прибыл Андрей. Светик предложила провести «заседание» у нее, мотивируя свое желание тем, что она соскучилась по родным пенатам, ночуя «у людей, по чужим подворьям». Алена поддержала Светика, и Андрею пришлось согласиться ввиду подавляющего превосходства голосов.

Поскольку кворум был налицо, Алена открыла заседание сообщением о покраже ее движимого имущества по месту основной работы, а также о взломе ее компьютера. Сообщение произвело впечатление, но свежих идей не породило.

Потом она предложила высокому собранию свои выкладки на трех страницах, написанных по дороге к Сойку. Выкладки вызвали дебаты:

— Грабитель однозначно связан с преследователем — их объединяет «ты труп», которое грабитель произнес первым, а преследователь подхватил эстафету, навестив его в больнице, — настаивала Светик.

— Не обязательно: преследователь был на остановке в день ограбления, услышал, как грабитель произнес свою угрозу, она ему понравилась, и он взял ее на вооружение. Это один вариант. Второй: не грабитель, а преследователь произнес «ты труп», но Алена приписала эти слова грабителю, — не согласился Андрей.

— Я не думаю, что ищут «однозначно» информацию. Кража дисков и бумаг из твоего стола, а также взлом компьютера — все это может быть не более чем «дымовой завесой», чтобы ты именно так и думала, тогда как ищут что-то другое, — опять взяла слово Светик.

— А что если вас, Алена, хотят просто деморализовать? — высказал предположение Андрей.

— Деморализация может быть только сопутствующей задачей, но не основной. Замки, угрозы — это, безусловно, деморализующий фактор. Другого объяснения не существует, — уточнила его предположение Алена.

— Или же другое объяснение существует, но мы его не знаем, потому что не знаем, чего от вас хотят, — теперь Андрей, в свою очередь, конкретизировал ее уточнение.

— Но кому и зачем нужно доводить меня до психушки?! — Алена корректно выплеснула малую толику своих эмоций на присутствующих.

— Не знаю, может быть, такую цель они не ставят, а хотят вас просто запугать. — Андрей осторожно ступил на зыбкую почву умозрительных спекуляций: — Алена, а возможно ли такое: вы что-то знаете, что можете разгласить (неважно каким образом),

но кто-то этого не желает и, запугивая, пытается таким образом вас остановить.

Алена задумалась. Мысль была свежая, неожиданная и оригинальная. Ее единственный недостаток заключался в том, что Алена Ермилова не владела никакой такой информацией. Ко всеобщему огорчению, обсуждение не внесло ясности в обстоятельства дела. Напротив, участники дебатов получили эксклюзивную возможность понаблюдать, как у них на глазах крепчает туман, за которым и раньше мало что можно было разглядеть.

Далее на рассмотрение была вынесена «информация», полученная Аленой от Сойка. Свое выступление Алена начала так:

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели. Сойк безапелляционно заявил, что нападение совершил человек, голос которого он слышал на кассете: грабитель сначала категорически отрицал, что видел меня, а через несколько минут описал нашу встречу на остановке и не увидел в этом противоречия. Сойк сделал вывод: грабитель отрицал, что когда-либо видел меня на аллее, где совершил нападение, но он не отрицал, что спустя непродолжительное время видел меня на остановке. Здесь, по мнению Сойка, можно выделить два важных момента: аллея и остановка.

— Алена, тебя, случайно, не «заносит»? — осторожно поинтересовалась Светик.

— Нет, я тоже думала, что Сойка «несет», когда он говорил мне это. Но вы послушайте дальше!

Дальше, по внутреннему убеждению Алены, шли замысловатые психологические выверты, способные густо припудрить мозги слушателям и ни на шаг не приблизить их к решению вопроса. Спекуляции содержали множество полезнейшей информации, единственным недостатком которой являлась зыбкость почвы, на которую эта информация опиралась. Однако это не умаляло заслуги Сойка — его выводы могли оказаться абсолютно правильными, но выяснится это только после поимки преступников. Всего этого Алена говорить не стала, как и того, что психология — не дактилоскопия, и ее выводы иные не только по содержанию, но и по своей природе. Они не однозначны, ни к чему не обязывают и, самое главное, позволяют Алене блес-

нуть эрудицией в той области, в которой никто из присутствующих не разбирался и не мог выступить ее оппонентом. Алене же очень хотелось реабилитироваться в глазах Андрея после проявленной ею вчера непробиваемой тупости — пусть увидит, что она совсем не такая безнадежная дура, как это могло показаться при первом знакомстве. Ее вчерашнее «вам нравится Клинт» (и далее по тексту) сидело занозой в мозгу и требовало реабилитации.

— Мы слушаем, говори же, — поторопила оратора Светик.

— Сначала задание: найдите два существенных различия между этими двумя пунктами — аллеей и остановкой. Ищите! — и Алена откинулась в кресле с видом человека, осознающего свое превосходство над прочими смертными.

— Одно место находится в парке, другое — за его пределами. Это лежит на поверхности, — Светик не скрывала своего разочарования «детским» вопросом.

— Вот! Это лежит на поверхности! А я спрашиваю о том, что лежит не на поверхности, а в глубине.

— Не томи. Знаешь — говори! — «публика» в лице Светика начинала проявлять признаки нетерпения.

— Ладно, так и быть, поясню. Одно место (остановка) — социально адаптированное, другое (аллея) — нет.

— То есть?

— То есть наш бандит имеет ярко выраженную социальную адаптацию — он признает себя полноправным членом общества. Он, не задумываясь, связывает себя со мной на остановке, но отказывается связать нас обоих с аллеей!

— Еще бы! Если «свяжет» — получит срок! — Светик демонстрировала полное незнание основ психоанализа и сопутствующих ему научных дисциплин.

— Нет, не поэтому. Срок — это вторичное. А мы говорим о первичном. О мотивации. Так вот, у него не асоциальная, а социальная мотивация. Он не отделяет себя от общества. Ты удивишься, узнав, что в данной ситуации мы с ним вели себя почти одинаково. Но не думай, что это «почти» — в мою пользу. Нет, в его!

Алена сделала паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. Эффект был. Правда, не такой, как у Копперфилда, но ведь она

не умыкала у них на глазах статую Свободы и не возвращала ее на место! Насладившись вволю, Алена продолжила:

— Начну с поведения, потом перейду к мотивации. До нападения — мы оба идем по парку, который для того и предназначен. Нападение — он нарушает общественные нормы, я — нет. Сразу после нападения — мы оба действуем как социальные, общественные личности: мы нуждаемся в помощи и, не задумываясь, бросаемся к людям, туда, где, по нашему глубокому убеждению, мы только и можем ее получить. Спустя незначительное время после нападения — он дает мне сто очков вперед, поскольку обращается в «скорую», а я не обращаюсь в милицию, куда должна была обратиться. Он последовательно придерживается социальной линии поведения, а я — нет. Во мне проявляется атавизм — чувство стаи. Я обращаюсь к своему непосредственному окружению — стае (стая, Светик, — это вы с Саней) — и тем самым исключаю себя из членов общества. Я проявляю модель поведения, которую должен был проявить грабитель, позвонив не в «скорую», а своим дружбанам. Мы поменялись местами!

— Меня это не удивляет, Алена. Я всегда усматривала в тебе склонность к нарушению законности и правопорядка, а также к попранию норм общественной морали!

— Благодарю, Светик, для нас сейчас представляет интерес все, что касается меня и грабителя. Однако продолжу. Нападение я прокомментирую позже, сейчас перехожу к мотивации.

— Давно пора.

— Светик, придерживайся социальной модели поведения! Хватит с нас и меня! Итак, мы входим в парк. Моя мотивация — подышать свежим воздухом и полюбоваться красотами природы. Его — это вопрос, но грабитель появился там явно не для того, чтобы дышать воздухом. Его мотивация может быть асоциальной. Далее, я его не провоцирую, но он на меня нападает, проявляя тем самым асоциальную модель поведения, но руководствуясь при этом мотивами, которые могут и не быть асоциальными.

— Стоп! Алена, будь проще и говори на доступном народу языке! — не выдержала Светик.

— Хорошо, Светик, воля народа для меня — закон. Но должна предупредить, когда я опрощаюсь, когда с головой ухожу

в гущу народную и начинаю изъясняться на доступном народу языке, я говорю стихами — например такими:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя.

— Итак, нам, говоря «народным» языком, следует определить, кто у нас «зверь», а кто «дитя». Суть состоит в том, что, нападая на меня, наш грабитель руководствовался не личными мотивами. Ему лично от меня ничего не было нужно. И ему была крайне неприятна роль, которую пришлось играть, — роль грабителя. Он не хотел быть причастным к тому, что делал. Поэтому он и смотрел не на меня, а куда-то вдаль, тем самым выражая свою внутреннюю отстраненность от происходящего. Этим объясняется и его в целом лояльное отношение ко мне — он не проявлял насилия ко мне лично. Его насильнические действия были направлены на конкретный объект — на мою сумку. Он хотел отобрать ее у меня, и только. Если бы я отдала ее — он бы повернулся и скрылся. Поэтому он и молчал во время «отнятия» сумки — с сумкой не разговаривают, а меня для него как бы и не существовало. Он имел дело только с сумкой, но не со мной. А теперь вопрос. Почему он совершает деяние, которое считает неприемлемым для себя? Ответ: его либо наняли для выполнения работы, либо убедили. Пока рассмотрим вторую возможность. Его убедили, что его действия правильны.

— Кто убедил? — опять проявила нетерпение Светик.

— Тот, или те, кто имел право давать ему поручения, даже такие. Очень вероятно, что грабитель согласился выполнить работу — а отнятие сумки следует рассматривать как работу, — только потому, что данная работа не вступала в непримиримый конфликт с его моральными принципами. Иными словами, ему дали такую информацию, которая примирила его принципы и его самосознание с его действиями в парке.

— И что же это могла быть за информация? — поинтересовалась Светик.

— Ему, например, могли сказать, что сумка, или то, что в ней, мне не принадлежит и что я завладела этим незаконным путем. Возможно также, что к этому присовокупили, что я собираюсь воспользоваться этим во вред кому-то, стремясь к личной выгоде или осуществляя месть.

— А на чем основаны такие выводы? Я о его моральных принципах, — недоумевала Светик.

— На его словах. — Алена достала диктофон, нашла нужное место и усилила громкость. — Фрагмент нашей сегодняшней с ним беседы:

«Послушай, ты, я вижу, не понял. Поэтому объясняю еще раз — как для особо одаренных. Суду твое признание не требуется — ты так “наследил”, что уже не отопрешься. Так что будет лучше, если ты скажешь правду.

— Сама скажи правду.

— Я говорю правду, и ты это знаешь.

— Да, правду я знаю. Ты видела меня на троллейбусной остановке, куда я долго, очень долго полз — потому что был ранен. И там я оказался раньше тебя. Понимаешь? Меня ранили, я долго полз, терял сознание, но из парка выбрался гораздо раньше тебя. Ты видела, как я стоял, привалившись к ларьку, и нуждался помощи. Ты прошла совсем рядом, глянула на меня, притормозила, я протянул к тебе руку, потерял равновесие, ухватился за твою сумку, чтобы удержаться на ногах... Вот как было дело».

— Он совершенно ясно и недвусмысленно дал мне понять, что знает правду, которую я, по его мнению, скрываю. И знание этой «правды» примирило его с необходимостью отнять у меня сумку. Более того, вы слышали его интонации, — он полагает, что я больше, чем он, должна бояться «правды».

— Да, это похоже на правду, — сказала Светик, и присутствующие сначала замерли, пораженные глубиной мысли и четкостью формулировки, а потом расхохотались.

— Что похоже на правду? Что его ввели в заблуждение или что я больше него должна опасаться правды? — поинтересовалась

Алена и продолжила: — И еще один маленький моментик. Он касается нашей драчки на аллее.

— Ничего себе «драчка», если после нее человек оказался в реанимации! — ахнула Светик. — А что же тогда «драка»?!

— Не придирайся к словам, я хочу сказать, что он легко мог из меня оmlет сделать, но не сделал.

— Так ты же его «вырубил»!

— Он мог этого не допустить. Он сам мог меня «вырубить», еще когда был у меня за спиной. Что ему мешало стукнуть меня сзади по голове? Ничего. Но ему это и в голову не пришло. А как он вырывал у меня сумку? Да он мог одним рывком сорвать ее с моего плеча. Он же дергал ее, и сначала не так чтобы сильно, хотя забирать нужно было именно сразу, со спины, когда я еще не ожидала нападения и не была к нему готова. Так вот, мы оба не были готовы к этой бандитской разборке. Ни он, ни я. И очень даже может быть, что я смогла его покалечить только потому, что он отдал инициативу мне.

— Круто, Алена! Что круто, то круто! Фрейд, думаю, в гробу перевернулся, и не один раз, пока ты все это излагала. А твой Сойк, случайно, не сказал, чего от тебя хотят и кто за этим стоит?

— Алена, вы сказали: «Он отдал инициативу мне». Что конкретно вы имели в виду? — подал голос Андрей.

— Грабитель делал то, что должен был делать, но относился к этому формально. Например. Он меня сильно толкает в ключицу, я падаю (но только потому, что была на высоких и неустойчивых каблуках) и тяну его за собой. И он поддается: он не выпускает ручку сумки, и она увлекает его за мной, хотя он гораздо массивнее меня и мог не только сохранить вертикальное положение, но и, не прилагая усилий, только удерживая в руке ручку сумки, отобрать ее у меня. Потому что сумка сама соскользнула бы у меня с плеча и оказалась у него в руках. Если бы он не «повлекся» за мной. Но он «повлекся». И тут я, объятая ужасом и отчаянием, наношу тот ужасный удар.

— Вот мы и выяснили, кто у нас «зверь», а кто — «дитя», — подвела итоги Светик.

— Да, удар был сильный, — согласился Андрей.

— Я не хотела ни убивать его, ни калечить! Но я была в панике, я понимала, что если я сама себе не помогу, никто мне не по-

может. Я думала, что бандит убьет меня, и никто не сможет ему помешать! Некому! Мы были вдвоем на пустынной аллее — и ни души вокруг! Я звала на помощь — но меня никто не услышал. И не пришел.

— Вы так думаете? Вы по косточкам разложили грабителя, разобрались не только в его поведении, но и в его мотивах, а на главное внимания не обратили.

— На что?

— Вы по-прежнему все видите в неверном свете, как и тогда, когда полагали, что вас преследует грабитель — то есть именно тот человек, который напал на вас в парке.

— Я вас не понимаю, — Алена кривила душой, она догадывалась, что имел в виду Андрей.

— Вы полагали, что в ситуации задействованы двое — вы и грабитель, и больше никого. Оказалось, что вас преследует не грабитель, а другие люди. Но поначалу вы этого не видели, как не видите, что на ваш крик о помощи откликнулись — помощь к вам пришла. Как думаете, кто ее послал?

— Там, в парке, где я звала на помощь, — на помощь ко мне никто не пришел.

— Если бы никто не пришел к вам на помощь в парке, в реанимации лежали бы вы, а не ваш обидчик (при всем его лояльном к вам отношении), — очень мягко и вкрадчиво заметил Андрей и продолжил: — Скажите, как часто налетчики бывают лояльными к своим жертвам? А этот действительно был удивительно «нежен» с вами. Вы объяснили это тем, что он внутренне не был готов к насилию. А может, Кто-то удерживал его от проявления насилия? Может, Кто-то взывал к его совести? Может быть, в его душе шла борьба, и поэтому он был такой нерешительный? Так с кем он боролся в своей душе? С вами? Нет, с Кем-то, Кто может обращаться к душе напрямую, без слов и сквозь заградительные барьеры разума. Тогда в парке с грабителем сражались двое: вы и Бог. Вы боролись за себя и за свою сумку, а Бог боролся с грабителем за вас и за него самого, за его душу, чтобы он не погубил ее. И победителем из той схватки вышли не вы, Алена, а Бог. Он защитил вас обоих. Вы оба не пострадали: грабитель не убил вас, вы не убили его, и вы оба имеете возможность прийти к Богу — хотя бы для

того, чтобы поблагодарить за то, что Он сделал для вас двоих на той пустынной парковой аллее.

15

Слова Андрея навяли на Алену тоску: «Мы, возможно, друзья, но не единомышленники — мыслим мы по-разному. Светик правду говорила: верующие воспринимают мир иначе. Там, где, я знаю, были двое — я и грабитель, — они явственно видят Третьего! Но в словах Андрея хотя бы логика просматривается и их можно умом понять. А Светик — та вообще уверена, что грабителя послал Бог, чтобы таким образом обратить на Себя мое внимание! Как просто было с Сойком!»

А тем временем собрание пришло к выводу, что обсуждать «домашнее задание» — выявленные ими противоречия в «деле» — не имеет смысла: это дело слагалось из сплошных противоречий и ничто ни с чем не согласовывалось. Ясно было одно: неизвестной группе лиц нечто надо от Алены. И они уверены, что это загадочное «нечто» у Алены есть. Оставалось выяснить, что собой представляет это «нечто» и кто за ним охотится. Причем, второе могло проясниться автоматически после выяснения первого.

— Но я не знаю, что это может быть! — в который раз повторяла Алена.

— Думай! — настаивала Светик.

— Да что тут думать?! Если бы у меня была какая-нибудь ценная информация, я бы о ней знала. А если бы забыла, то имела время вспомнить — Саня меня об этом же спрашивал еще третьёва дня. Но я ни тогда, ни теперь ничего такого вспомнила. Такую информацию, разглашения которой кто-либо мог не желать, я давным-давно разгласила. Все стоящее, что когда-либо попадало мне в руки, было обнародовано — напечатано в газете. Нет у меня такой информации, нет документов, нет ничего, что могло кого-либо заинтересовать.

— А над чем ты сейчас работаешь?

— Над психоанализом. Но ты же не думаешь, что все это затеял Сойк, чтобы воспрепятствовать публикации статьи о нем и его методе!

— Я спрашиваю совершенно серьезно.

— Светик, если бы я над чем-то таким работала, думаю, я бы знала об этом. Но я ничего такого за собой не знаю. В этом направлении искать не стоит — здесь тупик. И мы в него уже уперлись. Надо поворачивать, но куда — не знаю. — Алена уже устала объяснять очевидное, а Светик все никак не могла понять. — Светик, я не из числа продажных конъюнктурщиков. Но я также не принадлежу к журналистам, готовым душу отдать за сенсацию. Я не гоняюсь ни за «Уотергейтом», ни за полтергейстом. У меня другие приоритеты. И мои приоритеты исключают возможность той ситуации, в которой я оказалась.

Дав исчерпывающую отповедь Светику, Алена обратилась к Андрею:

— Андрей, а что вы думаете?

— Я вас слушаю: вдруг вы скажете что-то такое, чему сами не придаете значения, но что может оказаться важным.

— И я сказала что-либо такое?

— Не знаю, пока не знаю.

— Значит, не сказала, иначе бы знали. Сколько слов было выпущено — и все впустую! — Алена позволила себе невесело улыбнуться. Ее тоска росла и крепла, к ней присоединилась обида на всё и вся, за то что они с Андреем по-разному смотрят на мир, за то что между ними пропасть, которую Андрей этим вечером хорошо раскопал — углубил и расширил. И ей вдруг захотелось дать ему «заступ» в руки — пусть еще покопает, пусть... Пусть! И она прочла, отрешенно и грустно, как бы в дополнение к замечанию о пустых словах:

Может быть, сеятель звезд
в ночи, обители снов,
вспомнит забытый мотив, возьмет
аккорд на лире веков,
и к нашим устам прихлынет волна
немногих истинных слов²⁸.

---

²⁸ Антонио Мачадо «Может быть, сеятель звезд...» Перевод В. Столбова.

Андрей не обманул ее ожиданий и поймал «заступ» на лету:

— Сеятель Звезд давно уже взял аккорд на лире веков, и не в ночи, не в обители снов. И звучит аккорд, не умолкая, две тысячи лет: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть, И в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». Евангелие от Иоанна, — пояснил Андрей то ли Алене, то ли собственным мыслям.

«Копай, Андрей, копай. Ты уже не пропасть, ты могилу мне роешь. — Ей опять, в который раз за этот день, захотелось плакать. — Какой прекрасной могла быть жизнь...» И здравый смысл, и голос разума, и чувство самосохранения дружно промолчали — что тут скажешь?! А сердце любило, а сердце страдало, а сердце болело... И душа, исходя болью, беззвучно кричала — крик пульсировал в висках строками, выстраданными задолго до Алениного рождения Миррой Лохвицкой:

Я хочу быть любимой тобой
Не для знойного сладкого сна,
Но — чтоб связаны вечной судьбой
Были наши навек имена.

Этот мир так отравлен людьми,
Эта жизнь так скучна и темна...
О пойми, — о пойми, — о пойми,
В целом свете всегда я одна.

Я не знаю, где правда, где ложь,
Я затеряна в мертвой глуши.
Что мне жизнь, если ты оттолкнешь
Этот крик наболевшей души?

Пусть другие бросают цветы
И мешают их с прахом земным,
Но не ты, — но не ты, — но не ты,
О властитель над сердцем моим!

И навеки я буду твоей,
Буду кроткой, покорной рабой,
Без упреков, без слез, без затей.
Я хочу быть любимой тобой²⁹.

Вечер вырुливал куда-то не туда, и Алена заторопилась уходить — дневную порцию душевных страданий она уже получила, и добавки ей не хотелось. Она демонстративно посмотрела на часы:

— Ой, я и не подозревала, что уже так поздно! — «Поздно, Ермилова, поздно, — отозвался здравый смысл. — И сразу было поздно, с самого начала. Головой надо думать — для того она и дадена». — Извините, Андрей, я бесцеремонно отняла у вас столько времени всеми этими глупостями. Надо и честь знать. — Алена боялась, что, чего доброго, все-таки заплачет и зарыдает — весь день к этому шло — и в одночасье потеряет и себя, и свое достоинство, и ту самую честь, которую надо знать... Умом она понимала, что причины для слез нет — они с Андреем едва знакомы, и любви просто неоткуда взяться. Но она любила этого «брата» так сильно, как сорок тысяч сестер любить не могут³⁰ — и хотела плакать, возможно, от избытка чувств, которых было слишком много для нее одной и которыми ей не с кем было поделиться, — Андрею до них, похоже, дела не было. А ни с кем другим она делиться не хотела. Вот и плакалось в душе. Пока что лишь в душе, но...

— Алена, — Светика «озарила» идея, и она торопилась поделиться ею, — а что если кто-то просто хочет «достать» тебя, отравить тебе жизнь так, чтобы ты жить не захотела?

— То есть хочет довести меня до самоубийства?

— Ну, может быть...

— Светик, у меня нет таких врагов, — Алена, сама того не желая, сделала ударение на слове «врагов» и подумала об Андрее — он не враг, но со свету ее сживает! — Да и потом, разве я похожа на человека, которого можно довести до самоубийства? Нет, я не

---

²⁹ Мирра Лохвицкая «Я хочу быть любимой тобой...»

³⁰ Вильям Шекспир «Гамлет», слова принца Гамлета Лаэрту, брату Офелии: «Я так любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут».

шизоидная героиня Акунина³¹, и меня такими штучками не проймешь! У меня иммунитет (хоть к этому иммунитет остался!) к суициду и идиосинкразия на слово «самоубийство» и все его синонимы. Если кто-то добивается именно этого — его ждет разочарование. Хотя бы потому, что еще не придумали такого способа самоубийства, который бы мне подошел, — она говорила, адресуя свои слова Андрею, и сожалела, что он их не поймет, не сможет понять. — Ну все, Светик, но мне пора — надо поработать над статьей о психоанализе. — Алена решительно встала и направилась к двери.

— Алена, я вас отвезу, — Андрей встал следом за ней.

— Андрей, я вам очень признательна, однако не стоит беспокоиться, я прекрасно доберусь на такси.

Но Андрей был непреклонен:

— Об этом не может быть и речи. Если вы не хотите, чтобы я вас отвез, — оставайтесь у Светы, но одну вас я не отпущу. Света, ты не против, если Алена у тебя переночует?

— Алена, оставайся, — Светик не только не была против, она искренне обрадовалась такому Соломонову решению.

— Нет, спасибо, Светик, мне надо домой.

— В таком случае, я вас отвезу. У вас нет выбора, Алена, — улыбнулся Андрей.

«Точно, нет выбора и нет выхода, — мысленно, только мысленно — не вслух, — согласилась с ним Алена. — Надо держаться. Я буду держаться, и я выдержу все. Может быть. Как там у Лохвицкой?»

Избрав свой путь, я шествую спокойно.

Ты хочешь слез моих?

Мой стих звучит уверенно и стройно, —

Ты не увидишь их...»³²

Андрей не хотел ее слез — Алена это понимала, просто так уж получилось, что днем ее настроению были созвучны стихи Ахматовой, а вечером Ахматову заступила Лохвицкая. Ну а слово, как известно, из стиха не выбросишь!

---

³¹ Имеется в виду роман Б. Акунина «Любовница смерти».

³² Мирра Лохвицкая «Избрав свой путь...»

Алена решительно взяла себя в руки с твердым намерением впредь держать себя в руках и не выпускать из рук. Ей это вполне удавалось, пока они с Андреем не вышли из подъезда прямо под дождь — мелкий, осенний, тоскливый. И тут Алене стало невмоготу: «Мало того, что я опять «наедине с любимым», так еще этот дождь, от которого волком выть хочется». Дождь ни в чем не был виноват, и волком выть Алене хотелось по другой причине. Дождик — лишь «предлог душе бесталанной всплакнуть под шумок»³³.

«Ну почему я такая бесталанная?! Это же надо — чтобы между нами встала не соперница, а Бог! А если притвориться, что верую? Тогда... Нет, никакого «тогда» не будет. Это несерьезно — притворяться. Да я и не смогу. О как же мне горько и одиноко! Я словно унесенная ветром — от прежней жизни остались руины и пепелища. Я птица фламинго, отбившаяся от стаи, я сорванный в чаше листок — и меня уносит ветер».

Возможно, Алена еще долго причитала бы на манер хора в античной трагедии, но образ сорванного листка, уносимого ветром, вызвал смутные ассоциации и переключил ее мысли на прояснение этих ассоциаций — видимо, давал о себе знать разум, еще живой, хотя и погребенный под лавиной чувств. Ну и, само собой, сказывалось недавнее общение с Виктором Сойком.

«Кто писал о сорванном листке?» — И она принялась торопливо рыться в памяти, чтобы найти ответ на «запрос», пока запрос не отпал сам собой вследствие утраты актуальности. Память услужливо предложила:

Издалека льется тоска
Скрипки осенней...

«Нет, не то, — отмахнулась Алена. — Стихи те, перевод не тот. Есть другой, более подходящий к моим теперешним обстоятельствам. Здесь тоска льется издалека, а у меня она близко, рядом — сидит в машине слева от меня и молчит. Так, а вот этот:

---

³³ Поль Верлен «И в сердце растрava...» Перевод Б. Пастернака.

О струнный звон,
Осенний стон...³⁴

Нет, тоже не то, здесь последняя строка — «лист увядший».
Это не про меня сказано. Думай, думай...

Осени стон
Как похорон
Звук монотонный...³⁵

Нет, не подходит. Мне рыдать хочется, а там дальше — «за
окном плачется сонно»... Нет, это совсем не в тему. Никак. Но
заканчивается этот перевод, насколько я помню, неплохо:

Я — одинок!
Словно листок
Ветер уносит.

Неплохо, но все равно не то, что мне сейчас надо. Есть дру-
гой вариант. Вспоминай, вспоминай... Надрывный такой...
Вспомнила! Вот он:

Осень в надрывах
Скрипок тоскливых
Плачет навзрыд,
Так монотонны
Всхлипы и стоны —
Сердце болит.

Горло сдавило,
Пробил уныло
Тягостный час.
Вспомнишь, печаясь,
Дни, что промчались, —
Слезы из глаз.

---

³⁴ Поль Верлен «Осенняя песня». Перевод Ф. Сологуба.

³⁵ Поль Верлен «Осенняя песня». Перевод В. Брюсова.

Нет мне возврата,
Гонит куда-то,
Мчусь без дорог —
С ветром летящий,
Сорванный в чаще
Мертвый листок³⁶.

Удовлетворенная результатами поиска, Алена почувствовала себя лучше — как всегда после хорошо выполненной работы. «Молодец, Ермилова, когда молодец, тогда молодец», — похвалила себя, зная, что никто другой за нее это не сделает — в смысле, не похвалит. Все приходится самой...

Аленины мысли немного отвлеклись от Андрея и причиняемых им страданий, но тут Андрей, то ли по причине затянувшегося молчания, то ли с некоторым запозданием настроившись на Аленину волну, нажал на клавишу, и зазвучала песня — с того самого места, на котором вчера оборвалась:

Я знаю, что найду Твои следы
Лишь там, где людям тяжело, лишь там, где ищут света,
Где боль людей безмерной глубины.
Веди меня и дальше, Господь из Назарета,
Пусть там, где мне пройти Тобой дано,
Не будет обделенных, не будет несогретых,
Твой свет во мне пусть светит горячо.

«Я не вижу Твоих следов, а мне тяжело и больно, и боль моя безмерной глубины... Или, может, моя боль для Тебя — не боль? Любить надо Бога, любить надо людей... А одного человека, одного единственного, можно любить? Молчишь... Наверное, нельзя...» — Алена спрашивала и сама себе отвечала. А от кого еще ей было ждать ответа?! Бог молчал...

«А может, Господь из Назарета так же близко ко мне, как и Андрей, — только руку протянуть? — мелькнула вдруг мысль, навеянная, вероятно, песней. — Нет, протяну руку, ухвачу, крепко ухвачу, изо всех сил, а разожму — и в руке ничего не

---

³⁶ Поль Верлен «Осенняя песня». Перевод А. Ревича.

окажется, как у мальчика, что пытался во сне ухватить коня за гриву...»

Приехали. Алена вышла из машины, Андрей, чуть замешкавшись, вышел за ней. Протянул Алене кассету:

— Возьмите, Алена, послушайте...

— Спасибо.

Вошли в подъезд, поднялись лифтом, вышли из него, подошли к двери Алениной квартиры. Алена, наученная горьким опытом последних дней, с облегчением вздохнула, увидев, что дверь на месте и, на первый взгляд, не заколочена. Она достала из сумки пульт, нажала на кнопку и толкнула дверь, готовая ко всему, но дверь, как и положено ей, открылась. Алена не хотела, чтобы Андрей заходил, — а он, похоже, и не собирался. Она обернулась к нему:

— Все в порядке: дверь не только цела, но даже открывается! Спасибо, что проводили, — яснее сказать нельзя, она надеялась, что он поймет: его не приглашают войти. А он и не проявлял желания переступить порог:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Лифт, которым они приехали, остался на этаже, но Андрей к лифту не пошел — стал спускаться по лестнице. Алена вошла в квартиру, закрыла за собой дверь и опустила сумку на пол. Она привыкла к автоматическому замку, который сам защелкивался и которого сейчас в двери уже не было, и не подумала запереть замок, врезанный Саней, просто притянула дверь и потянулась к выключателю. В прихожей, под потолком, вспыхнул свет. Алена прошла через прихожую, вошла, не снимая плащ, в кухню, включила бра, налила воды в кофеварку, сыпанула, не глядя, кофе и пошла в комнату. Как была, в плаще, опустилась в кресло. В комнате было темно и тихо, слышно, как в кофеварке на кухне закипает вода. Или, может, ей это только кажется? «Как часто мы принимаем желаемое за действительное и идем на поводу у своих иллюзий, пока они не развеются, как дым, и тогда мы запоздало понимаем, что ничего нет, не было и не будет», — подумала Алена. Свет из кухни в комнату не проникал, и она смотрела перед собой в темную тишину. Наблюдала, как постепенно из глухой тени

проступают предметы — знакомая обстановка. Здесь она дома, здесь она у себя:

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома:
Цветы обоев, цепи книг..

Я старый пепел не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был³⁷.

Кофе скоро будет готов. Алена представила, как коричневая душистая капля срывается с носика кофеварки и разбивается о прозрачное дно стеклянной колбы. Потом капли зачестят, кофейная капля превратится в дымящуюся струйку, и колба наполнится. О как не хочется вставать и идти на кухню! Хочется сидеть в кресле, в темноте пустой квартиры и слушать тишину — в себе и вокруг себя. И вдыхать запах кофе... «Вставай и иди на кухню, сюда кофе тебе никто принесет», — вмешался здравый смысл, и Алена вынуждена была с сожалением признать, что он прав. Она пошевелилась, собираясь с духом, чтобы заставить себя пойти на кухню.

— Не вставай, я принесу кофе, — это был Саня.

Алена от испуга вскрикнула, сердце взметнулось и едва не вырвалось из груди, потом заколотилось, отдаваясь пульсом в висках.

— Не пугайся, это я, Саня.

Алена не могла прийти в себя — сердце билось так, словно Алена насильно удерживала его в груди, а оно рвалось на свободу. «Оно не выдержит и остановится. — Алену охватила паника, но она вспомнила, что паника — нормальное явление при нарушении сердечного ритма, так и должно быть. Надо только не поддаваться этому чувству и постараться успокоиться. И она стала повторять про себя: «Дыши ровно, дыши ровно, дыши ров-

---

³⁷ Валерий Брюсов «У себя».

но». Саня что-то ей говорил, но она не прислушивалась, сосредоточившись на дыхании.

Наконец сердце более или менее успокоилось и согласилось пока не расставаться с Аленой. Оно билось учащенно, но ровно, и к Алене вернулась способность мыслить, а вместе с нею и способность оценивать происходящее.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, и удивилась равному и спокойному звучанию своего голоса.

— Тебя дожидаюсь. Долго ты гуляешь как для женщины, которую бандит преследует. Я уже заждался. Вот книгу с полки взял, почитать. Это ничего? Ты не против? А то, знаешь ли, скучно, так я сидел и читал.

— В темноте?

— А зачем свет, если все наизусть знаешь? — удивился Саня и, словно для того, чтобы убедить Алену в правдивости своих слов, стал читать по памяти:

Восточный ветер.
Фонарь и дождь.
И прямо в сердце —
нож.
Улица —
дрожь
натянутого
провода,
дрожь
огромного овода.
Со всех сторон,
куда ни пойдешь,
прямо в сердце —
нож³⁸.

— Понимаешь, куда ни пойдешь — везде нож, — пояснил Саня.

«Как я не замечала, что он похож на большого черного овода?! — удивилась Алена. — Залетел в квартиру и жужжит». Она

---

³⁸ Федерико Гарсиа Лорка «Перекресток». Перевод В. Парнаха.

поняла: не из любви к поэзии прочитал ей Саня этот стих. Он выразился предельно ясно. Ни слова не говоря, она встала и направилась в сторону прихожей. Саня бросился ей наперерез:

— Куда? Назад!

— Сейчас вернусь, кассету возьму, — и Алена, не пытаясь ни вырваться от него, ни обойти, сделала рукой движение, словно просила отойти в сторону, и ждала, чтобы он ее пропустил. Просто стояла перед ним и ждала, абсолютно безучастная и к нему, и ко всему остальному.

Саня посторонился, и она вышла в прихожую. Он пошел за ней. Сумка стояла у двери, Алена наклонилась, взяла ее, достала кассету и вернулась в комнату, пройдя мимо Сани, стоявшего в дверном проеме между комнатой и прихожей. Она прошла мимо него, как прошла бы мимо шкафа, окажись этот шкаф в узком проеме, — боком, чтобы не задеть. Потом подошла к магнитофону, включила, вставила кассету, немного перемотала назад и нажала на пуск:

Благодарю Тебя, Господь из Назарета...

Внезапно Алenu осенила мысль: «А ведь в машине Андрей поставил песню с тех слов, которые я последними слышала. Он заранее перемотал ее и остановил на нужном месте. И в магнитофон вставил заранее, при мне только на «пуск» нажал». Алена собралась подумать, что бы это значило, но ей помешал голос Сани:

— Что это за фокусы? — Саня кивнул в сторону магнитофона.

Алена сидела и слушала песню, пока песня не прозвучала до конца. Тогда она встала, снова подошла к магнитофону, достала кассету, положила ее в сумочку, выключила магнитофон и вернулась в кресло.

— Я спрашиваю, что все это значит?

— Долго объяснять.

«Я с самого начала знала, что это Саниных рук дело, знала еще в тот вечер, когда позвала его и Светика. Это было так очевидно! Но я гнала от себя эту мысль, потому что Саня — мой друг, и не хотела, чтобы Андрей его заподозрил. А он не друг, и мне необходимо во что бы то ни стало выбраться из кварти-

ры... если я хочу еще хоть раз увидеть Андрея». От Андрея мысль плавно перешла к увиденному накануне сну: «А ведь сон в руку! И Саня «не настоящий», и пропасть совсем рядом... Мне бы серьезнее отнестись к этому сну — может, и не попалась бы в клетку». Слово «клетка» вернуло Аленины мысли к текущему моменту. А момент требовал не медитаций, а решительных действий.

Аленины мозги заработали на полных оборотах: «Так, я не слышала, чтобы кто-то вызывал лифт. Лифт, скорее всего, стоит на моем этаже. Но как добраться до него? В лучшем случае я смогу добежать до входной двери, и он настигнет меня, пока я буду отпирать замок. Замок... А я запираю дверь на замок? Нет, не запираю! Мне надо только добраться до двери, и если лифт на этаже... Он ворвется за мною в лифт. Я не успею пустить лифт вниз. Надо сделать так, чтобы он не смог броситься за мной вдогонку сразу же, чтобы он замешкался в комнате... Но как это сделать?»

Алена поняла, что Саня явился к ней за тем самым «нечто», о котором они говорили у Светика. И без этого «нечто» он не уйдет, иначе не читал бы стихотворение Лорки — очень красноречивое. Однако он не торопится говорить, за чем конкретно пришел, очевидно, полагая, что Алена знает. А она ничего не знает. Сказать об Сане или скрыть от него свое незнание?

— Мне долго еще ждать? — поинтересовался Саня и ответил Алене на ее вопрос: он считает, что ей известно, о чем идет речь. «Но почему он так думает? — недоумевала Алена. — А, какая разница?! Надо придумать, как его отодвинуть подальше от меня и от входной двери. Как, как это сделать? Есть! Пусть принесет стремянку». Стремянки у Алены не было, но в данном случае это не имело значения — Алена все равно не знала, что стала бы с ней делать, принеси ее Саня. Но у всех на свете стремянок есть одно большое достоинство, и это Алена знала абсолютно точно, — их хранят не на виду, а в укромных местах: в закутках, в кладовых, на балконах. В одно из таких укромных мест и надо направить Саню — подальше от входной двери.

— Принеси стремянку, — ровно и бесцветно сказала она. — Иначе мне не достать.

«Эх, знать бы, что именно я собираюсь доставать, где именно «оно» лежит и кто именно его туда положил! Вот смеху будет, если окажется, что Саня знает об этом таинственном «нечто» не больше моего, но стесняется признаться! Похоже на то! Он ведь до сих пор мне не сказал, что ему надо, только требует: «Отдай!» А что отдать-то, Саня?! Сказал бы, а? Ведь знать хочется! Вдруг отдам — а не то?»

— А где у тебя стремянка?

«Куда его отослать? В спальню или на балкон? Лучше бы на балкон, там его можно запереть. Он, конечно, разобьет стекло и выберется, однако это займет у него время, и я успею добежать до лифта. Но он может догадаться о подвохе и не пойти на балкон. Может, в спальню? Думай, Ермилова, — подстегивала себя Алена. — У тебя в доме может быть только одна стремянка и у тебя есть только одна попытка, чтобы сказать Сане, где она находится». И она решилась:

— На балконе.

— Идем со мной, покажешь.

— Не пойду. Сам найдешь, мой балкон — не лес, не заблудишься.

— А почему не пойдешь?

— Боюсь высоты. А если меня вынуждают выходить на балконы, я кричу. Громко.

— Не закричишь. Ты закомплексована, Алена, и ты не станешь кричать — побоишься показаться смешной. Ты можешь решиться на это только в чистом поле или в густом тумане, где тебя никто не видит и не слышит. А здесь кругом люди. Нет, не закричишь. А попытаешься — сброшу с балкона, — последнюю фразу Саня произнес как бы шутя, так взрослый дядя разговаривал бы с маленькой глупенькой девочкой.

— Я окажу сопротивление. А пока будем бороться, угадай, сколько раз я успею прокричать: «Мой убийца — Александр Бойко»?

— Ну какой же я убийца?! Я просто хочу научить тебя не бояться высоты.

— А еще ты хочешь научить меня летать.

— Сиди здесь — и не двигайся. Поняла? Не то улетишь. Обещаю.

«Как его запереть? Если увидит, что я встала с кресла, догадается и бросится к балконной двери. Ему с балкона к ней ближе, чем мне отсюда. Мне надо подобраться ближе к ней, но остаться в комнате, не выходить вместе с ним на балкон», — проанализировала ситуацию Алена.

Саня двинулся к балкону. Алена, не спеша, поднялась с кресла и начала спокойно расстегивать пуговицы на плаще, который все еще был на ней. Саня обернулся и прикрикнул:

— Я сказал: «Сидеть!»

— Пожалуйста, говори это своей собаке.

Алена продолжала расстегивать пуговицы, будто на плаще их было несколько десятков. Глянула насмешливо на замершего в нерешительности Саню и, наконец, «сдалась»:

— Хорошо, я пойду с тобой, — и она, все еще пытаясь расстегнуть «непослушную» нижнюю пуговицу, теребя ее обеими руками и глядя только на нее, медленно двинулась за Саней. Саня вышел на балкон, но не спускал глаз с Алены, которая, поглощенная «злополучной» пуговицей, уже «начинала нервничать» и дергала на себе плащ, пытаясь выдернуть «застрявшую» пуговицу из петли.

Алена опустила голову и делала вид, будто ничто, кроме пуговицы, ее в данный момент не интересует. Так она подошла к распахнутой настежь балконной двери. И как только Саня сделал несколько шагов по балкону, она резко толкнула дверь ногой, мгновенно опустила нижний шпингалет и бросилась вон из квартиры. Она услышала за спиной глухие удары, потом звон разбитого стекла. Алене стало по-настоящему страшно — Саня уже разбил окно, так быстро! «Господи!» — И нажала кнопку лифта.

Лифт стоял на этаже. Створки дверей разъехались в стороны. Она впрыгнула внутрь и тут же нажала на кнопку первого этажа. Только бы лифт успел двинуться вниз прежде, чем покажется Саня! Лифт закрыл двери и начал спуск. Саню Алена не увидела, но слышала: он опоздал на считанные секунды. «Все, спасена! — ликовала она. — Ай да Ермилова, ай да умница!»

Лифт был старый и не скоростной. Он мог «запоминать» не более одной команды, отменить которую можно было только изнутри и до того, как лифт начнет ее выполнять. Остановить

его на промежуточном этаже, при нажатой кнопке первого этажа, было уже невозможно — ни снаружи, ни изнутри. На это Алена и рассчитывала — Саня не сможет остановить лифт, и она благополучно спустится вниз, выбежит из подъезда и бросится на улицу. Там должны быть люди, там супермаркет, который работает круглосуточно.

О том, что лифт в Аленином подъезде движется очень медленно, знала не только Алена, но и Саня. Он бросился вниз по лестнице, Алена услышала его топот: Саня несся как оглашенный, перепрыгивая через несколько ступеней. И Алена поняла, что попала в ловушку: когда лифт опустится на первый этаж и распахнет двери, прямо перед собой она увидит Саню. Она не все учла — она не предполагала, что Саня может броситься за ней вниз. А там она окажется с ним один на один. Консьержа нет — уже месяц нет. Кричать и звать соседей бесполезно: никто не выйдет, даже если закричать «пожар» — теперь на эту удочку уже никто не ловится.

Лифт полз как черепаха, а Саня громыхал уже где-то внизу. «Что делать? Что делать?» — запаниковала Алена. — «Господи, скажи, что делать!» — «Прыгать!» — блеснуло в голове. Алена ясно осознала эту мысль, но не могла ее осмыслить. Куда прыгать, ведь она в лифте?! «Не думай, куда прыгать, а делай, что велено, — вмешалось чувство самосохранения. — Прыгай!» Вниз прыгнуть она не могла — некуда, оставалось только вверх. Но так она не выберется из лифта, и после прыжка ее все так же будут окружать панели лифта, испещренные нескромными граффити. «Прыгай! — вопило все внутри. — Не думай, прыгай куда прыгается, только скорее!» И Алена прыгнула — вверх. Едва ее ноги оторвались от платформы, как свет погас и лифт замер между этажами. Это произошло, когда она была еще в воздухе, и, приземлившись, она уже не увидела ни панелей, ни граффити на них. Кабинка погрузилась в крошечную тьму. Лифт застрял, и застрял основательно. Теперь можно перевести дух и подумать, что делать дальше. В крайнем случае, можно и покричать: жильцы не выйдут, однако Саню ее крик испугает. Но не надолго — увидит, что никто не спешит на помощь, и осмелеет. Чтобы добраться до нее, ему требуется только открыть наружные двери лифта. А это несложно, если есть ломик под руками.

«У него машина, и она припаркована где-то неподалеку. Он не поставил ее у подъезда, чтобы я, возвращаясь домой, не увидела ее, — Алена прислушалась: в подъезде было тихо. — Видно, пошел к машине. Если вернется — то с ломиком», — сообщила она. Сколько он будет отсутствовать? Пять минут? Десять? Сама, без помощи извне, она из лифта не выберется.

Сумка была при ней, и Алена стала на ощупь искать в ней мобильник. Надо позвонить в милицию. Нет, пока там расшевеливаются, Саня с ней разделается. Надо звонить Андрею. Но она не помнила его номер, надо искать в записной книжке, а в лифте темно. «Надо звонить Светику, а Светик пусть перезвонит Андрею и все ему расскажет», — здравый смысл вновь обрел себя и попытался руководить ситуацией, но, увы, Алена вспомнила, что в мобильнике сел аккумулятор и она так его и не заменила — открыла ящик стола и... И ей стало не до аккумулятора.

Алена бессильно привалилась к стенке лифта. Внизу слышались шаги: кто-то вошел в подъезд. Позвать на помощь? А вдруг это Саня? Она продолжала прислушиваться. Кто-то подошел к лифту и принялся настырно в него ломиться. За дверью раздавались звуки, однозначно говорившие о том, что с минуты на минуту Саня двери откроет. Алена едва не застонала от бессилия и безысходности: «Что делать?» — «Молись! — взыграл инстинкт самосохранения. — Зови Бога, больше звать некого. Молись! И молись без всяких там рефлексий и копаний в себе: веришь или не веришь — с этим потом разберешься! А сейчас молись!»

Алена упала на колени, подняла глаза вверх, туда, где за темной кабинкой лифта должно находиться небо, и обратила к нему свой зов. Она не молилась, как молились при ней Светик и Андрей, — она просто звала Бога и звала так, чтобы Он услышал ее, чтобы Он не мог ее не услышать. Она не думала о том, кто еще, кроме Бога, мог слышать ее отчаянный зов. Она звала Бога, и ничто другое ее не интересовало, потому что все, что не было Богом, для нее перестало существовать, переместилось в другое измерение. Мир сузился до тесной кабинки лифта, застрявшего между этажами, и в этом мире были только она и Бог. Даже те, кого она любила, кто был ей близок и дорог, оказались за гранью ее сжавшейся вселенной. Между ней и ними встал Саня. И разде-

лил миры. Но она знала, что Саня не сможет встать между ней и Богом, даже если откроет двери лифта. А он откроет, если не произойдет чуда.

Саня ковырял чем-то металлическим дверь, но Алёну это беспокоило все меньше и меньше. На нее снизошло такое спокойствие, что она вообще перестала воспринимать Саню в какой-либо связи с собой. Она уже ни о чем не просила, просто ждала, когда откроются двери лифта, потому что рано или поздно они должны открыться.

Алёне нечего было делать. Все, что могла, она сделала, — помолилась. И теперь от нее ничто не зависело. Она прислонилась к стенке и, не желая ни о чем думать, думала обо всем сразу: «Кто из древних сказал: “Твое дело хорошо сыграть порученную тебе роль, а выбор роли — забота другого”?»³⁹ Интересно, какую роль я сейчас играю и кто ее для меня выбрал? Одно знаю точно: сама я эту роль не выбирала и кого я играю — сие мне тоже неизвестно. Какой высший смысл в том, чтобы сидеть в лифте, да еще не “по воле рока”, а исключительно по собственной инициативе? Положим, это может быть ответ Бога на мою мольбу о помощи. От Сани Он меня защитил. Кстати о Сане. Что-то долго он возится с дверью! Будь у меня ломик или хоть какая-нибудь железяка, я бы уже давно отсюда выбралась. А он столько времени копошится, а толку никакого. Или это Бог ему не позволяет? Удерживает, как грабителя в парке? Скорее всего, так и есть. Сомневаюсь я, что Саня не способен справиться с таким пустяком! А ведь, если разобраться, Бог никак иначе не мог мне помочь. Что бы я сделала, если бы Он в ответ на мою молитву, скажем, извлек меня из лифта и переместил в мою квартиру? Я бы, первым делом, бросилась к телефону и позвонила в психушку с просьбой безотлагательно за мной приехать. А так все естественно: я в лифте, Саня за дверью, и дверь стоит как скала. Нет, вот это, как раз, неестественно. Саня уже должен был этот лифт по винтикам разобрать! Выходит, на моих глазах совершается чудо?! Иначе не назовешь! Господи, спасибо! Интересно, Саня удивлен происходящим? Если нет, то сколько времени ему понадобится, чтобы понять, что эту дверь ему не

---

³⁹ Изречение древнегреческого философа Эпиклета.

открыть? Жаль, темно, можно было бы время засесть. Вот Светик удивится! Нет, вряд ли. Она, должно быть, к таким вещам привыкла. Это мне они в диковинку. А Светик, наверное, и не такое видела! Интересно, а вот если бы я обратилась к Богу не в лифте, а раньше, когда только увидела Саню в своей квартире, тогда мне не пришлось бы сидеть в темноте между небом и землей? Бог устроил бы все иначе? А как же роль, которую надо сыграть? Хотя... про роль сказал философ, а не Бог.. Нет, сдастся мне, что все было бы так же, и роль осталась бы та же: роль человека, повисшего между небом и землей. Господи, я готова сидеть здесь до утра, если такова Твоя воля. Только, прошу Тебя, если этой двери когда-нибудь суждено открыться, сделай так, чтобы, когда это произойдет, за нею стоял не Саня. И спасибо Тебе». — «Ермилова! У тебя совесть есть? “Спасибо” ты говоришь, когда тебе талончик в троллейбусе закомпостируют, а тут Бог тебе жизнь спас — и ты Его тоже “спасибом” отблагодарить хочешь?! Когда о помощи просила, тогда всю душу в мольбу вкладывала, а теперь что? “Спасибо” — и все? Слов не находишь? А для новой просьбы — чтобы Сани за дверью не было — нашла?» — обличила Алену внезапно объявившаяся совесть. Алена была с ней — с собой — полностью согласна. Только что она, совсем того не желая, сформулировала причину подсознательного недовольства собой, которое пришло вместе с охватившим ее блаженным ощущением покоя. Надо бы поблагодарить Бога, но... Когда она в ужасе искала выход из безвыходной ситуации, тогда молитва к Богу казалась делом естественным. Да что там говорить, тогда Алена и не раздумывала над тем, что естественно, а что нет. Но теперь, когда напряжение спало, ей было неловко за ту Алену, которая горячо и отчаянно молилась Богу, в Которого при нормальных обстоятельствах не верила. Но Бог ответил на молитву, защитил ее от Сани — и продолжает защищать, Саня до нее добраться не может. С последним обстоятельством нельзя было не считаться, поскольку ничем иным, кроме чуда, его объяснить невозможно. И оно свидетельствовало в пользу Божьего вмешательства. Кроме того, где-то в глубине души Алена боялась прямо сейчас открыто усомниться в существовании Бога и гнала эти мысли: что если Он, оскорбленный ее неверием в Него и неблагодарностью за уже соделанное, пе-

рестанет удерживать дверь? Поэтому Алена, не вдаваясь глубоко в проблему, говорила: «Спасибо, Господи» — и не шла дальше. Но, в то же время, она понимала: пришла пора раз и навсегда определиться в этом вопросе. Не в той она ситуации, чтобы отрицать Бога — свою единственную надежду и защитника, однако и душой кривить нельзя, ни к чему хорошему это не приведет.

«Господи, я благодарна Тебе за Твою помощь. Но я не хочу лгать: есть во мне сомнения, не в Твоей помощи, нет, а в...» — Алена остановилась, не решаясь произнести: «А в Тебе Самом». Она не знала, насколько откровенной может быть с Богом, в Которого и верила, и не верила. Ощущение Божьей близости ушло, и вселенная, склонная, как известно, к расширению, вырвалась за пределы тесной лифтовой кабинки и обрела свои привычные размеры. Разумом Алена понимала, что лишиться Божьего заступничества в данный конкретный момент — это не просто глупость, а колоссальная, вселенская глупость. К тому же эта глупость может оказаться последней в ее жизни. И Алена пыталась балансировать, чтобы не сказать ни «да», ни «нет», потому что и то, и другое могло оказаться неправдой. Ей требовалось время, чтобы разобраться в своей душе. А времени у нее не было: Саня ломился в дверь... Но дверь держалась...

17

Сначала образовалась узенькая щелочка, через которую в лифт проник свет. И сразу за этим створки резко разошлись в стороны. К этому моменту Алена успела оттянуться в самый дальний угол, какой только смогла найти в лифте, рассчитанном на четырех пассажиров. Открытые двери позволили ей от констатации факта: лифт застрял — перейти к детальному исследованию обстоятельств дела.

Как известно, для освобождения из лифта «заложников», необходимо открыть две двери: наружную, принадлежащую не лифту, а лифтовой шахте, и внутреннюю — дверь лифта. Известно также, что лифт крайне редко застревает на этаже, обычно он это делает между этажами, чтобы таким образом усложнить спасательные работы.

Алена получила возможность убедиться, что и в данном случае лифт остался верен своей тактике. Часть кабины оказалась под этажным перекрытием, не дойдя до нижнего этажа, а другая ее часть, несколько меньшая, возвышалась над бетонной плитой, отделявшей этажи. Она также увидела, что двери шахты были открыты не на нижнем этаже, а на верхнем, из-за чего двери лифта превратились в окно, из которого в лифт лился свет. Окно было довольно высоко, и Алена, визуальнo измерив расстояние до него, подумала, что Саня может и не дотянуться до нее, если только не рискнет протиснуться в лифт. Это в какой-то мере успокаивало. Но кое-что удивляло: она абсолютно четко и ясно слышала, что Саня пытался открыть двери шахты не на верхнем, а на нижнем этаже — звуки доносились оттуда. Глазам же предстала совершенно иная картина, и ей нельзя было не верить. «Обман слуха», — подумала Алена, для которой такой поворот дела представлялся более благоприятным, поскольку с нижнего этажа Сане ничего не стоило бы до нее добраться. Алена удивилась, но не очень сильно, — и правильно сделала, поскольку сюрпризы только начинались.

— Алена! — услышала она голос Андрея и тут же увидела его лицо: Андрей, скорчившись, заглядывал в кабинку. Алена прижалась к стенке кабины, и свет на нее не падал. — Алена, вы здесь?

— Здесь, — голос, вероятно, осип от долгого пребывания Алены в лифте и звучал не так, как Алене хотелось бы.

— Протяните ко мне руки, я вас вытащу!

Алена бросилась к щели, в которую заглядывал Андрей и протягивал к ней руки, и сразу поняла, что ничего не получится. Образовавшееся сверху «окно» было небольшое, но Алена свободно через него проходила. Это было хорошо. Плохо было другое: быстро, одним рывком, Андрей ее не вытащит, а как только она оторвется от пола, лифт может прийти в движение. И тогда... Алене стало не по себе, когда она представила, что будет тогда. Она остановилась.

Андрей понял причину ее нерешительности:

— Не бойтесь, лифт не сдвинется с места, он заблокирован. Ну же, смелее, доверьтесь мне!

«Он мне сказал: “Я верный друг”...» — мелькнула в сознании Алены строка из Ахматовой, но она не стала на ней задержи-

ваться и протянула к Андрею руки. Андрей свесился внутрь лифта и подхватил ее под руки:

— Обнимите меня за шею и, когда я вас подниму, положите голову мне на плечо, чтобы не удариться.

У Алены едва ноги не подкосились. Она обняла его, как было велено, и готова была в таком положении провести остаток жизни, каким бы длинным он ни оказался. Но Андрей потянул ее на себя, и пол, в прямом смысле слова, ушел у нее из-под ног. Голова Алены оказалась на уровне щели, она прижалась лицом к плечу Андрея и едва не потеряла сознание — второй раз за последние двадцать четыре часа. Этому помешала все та же Анна Ахматова: «Как не похожи на объятия прикосновенья этих рук...» Алена почувствовала, что слезы задрожали у нее на ресницах, готовые брызнуть Андрею на плечо — естественная реакция на пережитые испытания.

Андрей «в связке» с Аленой отодвигался от лифта, и Алена выплывала за ним, вися у него на шее. Наконец она смогла стать сначала на одно колено, потом на другое. Освобождена!

Андрей еще склонялся над Аленой, обнимая и поддерживая ее. Алена, прижавшись к нему, еще стояла на коленях, а ступни ее ног свешивались с площадки в лифт. Она уже не доставала Андрею до плеча и прижималась щекой к его груди. Одной рукой она еще обнимала его за шею, а другой ухватилась за его руку, готовясь встать с колен.

«А ведь мы стоим как те двое на картине Климта, — озарило Алену. Она взглянула вверх и увидела склоненное к ней лицо Андрея. — Вот он, оригинал, который я хотела увидеть во сне... А вижу наяву...»

В голове вихрем закружили мысли, и голова тоже пошла кругом:

«...Женщина стоит на коленях, а мужчина наклонился над ней и то ли обнимает ее, то ли не дает ей соскользнуть с обрыва. Они стоят над обрывом, и ступни ее ног свесились в пропасть...»

Картина — это одно застывшее мгновение. А что последует за ним? Выпустит он меня или удержит? А может, подтолкнет в пропасть? Знаешь, легким движением руки... Все зависит от того, кто этот мужчина...

Знаешь что, Светик, если Бог покажет мне “оригинал” картины, но так, чтобы я лицо мужчины увидела как наяву, я в Него поверю. Клянусь!»

Я откроюсь тебе в неожиданный миг...

Вновь, словно из ниоткуда, возникла эта строка, но сейчас, Алена знала это абсолютно точно, слова относились к ней. «Ты открылся мне... Я в Тебя поверила. Клянусь! Не сомневайся во мне», — прошептала она свое кредо.

Она так и застыла — прижавшись к Андрею и устремив на него взгляд. Андрей тоже смотрел на нее. Потом, не отрывая глаз от ее лица, он наклонился и прижался к нему губами. «Это поцелуй, — подумала Алена, — это Поцелуй, но это не копия, и это не Климт, это наш с Андреем оригинал, наш подлинник, наш сюжет... Только наш с ним. Только наш... Спасибо, Господи, за Андрея!»

Возможно, они стояли бы так очень долго, целую вечность, если бы на лестнице не послышались шаги — суровая проза жизни вторгалась в возвышенный мир чувств. Андрей помог Алене подняться с колен, и они встали, плечом к плечу, готовые встретиться с кем угодно.

По лестнице спускался Саня. Очевидно, успел еще раз побывать в Алениной квартире. Это был сюрприз, во всяком случае, для Алены, которая никак не ожидала увидеть Саню: она о нем и думать забыла, он перестал для нее существовать в то мгновение, когда она услышала голос Андрея: «Алена!» И вот, оказывается, Саня не испарился и не улетучился, а спокойно и невозмутимо спускался по лестнице. Если бы Алена увидела на лестнице тень отца Гамлета, ее бы это меньше потрясло.

Саня поравнялся с ними и, как ни в чем не бывало, сказал, обращаясь исключительно к Алене:

— Ночевать тебе придется с разбитым окном, а завтра я вставлю стекло.

Казалось бы, минувший день должен был подготовить Алену к тому, что в жизни всегда есть место для сюрпризов, но, увы, к такому сюрпризу она готова не была. В чем откровенно призналась:

— Ну, Саня... У меня нет слов!

— А что? Еще что-то надо? Дверь в порядке, запирается... Однако я рекомендовал бы поставить еще один замок.

— От тебя?

— Замок «от меня»? Прямо как «од кутюр»! Нет, я замки не произвожу, купи «от любой фирмы». Только не экономь, возьми дорогой, а то, говорят, скупой платит дважды.

— Саня, объяснений не будет?

— А что непонятно?

— Всё! И начни, пожалуйста, со своего противозаконного проникновения в мою квартиру.

Андрей в разговор не вмешивался, однако интереса своего не скрывал.

— Противозаконного?! Ты дала мне запасной пульт от замка, чтобы я мог приходить к тебе в любое время дня и ночи, и когда тебя нет дома — тоже. А как бы я иначе открыл такой замок?!

Неожиданностям, казалось, не будет конца. Алена повернулась к Андрею:

— Я не давала ему пульт, — сказала спокойно, как в троллейбусе: «Нет, я не выхожу на этой остановке».

— Я знаю, — так же спокойно ответил Андрей. Они переговаривались между собой, словно Сани здесь не было, — не обращая на него никакого внимания.

— Ну мне пора. Честь имею. До завтра, Алена. Позвольте мне пройти, — обратился к Алене с Андреем, стоявшим у него на пути. Ни Андрей, ни Алена не шелохнулись.

— Прошу прощения, господи, — улыбнулся Саня, — но мне, право, пора. Время позднее.

— Я тоже прошу прощения, — сказал Андрей, — но не будете ли вы так добры и не объясните мне, почему окно надо стеклить.

— Вероятно, потому, что оно разбито, — Саня оставался невозмутимым, как актер Броневой в «Формуле любви».

— А кто его разбил? — продолжал допытываться Андрей, манкируя этикетом.

— Боюсь, что я, — Саня изобразил легкое смущение.

— Не соблаговолите объяснить, почему вы это сделали?

— Случайно, знаете ли, задел.

На первом этаже слышались голоса.

— Это милиция, — объяснил Андрей и обратился к Сане: — Вы ничего не имеете заявить?

— Нет, не имею.

— А ты, Алена?

Алена растерялась. Сейчас, когда все позади, ей не хотелось заявлять на Саню. Пусть уходит — уходит из ее жизни навсегда. Она хотела просто забыть о нем как о кошмарном сне. Но ведь он не получил того, что искал, и может прийти снова. Или подослать кого-то вместо себя. Что делать? Надо посоветоваться с Андреем, но не сейчас, не при Сане. А как Саню убрать? Догадалась как:

— Я имею, — и обратилась к подоспевшим милиционерам: — Этот человек проник в мою квартиру в мое отсутствие. Когда я вернулась домой и застала его, он вел себя грубо, разбил окно...

«Стоп, довольно, — остановила себя Алена. — Если я еще что-нибудь добавлю, Саня получит десять лет без права переписки. А так он, голубчик, посидит в “холодной” до утра, поостынет и, может быть, перестанет врать. Саня не из тех, кто ради идеи пойдет на тюремные нары. А мы с Андреем за это время обсудим “текущий момент”».

Милиционеры взяли Саню под свою опеку, и все вместе поднялись к Алене в квартиру. Саня демонстрировал благородное возмущение:

— Я прошу внимательно осмотреть замок на двери этой квартиры — я бы не смог его открыть, если бы хозяйка квартиры сама не дала мне пульт с кодом. Этот пульт — ключ к замку. В него «зашит» код, который невозможно подобрать, потому что при первой же попытке открыть замок с неправильным кодом включается сирена.

Этот аргумент озадачил милиционеров, но еще больше — Алену. До нее только сейчас дошло, что Саня просто не мог попасть в ее квартиру в ее отсутствие. Но он в нее проник! Конечно, Саня мог оставить себе один пульт, когда вручал ей остальные три, но она перекодировала замок после ухода мастера. Код ввела только в один пульт — свой, и Саня в это время находился на кухне и не видел, ни что она вводит в пульт, ни что наби-

рает на замке. После этой операции замок можно было открыть только с ее пульта, и никак иначе. Но Саня его открыл!

«Не знаю, как он это сделал, но этот замок — его алиби. Поверят ему, а не мне. И ладно бы только милиция — мне до нее дела нет. Но Андрей! Он подумает, что я принимаю по ночам Саню, что у меня с ним...» — Алена застонала, вслух.

— Насчет замка и пульта показания гражданина соответствуют действительности? — обратился к Алене старший из стражей порядка.

— Да, — обреченно сказала Алена.

— Нет, — спокойно возразил Андрей и обратился к «старшому». — Я прошу уточнить, когда хозяйка квартиры дала этому господину пульт от замка.

— Пожалуйста, ответьте, — «старшой» был предельно вежлив — он держал в руках Санино журналистское удостоверение и не искал неприятностей на свою голову.

Алена не понимала, к чему Андрей клонит, и его «нет» ее одновременно и обнадежило, и крайне удивило. Но одно она поняла сразу: если сейчас Саня скажет, что пульт она дала ему сегодня, — он себя выдаст: начиная со вчерашнего вечера и до настоящего момента Алена ни единой минуты не оставалась одна. С ней все время были люди — и они подтвердят, что Саню она сегодня не видела, следовательно, пульт ему передать не могла. Но если он скажет, что пульт получил вчера, после того как поставили замок, тогда все... Она не сможет доказать Андрею, что Саня лжет.

«Саня, скажи, что пульт я дала тебе сегодня! Ты ведь все равно врешь! Так какая тебе разница? А для меня это вопрос жизни и смерти. Ну будь человеком, и я не выдвину против тебя обвинений. Уйдешь с миром. Клянусь!» — Алена мысленно взывала к Сане, не решаясь просить Бога, чтобы Он заставил Саню сказать неправду.

Но Саня остался глух к ее немой мольбе:

— Пульт я получил вчера. Хозяйка квартиры, гражданка Ермаилова, дала мне его сразу после того, как ввела новый код.

У Алены сердце оборвалось.

— Это неправда, — по-прежнему спокойно заметил Андрей. — Если бы пульт с введенным в него кодом вы получили

вчера, сегодня вы бы не смогли открыть этим кодом дверь. Вчера вечером, после того как мы обнаружили попытку проникновения в квартиру, я перекодировал замок и ввел новый код в пульт. Но только в один пульт — в тот, которым пользуется хозяйка квартиры и которым сегодня вечером она открыла замок в моем присутствии.

— Я знаю, но она продиктовала мне новый код по телефону, — Саня и глазом не моргнул.

— Нет, Алена не могла продиктовать вам новый код по телефону — она его не знает. Я не сказал ей, что перекодировал замок и, естественно, не сообщил новый код.

«Господи, спасибо! — возликовала Алена. — Я была неправа. Не надо, чтобы Саня врал. Да здравствует правда!»

— Но она мне его назвала, можете проверить мой пульт — он откроет дверь, — не унимался Саня.

Пульт проверили. Вопреки ожиданиям, дверь открылась сразу же после нажатия кнопки на пульте. Оставалось выяснить, каким образом это происходит, но Саня стоял на своем и секреты «фокуса» раскрывать не желал. Очевидно, такое недоверие к властям обидело милиционеров, поелику они поспешили предложить Алене осмотреть квартиру на предмет пропажи имущества. Над Саней нависла угроза обвинения в квартирной краже.

«Эх, — позволила себе помечтать Алена, у которой гора с плеч свалилась, — сказать бы, что он меня обокрал! Но нельзя, только что ратовала за правду. А жаль...»

После составления протокола с привлечением, несмотря на поздний час, понятых, Саню увезли. Алена с Андреем остались вдвоем. Чтобы не утратить обретенных навыков и закрепить достигнутый возле лифта успех, они снова бросились в объятия, после чего Андрей выслушал рассказ Алены о событиях вечера. Алена, в свою очередь, поинтересовалась, как он здесь оказался — так неожиданно и так вовремя.

— Я стал спускаться по лестнице, прошел один пролет, потом вернулся и постоял под дверью. Да, Алена, слушать под дверью неприлично, я знаю, но я слушал. В квартире было тихо. Я спустился вниз, посмотрел на твои окна: в кухне горел свет, я видел на занавесках твой силуэт — ты что-то делала, совершенно спокойно. Я постоял, понаблюдал. В комнате свет ты не включала,

но на кухне он горел. Я снова поднялся — за дверью было тихо. Я решил, что ты, скорее всего, присела в кресло и уснула. Я постоял еще немного, потом опять спустился вниз. По-прежнему светилось только кухонное окно. Я был уверен, что ты спишь — денек у тебя был тот еще. И я уехал. Приехал домой — и сердце сжала тревога. Ничего конкретного — просто защемило в груди. Я бросился к машине — и сюда. Увидел разбитое окно, перепугался до смерти, бросился в подъезд. В подъезде услышал шум — возню на втором этаже. Когда увидел зависший лифт, сразу понял, что ты в нем. Он завис между вторым и третьим этажами. Лучше было бы открыть двери шахты на втором этаже — тебе легче было бы выбраться из лифта, но у вас лифт на втором этаже не останавливается, как и в моем подъезде. Значит, двери шахты на втором этаже заблокированы, и их не открыть. Я бросился на третий этаж. Ни на втором, ни на третьем этаже я никого не увидел... Остальное ты знаешь.

— А как ты открыл двери шахты? У тебя же ничего не было — ни лома, ни...

— Руками. Взял и раздвинул. Створки поддались.

— Выходит, Саня пытался открыть двери, которые открыть невозможно?

— Выходит, так.

— Бедный!

— Да, намаялся парень, что и говорить!

— Как думаешь, почему он не догадался попытать счастья с дверьми на третьем этаже, если на втором не получалось?

— Думаю, в его подъезде лифт на втором этаже останавливается, поэтому ему и в голову не пришло, что где-то может быть иначе. Он считал, что дверь можно открыть, что ее просто заклинило. Вот и старался. А на третий этаж он, скорее всего, не пошел потому, что такие лифты, как у нас, — старенькие, — ведут себя непредсказуемо. Он мог опасаться, что когда откроет двери на третьем этаже, на втором они тоже откроются — лифт был между этими этажами, и все могло стать. А в таком случае ты выпрыгиваешь из лифта на втором этаже, а он в это время находится на третьем. Если бы ты бросилась из подъезда, он бы тебя не догнал. Вот и не хотел рисковать.

— А я все это время заставляла себя верить Сане и гнала прочь подозрения.

— Я был уверен, что он любит тебя, любит и безумно ревнует — отсюда и все странности в его поведении, и его звонки. Он же вел себя так, будто старался во что бы то ни стало навлечь на себя подозрения: и замком, и звонками... Это и заставляло меня сомневаться в его причастности к этому делу.

— Остается выяснить, что ему было нужно от меня.

— Да, Алена, это загадочное «ничто» никак не хочет выйти из тумана.

— Как ты думаешь, мы это когда-нибудь узнаем? — со смехом спросила Алена.

— Узнаем, не сомневайся! Но я вот не понял, зачем ты поставила кассету?

— А ничего больше я сделать не могла. Мне надо было как-то связаться с тобой, а позвонить Саня бы мне не позволил. С тобой меня соединяла эта песня на кассете — я ее и поставила. Я подумала, что если Бог есть, Он сделает так, чтобы ты ее услышал, и тогда ты поймешь, что я зову тебя. Глупо?

— Нет, не глупо. Я ведь услышал. И понял. Но можно было проще: напрямую обратиться к Богу, без кассеты. Но это совсем не глупо...

Они сидели на диване, обнимая друг друга за плечи и приклоняясь головами, и разговаривали. Потом слова ушли, и они сидели и молчали. Они были счастливы, и им не были нужны слова — зачем говорить о том, что ясно и без слов?

Андрей спросил — чуть слышно прошептал:

— О чем ты думаешь?

— Я не перестаю удивляться: обо всем, что есть в жизни, можно говорить стихами. Не писать стихи, нет, а рассказать стихами, уже кем-то ранее написанными:

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.

В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!⁴⁰

18

Утро выдалось туманное, как и в тот день, когда Алена надумала погулять в парке. Алена стояла у окна и любовалась туманом через нововставленное стекло — видимость была хорошая, стекло прозрачное, чего нельзя сказать ни о тумане за окном, ни о ее туманном «деле». Саня третий день сидел в кутузке, и по всему было видно, что сидеть ему там придется долго. Но это был его выбор: Саня уклонялся от «сотрудничества» не только с правоохранительными органами, но и с Аленой. Алена сумела получить свидание с ним и предложила честно все рассказать. Но Саня по-прежнему «ломал комедию», как и три дня назад, когда заявил, что Алена сама дала ему пульт от своего замка с разрешением приходить в любое время дня и ночи. Он, мол, ничего не понимает, он зашел чайку попить, а его на балконе заперли, и он Алене не угрожал, он читал ей стихи... И так далее, и в таком духе. Одним словом, разговор ни к чему не привел.

Секрет Саниного «фокуса» с замком раскрыли очень быстро — обратились в фирму, поставившую замок, и попросили объяснить, как такое возможно. Люди в фирме оказались сообрази-

---

⁴⁰ Марина Цветаева «Двое».

тельными и сразу поняли, что правда — это всегда лучше неприятностей от милиции и антирекламы в прессе. Как оказалось, Санин расчет был прост, как все великое, хотя великим и не был: Саня поставил Алене не квартирный замок, а офисный, «корпоративный». Офисный замок отличался от квартирного. Суть различий состояла в том, что офисные замки, в отличие от квартирных, можно было кодировать дважды. Каждый замок для офисного помещения имел свой собственный код, а также еще один, общий для всех замков данной «корпорации». Общий код, как правило, был известен главному менеджеру или хозяйну, чтобы тот мог своим пультом открыть любую дверь в офисе. Этот общий код был главный из двух кодов и автоматически блокировал второй, индивидуальный код замка, не отменяя его. На Аленином замке и пульте тоже были установлены два кода: о существовании основного кода, и сам код, знал только Саня, Алена же и Андрей имели дело с индивидуальным кодом, подчиненным основному. Саня, конечно, все отрицал, уверял, что не знал этих тонкостей, но это уже не имело значения, поскольку в квартиру он попал, а обнаруженный при нем пульт отпирал замок независимо от введенного в замок кода.

Вчера к Алене позвонил Санин адвокат и попросил о встрече. Встретились. Адвокат умолял Алёну забрать из милиции заявление, напомнил, что Саня ее старинный друг, который не мог желать ей ничего дурного, не говоря уже о том, чтобы угрожать ей действием.

«Это недоразумение, — уверял адвокат, — нелепое, страшное недоразумение, из-за которого может пострадать ни в чем не повинный человек... А у него семья, ребенок... Подумайте, еще не поздно, еще все можно поправить! Вы же не один год с ним знакомы, он — ваш друг... Вы знаете этого человека, и знаете с самой лучшей стороны... В тот вечер вы воспринимали его слова и его самого неадекватно: вас преследуют, вам угрожают — вот вы и увидели угрозу там, где ее не было и быть не могло... Подумайте... Не берите грех на душу!»

Все доводы адвоката Алёна мысленно «делила на шестнадцать» — адвокат должен быть убедительным, иначе это не адвокат. Однако последний аргумент, относительно не приятия греха на душу, попал в точку. От адвоката это обстоятельство не укры-

лось, и он, найдя, наконец, Аленину «ахиллесову пяту», закрепился на этом плацдарме и стал развивать успех. К концу разговора Алена уже ни в чем не была уверена, и, самое неприятное, она не была уверена в себе: «А если я и в самом деле все не так поняла. Если Саня, со свойственной ему наглостью, просто пришел ко мне в гости, не смущаясь моим отсутствием и воспользовавшись своим пультом? А я его за это в тюрьму?! Ужас!»

По сути, это даже был не аргумент — ничего, что свидетельствовало в пользу Саниной невинности, адвокат не сказал. Но он упомянул о Боге, в Которого Алена теперь не просто верила: она поклялась Ему в верности. И это в корне все меняло.

И вот, на следующий день после встречи с адвокатом, она стояла у окна и смотрела в белый туман за окном: «Красиво... Но туманно... Если есть хоть что-то, что позволяет усомниться в Санином вероломстве, это «что-то» должно перевесить все очевидные и безапелляционные факты, свидетельствующие против него. Я располагаю только его заверениями. Но достаточно ли этого? Неделию назад я бы поверила ему на слово, но сегодня — нет. Если он мог, глядя мне в глаза, сказать, что я сама дала ему пульт от замка, — значит, он может лгать и умеет это делать. Господи, убереги от ошибки, пусть все прояснится. Я не могу взять такой грех на душу!»

Зазвонил телефон. Алена сняла трубку — это был Саня. Алена начала бессильно опускаться, намереваясь сесть на что-либо устойчивое, и ей это почти удалось — она «приземлилась» на ковер рядом с креслом: «От Сани нет спасения, — Алена хотела было швырнуть трубку, но быстро передумала и ограничилась громким и протяжным душевным стоном. — Куда и под сколько замков его надо посадить, чтобы он не смог меня достать?!»

«Алена, — голос у Сани звучал тускло и безрадостно. — Нам необходимо увидеться, как можно скорее. Я согласен все тебе рассказать. Как на духу. Только, умоляю, поторопись». — И в трубке раздались короткие гудки.

Алена тут же позвонила Андрею, и тот пообещал попытаться договориться со следователем, после чего перезвонить ей. Алена почему-то была уверена, что со следователем Андрей договорится — на то он и «программист»! Так и получилось: Андрей перезвонил ей минут через двадцать и сообщил:

— Нам разрешили встречу с ним в одиннадцать. Раньше никак не получается.

— Встречаемся возле входа в «казенное заведение». Вот только где именно?

— Нет, одной тебе ехать нельзя — может быть, это подстроено, чтобы избавиться от тебя.

— Зачем?!

— Они же не получили, что хотели. Саня в тюрьме, а его сообщники? Жди меня дома, никуда не выходи и никому не открывай дверь, даже если это будет твоя соседка.

— Слушаюсь, «вашескобродь»! — Алена браво отсалютовала в трубку, но каблуками щелкнуть не получилось — была в тапочках без задников.

— Вольно! Я скоро.

Андрей прибыл «скоро», как и обещал, и они отправились в «место не столь отдаленное». Для разговора с Саней им отвели маленькую комнатку, которую можно было бы назвать уютной, если бы в ней, кроме стола и привинченных к полу табуреток, имелись какие-либо иные предметы обстановки. «Для Сани и это сойдет, — решила Алена. — А мне даже нравится видеть его на фоне зарешеченного окна». А посмотреть было на что — Саня изменился до неузнаваемости, словно он просидел не трое суток, а, как минимум, лет пятнадцать, и не где-нибудь, а в замке Иф⁴¹.

— Плохо выглядишь, — констатировала Алена вместо приветствия. — Здоров ли?

— Не знаю, но если не выйду отсюда, и как можно скорее, не буду ни здоровым, ни живым. — Саня говорил без присущего ему нагловатого юмора, угрюмо и нервно.

— А чем я могу тебе помочь? — удивилась Алена.

— Я отказываюсь от диска, он твой, — ответил Саня.

— От какого диска? Позвоночного? — не поняла Алена. — И почему меня это должно интересовать?

— Он твой! Тебя оставят в покое.

— Что — «мой»?

---

⁴¹ Тюрьма, в которую был заключен граф Монте-Кристо, герой одноименного романа Александра Дюма.

- Я же говорю: диск!
- Саня, я не понимаю, о чем ты говоришь. О каком диске?!
- О компакт-диске, который ты получила от моего тестя.
- От кого?!
- От моего тестя!
- Я от твоего тестя ничего не получала и не помню, когда его видела!
- Не отпирайся, не надо. Он передал тебе диск за два дня до нападения на тебя.
- Саня...
- Алена, не надо отрицать, вас видели и сфотографировали. Случайно, но сфотографировали. Так что не отпирайся, не надо. Диск твой, я на него больше не претендую. Гори он синим огнем! Но я прошу тебя, Алена, помоги мне! Отзови свое заявление, я больше не могу здесь. Я не желал тебе зла и ничего худого тебе не сделал. Я просто хотел забрать у тебя этот диск. И все. Но теперь не хочу. Только вытащи меня отсюда!
- Саня, мне диск никто не передавал, и с твоим тестем я не встречалась — ни за два дня до нападения, ни за два месяца.
- Алена, я же говорю тебе, что он — твой. Все! Только помоги мне, прошу тебя, забери заявление! Я же не причинил тебе никакого вреда! Прошу тебя!
- Саня, я тебе еще раз повторяю: у меня нет твоего диска, и я о нем не имею ни малейшего представления.
- Забери заявление, прошу!
- Я заберу, а ты выберешься отсюда и возьмешься за старое: грабители, преследователи, взломщики? Кстати, грабитель в парке — твоя работа?
- Да, это я попросил человека забрать у тебя сумку. Я думал, диск может быть при тебе, ты также могла скопировать его в ноутбук.
- А что на том диске?
- Посмотри.
- Да сколько можно повторять: у меня его нет.
- Он у тебя, но это неважно. Вытащи меня отсюда — век тебе благодарен буду!
- Хорошо, но только после того как выясним с диском. Я хочу знать, при чем тут я.

— Алена, забери заявление, и я покажу тебе фотографии — их несколько. Захочешь — подарю их тебе, только забери заявление!

— Что на фотографиях?

— Ты и мой тесть. Он передает тебе пакет.

— Хорошо, я отзову заявление.

— Когда?

— Сегодня. Сегодня же отзову.

— Сделай это прямо сейчас! Прошу тебя, не откладывай!

— Хорошо. Я отзову — а дальше что? Не ты, так кто-то другой из вашей компании будет кровью из меня пить за диск, который я в глаза не видела? Ведь ты говоришь, что его мне передали, а я тебе говорю, что не передавали. Кто меня якобы сфотографировал?

— Ваш фотограф, Николай...

— Из газеты?!

— Да.

В конце концов договорились, что Алена забирает заявление, и они сегодня же вечером собираются у нее — Андрей, Саня и Алена, чтобы послушать Саню. Логически такое свое решение Алена мотивировала тем, что Санина «отсидка» все равно не гарантировала ей спокойной жизни. Но глубоко в сердце она знала: это единственно правильное решение, потому что оно позволяло ей не брать грех на душу и передать все в руки Божьи: Ему все открыто, пусть Он и решает, кто чего заслуживает. Пусть решает Бог, а не она:

Ущерб, перехлест везде,
А мера — только у Бога⁴².

Алена сдержала слово и забрала заявление, при активном содействии Андрея. Он также поспособствовал и скорейшему освобождению Сани — чтобы все обошлось без бюрократии, волокиты и связанной с ними неизбежной потери времени, потому как Саня, когда они уходили от него, едва не плакал: «Только поскорее». В семь вечера все были на месте. Саня, успевший побывать дома и смыть с себя тюремные «воспоминания», выглядел лучше и держался наглее, чем в тюрьме:

---

⁴² Зинаида Гиппиус «Мера».

— Я не принес фотографии, они на работе, в редакции, но я вот что придумал — пригласил на восемь фотографа. Он принесет и отпечатанные снимки, и пленку. Если вы, конечно, не возражаете. К тому времени мы успеем кое-что обсудить, и можно будет дать парню «отбой», если без него все выясним.

Возражений не последовало, действия Сани были признаны разумными и уместными. Он даже мог бы удостоиться Алениной похвалы, если бы не был таким... Саней.

— Я прошу, чтобы в нашем разбирательстве мы исходили из того, что диск я не получала и с твоим, Саня, тестем не встречалась. Неважно, что ты об этом думаешь, но излагай события и факты исходя из посылки: я ничего не знаю.

— Хорошо, до прихода Николая можно и так. Потом уже не получится, снимки не позволят. Итак, ты знаешь, что мой тесть «вхож в сферы» — он там делает бизнес, у него там связи и завязки, в общем, в определенных кругах он свой человек. И к нему в руки попадает материал, который по своей взрывной силе хотя и уступает «Уотергейту», поскольку уровень задействованных лиц на порядок ниже, но шуму наделать может много. В общем, в случае обнародования даже отдельных фактов некоторые весьма солидные люди могут оказаться в весьма затруднительном положении. И не только наши, местные, люди, но и их зарубежные коллеги. Тесть не знал, что с этим делать, поскольку вещи выплывали весьма некрасивые, и сначала вознамерился передать все в прокуратуру, но потом передумал и решил довериться прессе.

— Но почему он остановил своей выбор на мне?

— Потому что знал, что ты не подкачаешь — обнародуешь, чего бы тебе это ни стоило. Он не раз слышал от меня такую характеристику тебе. Да и газета ваша для этого дела подходила как нельзя лучше — она у вас независимая, за ней никто из лиц, фигурирующих на диске, не стоит. Так что надавить на вас они не могли. Конечно, риск для вас был — но только в случае утечки информации, до того как материал будет опубликован. Вам тогда просто помешали бы его опубликовать.

— А сам ты почему не взялся за этот материал?

— Я и взялся! Тесть сначала передал компромат мне. Но у меня были другие виды на этот диск. Я решил его продать.

— Продать?! Кому? — Алена полагала, что Саня уже ничем удивить ее не может, и в очередной раз ошиблась — он вновь ее удивил.

— Заинтересованным лицам. Найти их труда не составляло — они на диске.

— А как вы собирались это сделать? Сугубо технически, — в Андрее проснулся «программист». — Вы не боялись, что они расправятся с вами?

— Не боялся. Они не знали бы, кто продает им интересующий их материал.

— Как это? — у Алены тоже пробудился интерес к технической стороне вопроса.

— У меня есть загранпаспорт на другое имя. На это имя в одной европейской стране открыт счет в банке. Я связался бы с заинтересованными господами анонимно — здесь возможны варианты — и предложил бы им сделку: деньги в иностранной валюте в обмен на компромат.

— А если бы они не согласились? Где у них гарантия, что ты их не обманешь после получения денег?

— Я все продумал. Чтобы они не сомневались в серьезности моих намерений, я переслал бы им информацию — всю и поставил условие: если они не желают, чтобы все это попало в прессу, пусть перечислят такую-то сумму на такой-то счет в таком-то банке не позднее такого-то числа. Я получаю подтверждение из банка и отдаю им диск.

— А что помешало бы вам после получения денег передать диск не «заинтересованным лицам», а прессе? Они ведь должны были подумать об этом, — Андрей не улавливал тонкостей Саниного замысла.

— Ничто не мешало. Но я не требовал у них все, я запрашивал сущие пустяки в сравнении с тем, что они имеют. Но мне этих «пустяков» хватило бы на всю оставшуюся жизнь, и моим детям тоже. Поэтому, я думаю, они заплатили бы без торгов. Да, они рисковали, полагаясь исключительно на мое слово, но риск этот — ничтожный. Они рисковали всего лишь потерей незначительной суммы! Но если я — человек слова, то они очень малой ценой избегали очень крупных неприятностей. Они бы согласились. Я в этом уверен.

— Так почему вы не осуществили свой план? — снова поинтересовался Андрей.

— Потому что тесть потребовал вернуть ему диск. Он, видите ли, усомнился во мне.

— Мудрый и проницательный человек! — уважительно отозвалась Алена о Санине тесте. — И ты отдал ему диск?! Как любил говаривать Станиславский Немировичу-Данченко, не верю, не убедительно! Не мог ты отдать диск, это не в твоей натуре.

— Я и не собирался, но за меня это сделала Катерина. Она знала, куда я его спрятал, и отдала папеньке за спиной у мужа.

— И ты не снял с него копию?

— Снял, конечно. Но чего стоит эта копия, если диск оказался у тебя?! Мне для переговоров нужно было время, а ты ждать не стала бы и опубликовала все. И кто после этого согласился бы заплатить мне за «конфиденциальную» информацию, которую можно прочесть в столичной газете?! Вот я и должен был забрать у тебя диск. Я побывал в твоей квартире в день нападения на тебя — когда узнал, чем оно закончилось. Ты была на работе. И еще бывал... Когда я предложил тебе все осмотреть, чтобы проверить, не пропало ли что, я на самом деле хотел проверить, заметишь ты мои посещения или нет. Ты не заметила. И еще я надеялся, что ты как-то выдашь себя — может, захочешь заглянуть в тайник, где диск «заныкала».

— Да, ты настоящий друг! А я всем с тобой делилась!

— На это тоже была сделана ставка: я, таким образом, знал, что ты думаешь и что собираешься делать. Но ты водила меня за нос и делала вид, будто веришь в случайное ограбление.

— Ну а это глупое «ты труп» зачем понадобилось?

— Во-первых, тебе наглядно демонстрировали, как легко до тебя добраться. Тебя «доставали» везде — даже когда вы втроем шли из «Глобуса».

— А как ты узнал, что мы там будем?

— Ты в редакции разговаривала по телефону со Светой, и сама назвала место и время встречи. Мы вас не выслеживали, мы знали, где вы будете.

— А как ты узнал, о чем я говорила по телефону? И кто эти «мы»?

— Люди, которых я нанял. (Кстати, нанял я их в фирме тестя!) Ты никогда не видела того, кто говорил тебе на ухо угрозу, потому что ожидала увидеть человека, напавшего на тебя в парке. А это были другие люди, совершенно на него не похожие. И ты не обращала на них внимания. А сообщил мне о твоём разговоре фотограф, Николай. Я ему за это приплачивал. Он же и стол твой очистил. На всякий случай он забрал все, что в нем было, — а вдруг ты сняла копию и положила на виду, среди компактов и дискет, чтобы лучше спрятать? Как у Эдгара По: важное письмо положили на столик в прихожей, среди прочей корреспонденции, — и там его не нашли, хотя обыскали весь дом. Ты человек начитанный, могла воспользоваться чужим опытом.

— Хорошо, это «во-первых», а зачем «во-вторых» понадобилось мне угрожать?

— А во-вторых, надо было, чтобы нервы у тебя были на взводе, чтобы ты потеряла покой и сон и думала, что на тебя вышли «они» — те, на кого ты располагала компроматом. Ты должна была думать, что это они тебя предупреждали: «Ты труп, если обнародуешь эту информацию». Вот к этим мыслям тебя и должны были привести слова «ты труп». Замки и двери тоже должны были поспособствовать этому. В идеале, ты должна была позвонить моему тестю и отказаться от информации, которую он тебе передал.

— А дальше?

— За тобой постоянно следили, и ты привела бы нас на вашу с ним встречу. После этого оставалось забрать диск у тестя. Мы бы это сделали. В тот же день. Но ты все время вела себя не так, как ведут себя в таких ситуациях нормальные люди.

— Потому что у меня не было диска, и я не могла, сколько ни пыталась, понять, что вам от меня надо.

— Это неправда, Алена, но я тебя понимаю: ты слишком многим рискуешь и имеешь право держать свои секреты при себе.

— Нет у меня никаких секретов. Но если допустить, что у меня был этот диск, как бы ты помешал мне опубликовать материалы?

— За тобой присматривали и в редакции. Я нашел общий язык с вашим верстальщиком. Если бы ты подготовила материал, он обязательно бы его получил, чтобы поставить в номер.

И сразу же позвонил бы мне. Он должен был задержать верстку полосы, чтобы я успел принять меры. Я знал обо всех материалах, которые ты давала в газету. Он меня исправно информировал — я ведь ему не сказал, что конкретно меня интересует, не хотел утечки информации. Поэтому он сообщал обо всем, под чем стояла твоя фамилия.

— Тамару «подставил» Николай? Он ведь солгал, что видел, как она кому-то что-то передавала?

— Да, он отводил подозрение от себя и, одновременно, давал тебе пищу для размышлений: что и кому передавала Тамара.

— Ну а какую «пищу для размышлений» давали поломанные замки и заколоченная дверь? Над чем здесь размышлять?

— Над абсурдом. Ничто не вызывает такого ужаса, как невозможность найти логическое объяснение происходящему, особенно если происходящее носит угрожающий характер. В этих действиях не было смысла, но я хотел, чтобы ты занималась его поисками и не занималась диском. В конце концов, абсурд, творившийся вокруг тебя, имел к тебе прямое отношение, а диск — опосредованное.

— Но к чему такой риск? А если бы я, услышав стук, когда заколачивали дверь, вызвала милицию?

— Как? Телефонный провод был перерезан, а в твоём мобильнике аккумулятор сел, ты сама сказала. Нет, никого бы ты не вызвала, а вот у тебя гвоздики, вбитые в дверь, должны были вызвать определенные ассоциации! И пока твоя голова занималась бы всей этой ерундой, ты не занималась бы диском.

«Какое счастье, что Бог послал мне Андрея и он занял все мои мысли! Происходящее интересовало меня постольку-поскольку, и в такой же мере я о нем и думала — мне было о ком и о чем подумать. И твои гвоздики, Саня, никаких ассоциаций у меня не вызвали — только вопрос: зачем усложнять себе жизнь, если можно было обойтись парой хороших шурупов! Бедный Саня, столько усилий — и впустую!» — Ничего этого Алена не сказала, лишь поинтересовалась:

— Не слишком ли много хлопот и накладных расходов? Один замок чего стоил!

— Замок я поставил, чтобы внушить тебе мысль: твоя квартира неприступна — в нее пытаются проникнуть, но тщетно. А не

то у тебя хватило бы ума перепрятать диск в другом месте или отдать кому-нибудь на хранение. Мне же надо было, чтобы диск находился в квартире, где до него можно добраться. Так что дело стоило того, чтобы подсуетиться. Это был шанс, который выпадает раз в жизни, и далеко не каждому. Грешно было не воспользоваться.

— Грешно было воспользоваться, — поправила Алена. — Саня, я же знала тебя другим! Когда ты успел так перемениться?

— Не знаю, возможно, просто повзрослел. Жизнь многому нас учит, от нас требуется лишь хорошо усваивать ее уроки. Я свои уроки усвоил. Я видел, как люди делают деньги. Благодаря все тому же тестю. Я ведь очень выгодно женился. Нет, не на Кэт, а на ее папаше, который...

— Как ты сказал? Кэт?

— Ну да, Катерина, Катя, Кэт — моя жена. А что, разве ты не знала? Вы же знакомы.

— Я знала, что она Катя, но не знала, что Кэт.

— Какая разница?

— Существенная. Но это к делу не относится.

«Он не любит Кэт, — подумала Алена о своем сне, пока что первом и последнем. — Много же мне тогда наснилось, ой и много! Я все знала, но обманывала себя, пока мое подсознание не выдало мне информацию во сне, в причудливых образах. Конечно, подсознание иначе не может, но где было мое сознание, когда я проснулась?! Ведь могла же сообразить! Но я больше заинтересовалась картиной Климта. А во сне было совершенно ясно показано, что Саня не тот человек, которым пытается казаться. И я все это видела, но разум мой бездействовал, не осмысливал. О Господи, как же я жила?» — «Как все нормальные люди, которые и сами не предают, и других в этом не подозревают. Людям надо верить, особенно друзьям», — ответила себе Алена, и ответ прозвучал без тени сомнений.

А Саня между тем разговорился, и его уже трудно было остановить: он выкладывал все и находил в этом мазохистское удовольствие — его «хрустальная мечта» о богатой жизни приказала долго жить, и теперь он отплясывал на ее поминках.

— Саня, а тебе не приходила мысль, поговорить со мной открыто?

— Приходила, но я ее отбросил: я знал, что на прямой и откровенный разговор ты не пойдешь, не тот случай — слишком опасно распространяться о том, что попало к тебе, Алена, в руки. И оказался прав: даже сейчас, когда я сказал тебе, что мне все известно, ты продолжаешь отрицать. Но все же один раз ты прокололась! Проговорилась.

— Я «прокололась», «проговорилась»? Это в принципе невозможно, потому что мне нечего скрывать и не о чем проговариваться. Я просто не могла проговориться! Я ничего не пыталась утаить!

— Как бы не так! Помнишь, когда ты позвала нас со Светой, я спросил, умышленно спросил, не было ли в твоей сумке чего-либо такого, что могло представлять интерес не только для уличного грабителя? Помнишь? Так вот, я внимательно следил за твоей реакцией. Отреагировала ты нормально, и бровью не повела. Но догадалась, что мне что-то известно, может быть, даже все. И что сделала ты? Ты повторила мой маневр! Ты сказала, что в твоей сумке, помимо бумажника, лежит ноутбук, а в нем — информация, которая может представлять для меня интерес. И при этом очень пристально следила за выражением моего лица. И я себя едва не выдал. Смутился, потому что понял: ты все знаешь и ломаешь комедию. Но потом подумал, что, возможно, ты не уверена и хочешь выяснить, знаю я или нет. И я постарался убедить тебя, что я всего лишь безобидный болтун и балагур, преданный тебе душой и телом. Да так оно, в сущности, и есть.

— Саня, прекрати. Я уже имею достаточно полное представление о твоей преданности.

— Алена, ты ошибаешься...

— Нет, полагаю, уже не ошибаюсь. Ты поджидал меня в квартире, чтобы забрать у меня диск. И что бы ты со мной сделал, если бы я его тебе не отдала? Как бы ты заставил меня не разглашать то, что на нем записано? Ты бы меня убил.

— Не думаю: ты отдала бы мне диск, и все остались бы живы и здоровы.

— А если бы не отдала?

— Алена, неужели для тебя газетный скандал дороже собственной жизни?

— Нет, не дороже, но диска у меня нет и никогда не было. И отдать его тебе я не могла, даже если бы очень захотела.

— Алена, я тебя умоляю, не надо. Отдала бы.

— Вот видишь, Саня, не все были бы живы и здоровы. Знаешь, мне кажется, что, и получив диск, ты бы меня в живых не оставил. И знаешь почему? Потому что сам ты снял копию с него и абсолютно уверен в том, что и я поступила так же. Так какой же смысл забирать диск и оставлять мне копию?!

— Я потребовал бы и копию.

— А если у меня их две, три, четыре? Нет, Саня, ради такого «шанса, который выпадает раз в жизни, да и то не каждому», ты бы не стал со мной церемониться.

В прихожей раздался звонок. Пришел фотограф. Саня встретил его с воодушевлением:

— Коля, фотки принес? — он был рад возможности перевести беседу в другое русло — из обличаемого превратиться в обличителя.

— Принес, — ответил Николай таким тоном, будто взошел на эшафот и палач, не дав ему дух перевести, сходу поинтересовался, принес ли он топор. — Вот, пожалуйста.

Он выложил на стол снимки и принялся раскладывать их в ряд. На всех снимках была одна и та же улица вечернего города: люди, машины, огни, здание, киоск... И на одном снимке — двое людей, мужчина и женщина, довольно крупным планом. Было видно, что снимали не их — они попали в кадр как часть пейзажа. Однако читались эти двое довольно хорошо, хотя и не сказать, чтобы очень уж четко: на всех снимках был запечатлен город в вечернем тумане, и туманная дымка лежала на всем: на пешеходах, машинах, зданиях... От уличных фонарей отходили яркие белые конусы света, и то, что оказалось в этих конусах, выглядело более или менее отчетливо. Все же остальное тонуло в тумане, размывалось и принимало фантастические очертания. Это была сказка, феерия... Снимки были очень красивые, ничего подобного Алена не видела. Но сейчас она не любовалась мастерской работой Николая, а пыталась понять, где, на какой улице он снимал. Определить это не представлялось возможным — в густом тумане все выглядело не просто незнакомым, все выглядело неземным.

— Где это? Что за улица? — обратилась она за помощью к Николаю.

— Не узнаешь? Это же возле редакции, — ответил фотограф, несколько обнадеженный тем, что если к нему обращаются, так, может, не выгонят из газеты за «сотрудничество» с Саней.

Алена присмотрелась. Действительно, вот здание редакции, вот газетный киоск на остановке, вот, на одном из снимков, дверь в редакцию. Но все это выглядело таким непривычным и незнакомым, что узнать было невозможно. И как все было красиво, даже киоск! А машины! Их фары выбрасывали вперед, параллельно дороге, слабые светлые конусы, а в этих конусах ярко светилась длинная, метров до полутора — двух, узкая линия. На дорогу падали не пятна света, а дуги — яркие, с ажурным узором внутри.

— А где же я? — спросила она, не помня, чтобы в такой вечер была возле редакции и видела все это.

— Вот ты! — и Саня, не скрывая торжества, указал на женщину, которая стояла рядом с мужчиной. Это была та пара, которая случайно оказалась в кадре. — А рядом с тобой — мой тесть. Ну, что теперь скажешь?

Алена ничего не могла сказать по поводу фотографии. Она помнила тот удивительный вечер и тот необыкновенный туман. О нем на следующий день писали во всех газетах, причем первые полосы многих из них украшали фотоснимки этого чуда природы. Она тоже любовалась этим туманом...

— Я в тот вечер, как всегда, вышел из редакции не через главный вход, который на улицу, а через служебный — во двор, к машине. Во дворе все было как всегда: фонари горят, деревья под фонарями желтые, окна домов светятся... Я случайно глянул на угол дома, где вход во двор между двумя зданиями, — и обалдел. Там ничего не было видно — сплошная белая стена, которая заползала во двор. В первый момент я даже не сообразил, что это туман, — во дворе тумана не было, видимость прекрасная. Я тут же схватил камеру и начал снимать, потом выбежал на улицу и снимал там. Улица утопала в тумане! Я снимал и снимал...

— А потом позвонил мне и предложил снимки. Николай часто предлагает нашей газете свои снимки, мы давно сотрудничаем. Я ухватился за предложение, потому как в нашем фотоаппарате уверен не был — фотографировал он или нет. Николай в тот

же вечер приехал ко мне домой и предложил на выбор. Вот тут я тебя, Алена, и увидел. И своего тестя тоже. Подумал, было, теще показать, но решил не «светиться» перед тестем — зачем ему знать, что его засекли?!

Алена смотрела на снимки. Она тоже любовалась этим туманом — но из окна своей квартиры! Она подняла голову от снимка, который рассматривала, держа в руках. Ее лицо расплывалось в улыбке, улыбка становилась все шире, шире — и Алена расхохоталась. Она смеялась и не могла остановиться. Саня смотрел на нее и не мог понять, что ее так развеселило. Андрей тоже поглядывал с нескрываемым интересом. Николай, который вообще не понимал ничего, кроме того прискорбного факта, что Саня втянул его в скверную историю и он капитально «влип». Правда, Аленин смех вселил в него некоторую надежду — может, посмеялся и забудем?

— Эт-то, — сквозь смех пыталась объяснить Алена, тыча пальцем в фигуру женщины, — эт-то не я! Ой, я сейчас умру от смеха! Это не я, Саня, не я! Я наблюдала туман отсюда, — и Алена протянула руку в сторону балкона. — С ума сойти, Саня, ну ты и олух! А еще хотел такую аферу провернуть! Ой, я не могу!

— Как это — не ты? — пробормотал Саня, которому почудилось, будто его стукнули обухом по голове. — А кто же это?

— Знаю, но не скажу! — Алена весело смотрела на Саню, довольная, что туман рассеялся. По крайней мере, для нее.

— Ты это, — Саня пытался настаивать, но уже не так уверенно, как прежде. — Я тебя узнал.

— Саня, на этом снимке мы с ней действительно похожи. Но только на этом снимке, потому что здесь — туман и потому что она, женщина, здесь не в фокусе. Твой тесть встречался не со мной и знал это — он не мог нас спутать даже при сильном тумане. В жизни мы не похожи. Ты думаешь, у женщины на фото длинные светлые волосы, как у меня? Ошибаешься. Они кажутся светлыми из-за отсвета фонаря и тумана. В жизни она темная шатенка. И у нее стрижка — «боб-каре» называется.

Фотограф догадался, о ком Алена говорит, и схватил фотографию.

— Точно! — воскликнул он. — Она, и одежда ее, и сумка, как у Алены, и волосы подстриженные...

— Подстриженные?! — не выдержал Саня. — Ты что, не видишь?! Они же спускаются на спину, вот, смотри, — Саня провёл ручкой по фото.

— Нет, — возразил Николай, — то, что ты принял за волосы, на самом деле капюшон куртки. Он не надет на голову, а откинут. Ты принял капюшон за длинные волосы, а у нее стрижка. Смотри: туман сгладил линии и не видно, где заканчивается причёска и где начинается шарф, а за ним — капюшон. У нее светлая куртка с капюшоном, она всю осень ее носила. Это не Алена, это Аня! Аня Сидоренко, которая недавно уволилась. Вы и в самом деле похожи, Алена, но только на этом фото! Да и освещение не очень — мужчина больше на свету, а на нее света падает меньше, и видна она хуже, больше в тумане, чем он. И лицо толком рассмотреть нельзя. Но это она.

На Саню было жалко смотреть. Он обмяк на стуле и сидел, совершенно потерянный, тупо глядя на фото, где его тесть был изображен с Аней Сидоренко, уволившейся из редакции по «семейным обстоятельствам».

— Нет, этого не может быть, — он посмотрел на Алелу, обращаясь только к ней: — Я мог понять, почему он передает диск тебе, но Ане?! Что она стала бы с ним делать?! В отделе писем!

— Откуда ты знаешь, что Аня работала в отделе писем? — удивилась Алелна. — Вы знакомы...

Она как будто услышала голос Светика: «Для Сани жена — не единственный свет в окошке. У него есть другая, и, каюсь, возникла у меня мысль, что этой «другой» можешь оказаться ты. Но потом я поняла, что не ты». Возможно ли, чтобы этой другой была Аня?

— Да, мы знакомы, очень хорошо и близко знакомы. Но она исчезла, пропала, испарилась...

— Она уволилась. По семейным обстоятельствам.

— Знаю. Николай сказал. Но она ничего мне не сказала. Получила диск — и исчезла!

— Саня, когда ты увидел фото и «узнал» на нем меня, ты не присматривался к тому, что передает твой тесть. Потому что ты заранее решил: он передает мне диск. А что же еще он может мне передать?! Но теперь ты знаешь, что на фото — не я. Почему же ты продолжаешь думать, что в пакете — диск? Ведь ты сам

говоришь, что Ане он ни к чему, да и тесть твой вряд ли стал бы отдавать такого рода информацию первому встречному, вышедшему из дверей редакции. И перед редакцией он это делать тоже не стал бы. Он передает Ане не диск, а что-то другое. То, что имеет к ней непосредственное отношение.

— И что же это, по-твоему?

— Деньги, чтобы Аня уволилась с работы, уехала из города и навсегда исчезла из твоей жизни. Твой тесть покупал семейное счастье для своей единственной дочери. И купил.

— Нет, этого не может быть! Нет!

— Да, Саня, да. Посмотри, какой солидный пакет Аня держит в руках. Там должна быть приличная сумма, если, конечно, твой тесть не расплачивался с ней купюрами, достоинством в одну гривну.

— Прекрати! Это не смешно!

— Я и не смеюсь. Жизнь, Саня, всем нам дает уроки, которые мы должны усваивать — это твои слова. Похоже, Аня неплохо усвоила свой урок: она продала тебя твоему же тестю. Хороший бизнес! Ничем не хуже того, которым ты хотел заняться, даже лучше — не такой хлопотный и рискованный. И все то время, когда ты донимал меня, ты мнил себя продавцом и не подозревал, что ты — не продавец, ты — товар, которым торгуют в открытую, прямо на улице. Но не огорчайся, посмотри еще раз на фото: за тебя, судя по толщине пакета, назначили неплохую цену, гораздо выше твоей рыночной стоимости. — Алена с грустью посмотрела на Саню: — Саня, твой тесть не передавал мне диск, он поступил иначе: растиражировал его и разослал по почте во все газеты. Мы получили свой экземпляр утром на следующий день после твоего непрошеного визита ко мне. Ваша газета тоже получила — ты бы это знал, если бы не сидел в кутузке. Прощай, Саня. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Эпилог

На следующий день, ближе к вечеру, Алена со Светиком «сумерничали» на Аленином диване, и Алена держала строгий отчет в том, чего Светик еще не знала. А Светик не знала о вчерашних признаниях Сани и о том, что Алена сдержала

клятву, данную Богу в ее, Светика, присутствии: поверить в Него, если Он покажет ей лицо мужчины, изображенного на картине из ее сна.

— Я тогда подумала, что ты кощунствуешь и доиграешься, — призналась Светик. — Только вслух говорить не стала, чтобы не спровоцировать тебя на что-либо худшее.

— Я не хотела оскорбить тебя или Бога. Просто поставила абсурдное и невыполнимое условие, не столько Ему, сколько тебе, чтобы ты оставила меня в покое. Но Бог это условие принял. И выполнил. Знаешь, когда я сидела в лифте, мне пришла в голову мысль, что надо поблагодарить Его за то, что Он защитил меня от Сани. И я сказала «спасибо». Но внутренний голос тут же дал мне понять, что Бога так не благодарят. А как еще я могла это сделать? Не деньги же предлагать! Я даже растерялась, а потом сообразила, что можно предложить Богу, чтобы и меня совесть не корила, и Бог не был оскорблен. И отдала Ему самое дорогое, что у меня было.

— Что?

— Себя любимую. И Бог не только принял мой «подарок», но и меня одарил — и Его дар во сто крат щедрее моего!

— И что же это за бесценный дар?

— Андрей.

— А все же признай, я была права: Бог послал грабителя, чтобы привлечь тебя к Себе, — Светик жаждала полной ясности во всех аспектах этого запутанного и туманного дела.

— Нет, подруга, в этом ты, как раз, не была права. Бог послал не грабителя, Он послал мне сон. Грабитель был потом, как следствие этого сна и моего условия: поверю в Бога, если Он покажет мне лицо того, кто в моем сне был изображен вместе со мной на картине.

— Ты шутишь? Все началось с попытки ограбления. Сон был потом, неделю спустя, как и твое условие! Ты что, не помнишь?

— Помню. Но все происходило в такой последовательности, как я сказала: недосмотренный сон, мое условие, грабитель в парке, преследование, угрозы, Саня в моей квартире, лифт, Андрей вытаскивает меня из лифта. Вот как все было.

— Ты свое условие когда поставила? Двадцать второго октября? Правильно? А грабитель когда на тебя напал? Четырнадцатого,

верно? Ну и как такое может быть, чтобы сон предшествовал ограблению?

— Может, Светик, может. Это для нас все выглядит так, как ты говоришь, но откуда нам знать, как все видится Богу!

— Ой, что-то я тебя не понимаю!

— А ты напрягись — тогда, может, и поймешь.

— Сходи к доктору. Пожалуйста! Сходишь?

— Не-а!

— Алена, ты меня разыгрываешь.

— Нет! Следи за ходом моей мысли. Начиная с четырнадцатого октября моя жизнь превращается в нечто невероятное, в полнейший абсурд. Причем без видимой на то причины. (Ограбление не может быть причиной, потому что события, за ним последовавшие, из него не вытекали.) Впоследствии выясняется, ни сам этот абсурд, ни то, что его породило, не имело ко мне никакого отношения. И продолжалось все это до того момента, пока мое условие не было выполнено. После этого абсурд прекратился, так же внезапно, как и начался.

— Допустим. Но четырнадцатое и двадцать второе! Объясни это!

— Объясняю. Почему четырнадцатого октября произошла встреча с грабителем? Потому что двадцать второго я поставила свое условие, и оно было принято. Чтобы его выполнить — то есть показать мне наяву ту картину, которую я не успела рассмотреть во сне, — картину требовалось «написать». Работа над «картиной» началась четырнадцатого — когда начались все эти нелепости, не связанные со мной, но работавшие на «картину». Без них ситуация не сложилась бы таким образом, чтобы я оказалась в зависшем лифте, и Андрей вызволял меня из него. А это было необходимым условием — на площадке перед лифтом мы, сами того не подозревая, воспроизвели картину Климта. И я увидела лицо того, кого люблю, — но уже не во сне, а наяву.

— То есть ты хочешь сказать, что...

— Я хочу сказать, что Бог просто писал затребованную мною «картину», на которой я пожелала увидеть лицо того, кого очень люблю, и наносил мазки на «холст» — на мою жизнь. — Алена сделала паузу, посмотрела на Свету, понимает ли та, и продолжила: — Во сне я любила человека, который меня обнимал

и лица которого я не видела. Однако наяву, когда ставила Богу ультиматум, я никого не любила! Понимаешь? Ни-ко-го! Я любила только в своем сне! И вдруг на меня обрушивается любовь — враз, в одночасье, и с такой неистовой силой, что... Что впору было проснуться, да только я не спала! Это происходило в жизни, это происходило наяву, это происходило со мной. Любовь тоже послал мне Бог — ведь во сне я любила, потому и хотела увидеть любимого. Значит, так должно было быть и наяву: и наяву я должна была любить того мужчину, который будет целовать меня на краю «бездны».

— Но как такое возможно?!

— А вот это уже вопрос не ко мне!

— Но ведь тогда получается, что ты обращаешься к Богу «сегодня», Он слышит тебя «вчера» и выполняет твою просьбу «завтра».

— И, заметь, похоже, что для Него все выглядит как «здесь» и «сейчас».

— Пожалуйста, не усложняй! И так понять невозможно!

— Ну что же здесь непонятного?! Представь, что ты идешь ранним утром по увитой туманом аллее. Асфальта почти не было видно под опавшими за ночь листьями, еще никем не затоптанными и не помятыми — до тебя по ним никто не ступал. Ты идешь, и деревья, по мере того как ты приближаешься к ним, выступают из тумана. Ты оглядываешься — но видишь только ближайшее к тебе дерево, все остальное опять скрылось в тумане. Это дерево ты прошла, оно — «вчера», дерево, которое уже выплыло из тумана и ты видишь его перед собой, — «сегодня», а еще не видимое за пеленой тумана — «завтра». Все эти деревья растут «здесь» — в парке — и «сейчас». Но ты видишь только те из них, которые близко к тебе. Остальное для тебя как бы не существует — уже не существует или еще не существует. А теперь представь, что есть Некто, для кого не существует туман, для Него парк всегда в ярком солнечном свете, и Ему прекрасно видно и твое «вчера», и твое «сегодня», и твое «завтра» — все деревья. Для Него все они — «здесь» и «сейчас», все существуют сразу, одновременно, потому что нет «тумана» — нет того, что мы называем коротким словом «время».

— Все это звучит красиво и даже поэтично, но относится к жанру «фэнтези».

— Нет, это не «фэнтези», это — жизнь. И ты сама, лично, все видела и знаешь, что это правда и ничего кроме правды.

— Алена, мы помолились, чтобы Господь прояснил тебе твой сон, — Он его и прояснил, — Светик стояла на своем и сдаваться не желала.

— Вот именно: мы попросили у Него мудрости для меня — чтобы я поняла то, что Он мне покажет. Он выполнил и эту просьбу. Он мне так ясно все показал — яснее не бывает! Светик, я не хочу затевать богословский спор, в котором ты мне сто очков вперед дашь. Я рассказала тебе... Сама не знаю, зачем я тебе все это рассказала! Не принимай близко к сердцу — это просто мысли вслух.

Алена встала и подошла к окну. Уже давно стемнело, на улице зажглись фонари. Алена обернулась к Свете:

— Иди-ка сюда! Посмотри, какой невероятно красивый, светлый туман! Необыкновенный туман! Такой чистый и ясный!

Киев, 2004

Валентина Новомирова
Туман

Редактор І. Нікольська
Коректор О. Авраменко
Дизайн і верстка Р. Салій

«Світло на Сході»,
Київ, вул. Хорольська, 30.

Підписано до друку 29.04.2005. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Наклад 5 000 прим.
Реєстраційне свідоцтво: ДК № 1827 видане Державним комітетом
телебачення і радіомовлення України 03.06.2004.

Надруковано: «СВС-Print»
02152, Київ, вул. Березняківська, 4-А.

ISBN 966-96449-3-3